ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

В. М. Виноградов

ЕГИПЕТ:
ОТ НАСЕРА К ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЕ

Из архива посла

Москва
ИВ РАН
2012

УДК 94(620).05
ББК 63.3(6Еги)
В 493

Составитель и ответственный редактор:
доктор исторических наук В. В. Беляков

Рецензенты:
доктор исторических наук А. И. Яковлев
доктор исторических наук А. Ш. Кадырбаев

В 493 **Виноградов В. М.**
Египет: От Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. — М.: Институт востоковедения РАН, 2012. — 216 с.

ISBN 978-5-89282-523-8

Книга известного советского дипломата В.М. Виноградова (1921–1997) посвящена ситуации в Египте начала 1970-х гг., где автор работал в качестве посла СССР (1970–1974 гг.). Он анализирует эволюцию внешнеполитического курса Египта, ход и исход Октябрьской войны 1973 г., работу Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, рассказывает о своих встречах с Гамалем Абдель Насером и сменившим его на посту президента Египта Анваром Садатом. Книга рассчитана на историков-востоковедов, а также всех тех, кто интересуется недавней историей Египта.

УДК 94(620).05
ББК 63.3(6Еги)

ISBN 978-5-89282-523-8

© Институт востоковедения РАН, 2012
© Наследники В.М. Виноградова, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*В. В. Беляков*)……..……. 4

Встречи с Насером …… 7

Египет: смутная пора. Записки посла СССР …..……..… 15

Мухаммед Анвар Садат. Штрихи к портрету …… 80

Заметки на полях книги М.Х. Хейкала «Дорога к Рамадану» …… 159

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 октября 2011 г. Ассоциация российских дипломатов отмечала 90-летие со дня рождения одного из своих выдающихся коллег – Владимира Михайловича Виноградова (2 августа 1921, Винница – 21 июня 1997, Москва). Выступивший на вечере старший сын Виноградова, Александр Владимирович, упомянул о том, что в хранящемся у него архиве отца много не публиковавшихся рукописей, касающихся, в частности, его работы в качестве посла СССР в Египте и Иране.

По окончании вечера я подошел к Александру Владимировичу, поинтересовался, что это за рукописи. Он показал мне список наиболее значительных по объему произведений. Полдюжины из них касались Египта, где Владимир Михайлович с октября 1970 по апрель 1974 г. работал Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР. Заинтересовавшись, я попросил разрешения познакомиться с рукописями, будучи уверенным, что они представляют общественную ценность.

Период своей работы послом в Египте В.М. Виноградов назвал «смутным временем». И это справедливо. Это был период, когда, после скоропостижной кончины выдающегося деятеля арабского национально-освободительного движения Гамаля Абдель Насера, будущее Египта выглядело неясно. Преемник Насера на посту президента Анвар Садат начал понемногу менять политику страны. От тесного сотрудничества с СССР Египет стал все больше поворачивать к союзу с США. При этом подлинные намерения президента нередко маскировались утверждениями о верности курсу Насера: Египет нуждался в поддержке СССР, да и многолетнее разностороннее сотрудничество с нашей страной оставило добрый след и у значительной части египетских политиков, и у простых египтян. Словом, именно в этот период закладывалось направление дальнейшего развития Египта, которым он с небольшими коррективами и следовал вплоть до январских событий 2011 г.

Между тем в отечественной литературе начало 1970-х гг. в Египте все еще исследовано лишь в общем виде[1]. Единственная книга на русском языке, относящаяся к этому периоду, посвящена Октябрьской войне 1973 г., да к тому же ее автор – египтянин[2]. Тем ценнее для нас литературное наследие В.М. Виноградова.

В Каир Владимир Михайлович прибыл, имея за плечами богатый опыт дипломатической работы – пять лет в Токио в качестве посла СССР (1962–1967 гг.) и три последующих года – в должности заместителя министра иностранных дел СССР. Его, естественно, в первую очередь интересовали проблемы советско-египетских отношений. Но и к судьбе самого Египта новый советский посол был неравнодушен. Ежедневно знакомясь с местной прессой, регулярно встречаясь с египетскими политиками и иностранными дипломатами, он изучал обстановку как бы «изнутри». Такой взгляд особенно интересен.

Дипломатическая карьера В.М. Виноградова успешно продолжалась и после его возвращения из Каира. С 1977 по 1982 г. Владимир Михайлович был послом СССР в Иране, свидетелем произошедшей там в 1979 г. исламской революции, о чем повествует хранящийся в его архиве основательный труд, а затем в течение 8 лет возглавлял министерство иностранных дел РСФСР.

Три из четырех работ, включенных в данную книгу – «Встречи с Насером», «Мухаммед Анвар Садат. Штрихи к портрету» и «Заметки на полях книги М.Х. Хейкала “Дорога к Рамадану”» В.М. Виноградов написал, что называется, «по горячим следам», в 1975 г., вскоре после возвращения из Каира, о чем свидетельствуют даты на рукописях. Они публикуются впервые, по машинописным оригиналам с рукописной авторской правкой. Что касается его работы «Египет: смутная пора. Записки посла СССР», то она, вероятнее всего, была написана уже в середине 1980-х гг.

[1] См., например: Арабская Республика Египет. Справочник. М., 1990, с. 82–86; Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990, с. 43–56; *Кирпиченко В.* Из архива разведчика. М., 1993, с. 105–120; Африка. Энциклопедия в 2-х томах. М., 2010, т. 1, с. 809–810.

[2] *Саад эль-Шазли.* Форсирование Суэцкого канала. М., 2008.

(дата на рукописи отсутствует). Об этом говорят, в частности, и некоторые заимствования из включенных в книгу текстов, написанных в 1975 г., и упоминания в заключение таких событий, как кэмп-дэвидские соглашения и смерть Садата. «Записки посла СССР» были впервые опубликованы в № 12 журнала «Знамя» за 1988 г.[1], затем частично – в брошюре В.М. Виноградова «Эпизоды из дипломатической практики»[2]. Они также полностью вошли в книгу мемуаров Владимира Михайловича, вышедшую из печати уже после его кончины[3]. Тем не менее составитель посчитал целесообразным включить в данную книгу и этот труд, без которого картина Египта начала 1970-х гг. была бы неполной. Он публикуется по машинописной копии с рукописной авторской правкой.

Возможно, не со всеми оценками автора согласится сегодняшний читатель. Но труды В.М. Виноградова – документы своего времени, свидетельства очевидца событий, надолго определивших судьбу и самого Египта, и арабо-израильского конфликта. И в этом их несомненная ценность.

В. В. Беляков

[1] *Виноградов, Владимир.* Египет: смутное время. Записки посла СССР // Знамя. 1988, № 12, с. 170–203.
[2] *Виноградов В.М.* Эпизоды из дипломатической практики. М., 1993, с. 48–71 (в брошюру вошли также некоторые эпизоды из рукописи «Встречи с Насером», с. 40–48).
[3] *Виноградов В.М.* Дипломатия: люди и события. М., 1998, с. 201–268.

ВСТРЕЧИ С НАСЕРОМ

Впервые я увидел Насера при необыкновенных обстоятельствах. В феврале 1970 г. мне было поручено вызвать к себе посла Египта в Москве Галеба. Галебу я сказал: «Сейчас половина первого дня, по просьбе президента Насера я сообщаю вам, что через час он прибудет в Москву с секретным визитом, и мы с вами прямо из министерства поедем на аэродром встречать его».

Галеб не удивился, он знал, что Насер не доверяет шифрам своей дипломатической службы, а может быть, и некоторым работникам этой системы. Действительно, Насер просил так сделать, чтобы о его визите из египтян в Москве знал только один посол. Мы с Галебом вместе поехали на аэродром, и там впервые я увидел Насера.

Переговоры в Москве были успешными, Египту было предоставлено новое вооружение для ПВО, и на временной основе должны были быть направлены в Египет и советские расчеты.

По возвращении в Каир Насер и не думал прекращать так называемую «войну на истощение» – продолжалась перестрелка через канал, а израильтяне наносили воздушные удары по тыловым районам Египта. Эта обстановка к практическим результатам в виде изменения неуступчивости Израиля не вела, она лишь накаляла атмосферу. Жертвы, главным образом, с египетской стороны, были явно напрасными.

Советский Союз в это время вел довольно интенсивные переговоры с американцами с целью нахождения подходов для политического решения ближневосточного конфликта. Дело подвигалось плохо ввиду неуступчивой позиции США, полностью и во всем поддерживавших Израиль. Но и арабы, в условиях ожесточенной позиции Израиля, также проявляли экстремизм, не согла-

шались на многие, казалось бы, разумные формулировки в политическом урегулировании.

Накопился ряд вопросов: как далеко могут пойти египтяне в формулировании состояния, которое должно наступить за выводом израильских войск со всех оккупированных ими в 1967 г. арабских территорий? Согласны ли они лишь на «прекращение состояния войны» или будут готовы пойти на установление «состояния мира»? Когда может наступить такое состояние? Проект плана-расписания урегулирования предполагал, что вывод израильских войск будет проходить в две стадии. Когда может наступить, предположим, состояние мира – лишь тогда, когда последний израильский солдат покинет египетскую территорию, или может быть после того, как будет выполнена первая фаза вывода этих войск? А после полного вывода войск – какие обязательства могла бы взять на себя египетская сторона в формулировании условий мира? Например, могла бы она пойти на принятие обязательства не допускать со своей территории враждебных действий против Израиля? Наконец, был и вопрос о целесообразности продолжения «войны на истощение», эта «война» мешала поискам урегулирования, а в практическом плане мешала вводу советских подразделений ПВО. Нельзя ли было ее прекратить, хотя бы на время?

Все эти, и ряд подобных вопросов, было решено обсудить с Насером, хотя раньше наш замысел состоял в том, чтобы попытаться договориться с американцами в предварительном порядке, а потом уже информировать Насера для получения его подтверждения или каких-либо корректив. Насер весьма болезненно относился ко всяким формулировкам, которые, как ему казалось, ослабляют позицию Египта. Мой министр (А.А. Громыко. – *Прим. ред.*) отказался ехать, поскольку ему уже несколько раз приходилось говорить на подобные темы с Насером, и не все беседы протекали гладко. Он назвал мою кандидатуру, которая была принята.

Так я получил поручение попытаться договориться с Насером по ряду важных и щепетильных вопросов. Перед отлетом наш министр сказал мне, что если удастся выполнить поручение хотя бы на 10%, то это уже будет успехом. Не очень-то вдохновляющее напутствие! И мы полетели к Насеру.

Это был мой первый визит в Каир, в марте 1970 г. Когда прилетели – узнали, что у Насера умер отец и он сможет принять нас через пару дней. Эти два дня мы посвятили тому, чтобы попытаться в предварительном порядке договориться по всем вопросам (разумеется, кроме вопроса о возможности прекращения «войны на истощение») с министром иностранных дел Риадом. Мы довольно много заседали с Риадом и, как нам показалось, вроде бы убедили его, хотя, как всегда, с его стороны была в наличии изряднейшая доля скептицизма, неверия ни в какие, кроме военных, средства для достижения урегулирования. В конце наших бесед единственно, что мог Риад обещать нам – доложить содержание всех разговоров Насеру. И только.

Насер принял нас в Гелиополисе, в своем доме, который расположен на территории воинской части. Обстановка внутри весьма простая и скромная.

Насер встретил нас весьма радушно. Усадив меня рядом с ним на диван, сказал, что прочитал досье, которое передал ему Риад о его переговорах со мной. И он полностью согласен с нашей постановкой вопроса. Он пояснил, что мы правы: если уж говорить о мире, то в полную силу, а не так – шепотком. Он человек мира – пусть все это видят. Поэтому у него нет возражений относительно того, что если израильские войска уйдут из оккупированных земель, Египет будет считать себя не просто в состоянии прекращения состояния войны, но и в «состоянии мира» с Израилем. Да, он знает, что такое его решение не будет, мягко говоря, популярно не только в ряде арабских стран, но и в самом Египте. Могут найтись недовольные, но он уверен в своей правоте. И не только в правоте, но и в крепости своего положения. Положение и авторитет президента Египта сейчас таковы, сказал он, что я могу позволить себе принимать даже решения, которые первоначально могут быть не поняты народом и потому непопулярны у него.

Что касается времени наступления состояния мира, сказал Насер, то я понимаю озабоченность советских друзей тем, чтобы выбить из рук наших общих противников козырь о воинственности Египта и его желании уничтожить Израиль. Действительно, некоторые могут утверждать, что Израилю не следует выводить свои войска, потому что он не будет знать, какое же состояние будет после их вывода – состояние мира или какое-нибудь другое.

Чтобы снять это сомнение, он готов согласиться с нами на то, чтобы состояние мира наступило сразу же после выполнения первого этапа вывода израильских войск, но при условии, что второй этап – окончательный вывод – не будет продолжительным по сроку. Тогда израильтяне смогут выводить окончательно свои войска уже фактически в состоянии мира. Это большая уступка с арабской стороны, поскольку она теоретически означает, что Египет согласится быть в состоянии мира с Израилем. Хотя еще какое-то время на территории Египта будут находиться израильские войска, но в процессе вывода.

Что касается вопроса об обязательствах сторон в условиях мира, то он понимает, что и здесь надо выбить из рук противника козырь об агрессивности Египта, поэтому он согласен на такую запись, среди прочих, что страны будут не допускать враждебных действий со своих территорий против другой стороны. За это меня могут поругать палестинцы, сказал Насер, но я этого не боюсь, поскольку речь будет идти об «окончательных условиях мира», в которых найдется место и для решения вопроса о палестинцах.

Я поблагодарил Насера за его решение, сказал, что оно поможет нам в дальнейшей борьбе за интересы арабских стран.

Далее я сказал, что имею еще одно деликатное поручение, которое не имел возможности обсудить с Риадом. Я изложил наши доводы и оценки по поводу «войны на истощение». Это был самый трудный момент. С этой «войной» Насер связывал многие свои политические лозунги, ее он использовал для своих политических ходов как внутри страны, так и во внешней политике.

Насер внимательно выслушал все мои доводы, к которым я, разумеется, заранее готовился. В заключение я упомянул и о предстоящем прибытии советских воинских частей.

Насер задумался, помедлил, внимательно посмотрел на меня, как-то прищурился, а потом сказал: «Ну что ж, я согласен на прекращение огня, только не надолго. Если израильтяне и американцы за это время не сделают каких-либо реалистических шагов в направлении урегулирования, мы снова начнем эту войну. Разумеется, об этом разговоре израильтяне и американцы не должны знать. Вы им можете сказать, что если бы Израиль прекратил налеты по глубине Египта, то вы полагаете, что Египет мог бы пойти на прекращение войны на истощение. А если меня спросят, дал

ли я на это согласие, то я отвечу, что такого и разговора не было». Насер рассмеялся.

Я вздохнул облегченно (про себя, конечно). Поручение было выполнено на 100%.

Далее в ходе беседы Насер стал развивать тезис о том, что весь ближневосточный конфликт представляет собой не конфликт между арабскими государствами и Израилем, а фактически конфликт между СССР и США. Арабо-израильский конфликт является как бы производным от этого основного мирового советско-американского конфликта.

Конечно, принятие такого тезиса привело бы к неправильным выводам не только теоретического, но и чисто практического порядка. Сразу же подумал – почему Насер поднял этот вопрос, не для проверки ли собственных убеждений в обратном, поскольку изложенный им тезис широко бытовал в националистических кругах Египта.

Я сказал Насеру, что не согласен с его рассуждениями. Насер удивленно посмотрел на меня и сказал: «Вот как?» Он предложил мне высказать мое мнение.

Я сказал, что Советский Союз не является и не будет являться участником арабо-израильского конфликта, который представляет собой конфликт между силами национального освобождения, прогрессивными силами, возглавляемыми Египтом, и реакционными силами – Израилем, который поддерживается Соединенными Штатами. Поскольку арабо-израильский конфликт – это борьбы сил прогресса с реакцией, то неудивительно, что Советский Союз поддерживает прогрессивные силы, а США, также в силу своей классовой природы, поддерживают реакционные силы. Насер внимательно слушал, пытался выставить дополнительные аргументы, но в конце концов согласился с тем, что было сказано мной. Мне и до сих пор неясно, зачем он задал этот вопрос, а потом согласился. Правда, по окончании разговора, он сказал, что ему в Египте до сих пор пока никто не противоречил, а я, дескать, первый. Сказал он как бы в шутку, но, видимо, так в действительности и обстояло дело.

Позднее мне говорили, что Насер был доволен разговором и тем, что у нас был спор. Сам он, конечно, не любил, когда ему перечили, но окружавшие его люди, зная это, впадали в другую

крайность – они только поддакивали ему, а это вызывало у него раздражение.

По окончании беседы Насер пригласил фотографов, которые сделали ряд снимков на память, проводил до выхода из дома, тепло распрощался и снова позировал с нами перед фотографом. Насер предложил мне остаться дня на три – посетить Луксор, Асуан, осмотреть достопримечательности страны – ведь я был в Египте впервые, но мне надо было возвращаться в Москву. Обещал ему еще раз приехать в Каир.

Конечно, я не предполагал тогда, что через три с половиной года Хейкал скажет мне, глядя на эту памятную фотографию с подписью Насера: «Насер несколько раз после вашего отъезда говорил – не понимаю, почему я так много сделал уступок Виноградову». А я тоже не знаю. Но это действительно были уступки, но которые были на пользу самому Египту.

Насер мне явно понравился. От него веяло какой-то силой и уверенностью. Здесь было не только радушие гостеприимного по воспитанию или положению хозяина. В нем чувствовался задор, даже задиристость в разговоре. Он, видимо, хотел расположить к себе дружелюбием, может быть, испытать собеседника острым поворотом разговора – не смутится ли.

Летом 1970 г. Насер вновь приехал в Москву – лечиться. На Внуковском аэродроме при встрече меня поразил его болезненный вид. Широкоплечий, высокий, большой по телосложению, но лицо не то что смуглое, а какое-то серое, болезненное, а в глазах спрятанная боль. А ему приходилось улыбаться и жать руки встречающим. Не знаю, узнал ли он меня, думаю, что нет – проскользнул взглядом, правда, пожал руку, улыбнулся, но улыбался он ведь всем…

На беседах в Кремле Насер вел себя так, как если бы был в самой хорошей компании: непринужденно, свободно. Он легко откликался на шутки, был внимателен и даже очень, когда слушал, что ему говорят советские руководители. Но когда дело касалось его просьб, то он применял такой метод: сначала излагал положение, которое служило обоснованием причин его просьб, рассказывал при этом с подкупающей искренностью, как бы говоря: смотрите, у меня от вас тайн нет. А затем создавалась такая ситуация: я вам все рассказал, как обстоит дело, вот вы и решайте.

Это был метод всегда несколько обезоруживающий, но приводивший к хорошим для него результатам. Действительно, это была та необходимая, при таких дружественных отношениях, которые существовали между СССР и Египтом в то время, настоящая искренность, а не желание любыми способами что-либо урвать.

Во время переговоров мне приходилось сопровождать его в автомашине, поэтому беседы с ним в машине были всегда интересны для познания его как человека. Он очень обрадовался, когда узнал, что у нас, когда мы были помоложе, было увлечение одной и той же спортивной игрой – баскетболом. Да и в настоящем оказалось одинаковое хобби – кинолюбительство. Насер жаловался, что вот только времени ему не хватает, чтобы привести в порядок все заснятые им кинопленки. А это общая беда всех кинолюбителей.

Завел он однажды разговор о нашем радио. «Почему ваше радио так неумело подает международные новости – поздно и неинтересно, а главное – неоперативно. Как много вы теряете на этом. Я постоянно имею с собой транзисторный радиоприемник, который настроен на международную службу Би-Би-Си. Через каждый час англичане передают новости, кратко, четко на 7 – 10 минут. Поэтому весь мир и слушает их. Почему бы вам не наладить такие передачи, для нас было бы интереснее слушать Москву, чем Лондон».

В другой раз он задал вопрос: «Почему вы не хотите, чтобы мы в полный голос говорили о советской военной помощи Египту? Ведь наши враги знают о ней, почему не надо знать об этом вашим и нашим друзьям? Раз эта помощь известна врагам, надо, чтобы о ней знали друзья. Политически, я уверен, мы теряем на этом».

Во время нахождения в Москве он получил сообщение о гибели пяти пилотов, в том числе и советских, в Египте. Они были сбиты израильтянами. Что было самым досадным, так это применение израильскими пилотами самых простейших маневров. Другими словами, наши и египетские пилоты попали в элементарную ловушку, да к тому же в этом сильно были виноваты службы наземного наведения. Насер очень тяжело переживал гибель пилотов, постоянно говорил мне, что знал всех их лично. Да и не так много у Египта квалифицированных пилотов.

Когда Насер находился на лечении, закончился рекордный тогда полет в космос Николаева и Севостьянова. Насера и всех, кто его сопровождал, пригласили на большой прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Днем мне позвонили и сказали, что Насер хочет наградить Николаева и Севостьянова высшей египетской наградой – орденами «Ожерелье Нила» и тут же на приеме вручить им эти ордена. Меня попросили выяснить ситуацию на этот счет. Я попытался согласовать этот вопрос с кем надо, но всюду натыкался на возражения: дескать, награждение может быть принято, но вручать награды на приеме в Кремле не надо. Так и передали Насеру. Тот обиделся и сказал, что не поедет на прием в Кремль, сказался больным. Пришлось посылать в Барвиху, где находился Насер, нашего посла С.А. Виноградова. Тот поехал, прямо сказал президенту, что **надо** поехать. И Насер прибыл на прием, правда, приказав своим адъютантам все же прихватить с собой ордена. Так они и пришли – с большими коробками. Я пытался было на самом приеме уговорить соответствующее начальство, объясняя обстановку: ведь Насер стоял и ждал, что ему разрешат наградить героев. Мне это, было, удалось, но потом сказали – все это разумно, но поздно.

И больше Насера я не видел.

Пришлось исполнить лишь печальную обязанность – участвовать в составе советской делегации, которую возглавлял А.Н. Косыгин, на похоронах Насера, когда именно в связи с его смертью меня назначили послом в Египте.

Февраль 1975, Москва

ЕГИПЕТ: СМУТНАЯ ПОРА

Записки посла СССР

В жизни государств, которые относительно недавно обрели независимость, случаются периоды подъема и спада, быстрого движения по пути к намеченной цели и остановки, или даже сворачивания с этого пути, а то и временного движения вспять. Многое зависит от внутриполитической крепости режима, степени влияния различных внешних сил, а иногда и от деятелей, становящихся волею случая или каприза истории во главе государства и получающих большие права влиять на его политику.

В связи со всем этим меняется часто и внешнеполитический курс в отношении других государств.

В наших отношениях с Египтом – крупнейшей страной Арабского Востока, были различные периоды, зависящие от внутренних изменений в самом Египте. Автору заметок пришлось заниматься вопросами отношений с Египтом с 1967 г.[1], из них почти 4 года (1970–1974 гг.) работать советским послом в этой стране, быть в 1973–1974 гг. сопредседателем Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку. Впечатлений от происходивших событий много. Особенно наглядно была видна незавидная роль американской политики, использовавшей сложное внутреннее положение Египта после смерти Насера для проникновения на Ближний Восток, прежде всего в Египет. Поведение американских политиков в тот период показало, какими бесцеремонными методами они пользуются, насколько легко они идут на нарушение обязательств и договоренностей. Большую помощь американцам в их политике на Ближнем Востоке оказал Анвар Садат,

[1] В 1967 г. В.М. Виноградов был назначен заместителем министра иностранных дел СССР. – *Прим. ред.*

ставший президентом Египта после неожиданной смерти Гамаля Абдель Насера.

Ближний Восток по-прежнему остается одной из «горячих точек» планеты. Урегулирование ближневосточного конфликта, так сказать, «разблокирование» мирными политическими средствами, обеспечение всем людям региона мирной и безопасной жизни представляется одной из важнейших политических задач международной жизни.

Идея о решении конфликта сепаратными методами с целью навязать арабским государствам неравноправные условия (а для этого нужно устранить от участия в урегулировании Советский Союз) уже давно как нереалистичная отвергнута мировым сообществом, поскольку не ведет к подлинному миру. Общепризнано и вновь подтверждено Генеральной Ассамблеей ООН, что средством решения ближневосточного конфликта должна быть международная мирная конференция по Ближнему Востоку, в которой, помимо Египта и Израиля, должны принять участие заинтересованные государства региона, Советский Союз, США, другие члены Совета Безопасности ООН.

I

Холодным слякотным вечером 29 сентября 1970 г. приехал домой из МИДа. Жена говорит: только что звонили оттуда, просили немедленно позвонить. Звоню. Оказывается, нужно срочно вернуться, а почему – неизвестно. В то время я курировал работу отдела Ближнего Востока и отдела Среднего Востока.

В кабинете первого заместителя министра Василия Васильевича Кузнецова узнал о только что полученном сообщении от нашего временного поверенного в делах СССР в Египте (тогда страна носила название Объединенная Арабская Республика) Владимира Порфирьевича Полякова – внезапно скончался Насер, президент и премьер-министр Египта, вождь египетской нации, прогрессивный лидер арабского мира, большой друг Советского Союза.

Новость обескураживающая, неожиданная. В.П. Полякова пригласили срочно в резиденцию президента. Там все суетились,

и, к удивлению В.П. Полякова, на него почти не обратили внимания. Затем сказали, что «надобность отпала». Когда он вернулся в посольство, то узнал, что Насер умер. В этот день президент провожал глав арабских государств после успешно проведенной им в Каире конференции, прекратившей братоубийственный конфликт между палестинцами и сирийцами с одной стороны, и Иорданией – с другой. На аэродроме почувствовал себя плохо. По возвращении домой ему стало еще хуже...

Не хочется верить. Кто-то из нас, присутствующих у В.В. Кузнецова, высказывает мнение о том, что, может быть, это неточная информация. Но вот приносят телеграмму с официальным сообщением, подтверждающим, что, действительно, Насера нет.

Вспомнились встречи с Насером в Москве и Каире. От него веяло силой и уверенностью. И дружелюбием.

Но это личные впечатления. Они сейчас невольно заслонялись другими соображениями – политическими. Ушел из жизни большой руководитель крупнейшей арабской нации, который возглавил революцию и повел свой народ по независимому пути развития.

С именем Насера связаны прогрессивные преобразования в Египте, в городе и деревне, в интересах трудящихся. Он создал массовую политическую организацию – Арабский социалистический союз (АСС), подумывал о сознании партии, которую хотел назвать «Авангард социалистов».

Логика искренней борьбы за интересы своего народа, прежде всего за национальную независимость, привела его к убеждению в необходимости крепкой, братской дружбы народов Египта с советским народом, прочных, искренних отношений между Египтом и нашей страной.

Под влиянием прогрессивного Египта американский империализм был изгнан из района Ближнего Востока. Пробудившийся к независимости арабский мир был преисполнен решимости самому определять свою судьбу, без советчиков извне, привыкших хозяйничать на Ближнем Востоке. Насер был одним из основателей так называемого «движения неприсоединения». Одним словом, международный авторитет Насера был высок.

Таким образом, уход Насера ставил много вопросов как относительно прочности режима и последовательности курса во внут-

ренних делах, так, следовательно, и дальнейшего развития внешней политики Египта, находившегося в условиях неликвидированных последствий израильской агрессии против арабских народов – палестинцев, египтян, сирийцев, иорданцев, ливанцев и других. Собственно говоря, вся политика Израиля, за спиной которого стояли США, строилась на противодействии Египту, следовательно, Насеру. Это была, так сказать, «внешняя контрреволюция», она была направлена против Египта как основной, самой крупной, ударной, передовой силы всех арабских народов. Поэтому многое в конце сентября 1970 г. с уходом Насера стало зависеть от преемственности курса Египта, а точнее – от того, кто возглавит руководство страны после Насера...

Работали у В.В. Кузнецова долго, разошлись далеко за полночь.

Днем 30 сентября из Внуково-2 в Каир вылетел спецсамолет ИЛ-86 с советской делегацией на похороны Насера. Ее возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. В состав делегации входили начальник Генерального штаба СССР маршал Советского Союза М.В. Захаров, я – в качестве заместителя министра иностранных дел СССР, только что назначенный главный советский военный советник генерал-полковник В.В. Окунев и находящийся в Каире временный поверенный в делах СССР в ОАР В.П. Поляков. Утром этого же дня было принято решение запросить у правительства ОАР агреман на мое назначение послом СССР в ОАР. Более месяца в связи с кончиной нашего посла в ОАР, опытного дипломата С.А. Виноградова посольство в Каире возглавлял временный поверенный в делах.

В Каире приземлились, когда сиреневые сумерки начали быстро густеть. Самолет окружила большая толпа людей, кто – не видно. Спускаемся по трапу наугад – в темноту. Мелькают лишь лучики осветительных приборов операторов кино- и телехроники, тогда видны силуэты голов возбужденной толпы. Беспокойство и нервозность атмосферы ночного Каира мгновенно передались нам.

Удалось с трапа разглядеть, что советскую делегацию встречали Садат (он тогда был вице-президентом), военный министр Фавзи, Али Сабри, еще кто-то. Алексей Николаевич потонул в

объятиях плачущих египтян. Куда-то вперед решительно поспешили охранники (наверно, к машинам). Мы вновь в толпе, в темноте, поддерживаю Матвея Васильевича Захарова. Утыкаемся в какую-то большую автомашину с номером за стеклом, садимся. Втискивается еще кто-то.

— Куда?

— За всеми. Куда все.

Машины через толпу выбираются одна за другой с аэродрома по шоссе в город.

Кажется, весь Каир на вечерних улицах, куда спешат все эти люди? Ими облеплены трамваи и автобусы, они что-то кричат, сильно жестикулируют, много плачущих, вздымающих к небу руки. Жарко, влажно, душно. Все эти зрительные и звуковые ощущения совместно создают впечатление какой-то нереальности.

А.Н. Косыгина, М.В. Захарова и меня разместили в резиденции советского посла на берегу Нила, рядом с посольством, остальных товарищей в гостинице «Хилтон» на другом берегу реки.

В этот же вечер А.Н. Косыгин встретился с Садатом, затем посетил с выражениями соболезнования вдову Насера. По возвращении Алексей Николаевич задумчиво спрашивает, что она имела в виду, когда настойчиво повторяла: «Не покидайте нас». Кого «нас» – семью покойного, или государство, народ египетский? Почему возникла такая просьба?

Я поехал к министру иностранных дел Махмуду Риаду, затем к главному редактору газеты «Аль-Ахрам», а в то время и министру национальной ориентации Мохаммеду Хейкалу – известному журналисту, с которым был давно знаком.

Риад плачет. Что останется после Насера? Учение, партия, товарищи-единомышленники? Выдержат ли настоящие насеристы потерю, нужно ждать активизации противников Насера и его политического курса во внутренних и внешних делах.

Хейкал говорит сквозь слезы: «Не верится, не верится, что вы, верные друзья Насера, уже здесь, ведь он только что умер. Хорошо, что лучшие друзья прибыли первыми. Еще недавно Насер вспоминал о встрече с вами, даже высказывал пожелание, чтобы вас назначили послом в Каире».

Я невольно вздрагиваю. Пришлось рассказать Хейкалу о моем назначении; я знаю, что сейчас А.Н. Косыгин находится у Садата, он упомянет и об этом.

На похороны прибывают главы государств, премьер-министры, видные государственные деятели. Большинство из них обращается с просьбой о встрече с главой советской делегации. Алексей Николаевич сообщил мне, что Садат ответил немедленно согласием на мое назначение послом, мне приходится присутствовать на его беседах фактически в качестве нового советского посла. Главная мысль волнует всех деятелей арабских стран, они говорят нам: Египет не должен потерять своей руководящей роли, кто бы ни стал во главе страны. Египет должен оставаться лидером арабского мира, поэтому египтянам нужно избрать в качестве главы государства такого человека, который смог бы продолжать дело Насера, только при этом условии общеарабское знамя не выпадет из рук Египта. Рассуждения искренние и правильные, но кто же, кроме самих египтян, может решить этот вопрос?

Нам сообщают, что на пост президента претендуют, в первую очередь, Садат, а также Хусейн Шафеи – один из нынешних лидеров с большим уклоном в ислам, Али Сабри – также известный политический деятель, который считается «левым»; говорят о таких кандидатурах, как д-р Фавзи – это один из старейших и опытнейших египетских дипломатов; Закария Мохи эд-Дин, считающийся буржуазным деятелем правого крыла, а также и о других.

Незадолго до своей смерти Насер делал очередную перестановку руководящих кадров; говорят, он не любил, когда человек засиживался долго на одном месте и, следовательно, обретал чрезмерно большое влияние. Находившийся одно время в «опале» Садат получил пост вице-президента. На этом посту и застала его смерть Насера.

Известно, что Садат не принадлежал к числу политиков с большим кругозором – выходцев из организации «свободных офицеров», которую возглавил Насер при совершении переворота в 1952 г., покончившего с прогнившей монархией, – переворота, поддержанного египетскими трудящимися и справедливо называемого поэтому революцией. Напротив, Садат был скорее предметом насмешек среди офицеров за свою малую образованность и неширокий горизонт знаний, за то, что он пытался компенсировать этот свой недостаток позой, актерством, показным увлечением исламом. Это был плоть от плоти человек интриги, а не прямых открытых действий, и в других людях он видел интриганов; заговорщик, а не революционер. Так характеризовали хорошо знавшие его египтяне.

Выбор кандидатуры президента – самое ответственное сейчас дело, особенно в условиях Египта, где авторитет вождя играет неизмеримо большую роль, чем, например, в западных странах, да и прав у президента здесь по традиции много. Поэтому долго совещаются египетские политические деятели, надо найти решение, которое устраивало бы всех. Все понимают одно: равноценной замены Насеру нет, своего преемника он не успел вырастить. Идет столкновение кандидатур, но вскоре, как нам сообщили, было достигнуто согласие о том, что решение, во всяком случае, в настоящее время, должно быть наименее болезненным и наиболее логичным. Говорили, что в этом прагматическом подходе большую роль сыграл Азиз Сидки – талантливый экономист, человек ясного ума, бывший тогда министром промышленности и торговли. Наиболее простой выход – отбросить споры о кандидатурах постоянного президента, пусть президентом – хотя бы временно – станет вице-президент. А это был Анвар Садат. Потом разберемся.

Садат подтвердил нам, что, действительно, таково согласованно решение руководства: президент – Анвар Садат, но он отдает пост премьер-министра, также занимавшийся Насером, д-ру Фавзи (удовлетворяются интересы буржуазной части общества), вице-президентами будут Али Сабри («левая» группировка) и Хусейн Шафеи (исламская группировка). И волки сыты, и овцы цели – все претенденты получили удовлетворение.

Ярчайшее солнце нещадно палит с вечно голубого египетского неба. Жара начинает уже с утра набирать силу. 1 октября – день похорон. Гроб с телом Насера будет доставлен вертолетом на остров Замалек на Ниле, где размещался в свое время штаб революционного командования, совершившего революцию под руководством Насера. Это символично. Сюда же прибудут иностранные делегации. Они с процессией проследует через мост на правый берег Нила, примерно до здания ЦК Арабского социалистического союза. Далее процессия направится в восточную часть города –

Гелиополис, к месту захоронения в новой мечети неподалеку от дома, где жил Насер. Такова намечалась церемония.

Тревожная атмосфера Каира предыдущих дней, казалось, стала еще более ощутимой. Толпы, толпы людей на улицах, над городом стоит неумолчный шум от миллионов возбужденных голосов. Каир и сам-то город почти с 8 миллионами жителей, а тут переполненные поезда (люди на крышах вагонов, на локомотивных площадках, висят на подножках) подбросили еще пару миллионов из провинции.

По периметру территории нашего посольства, снаружи перед оградой расставлены солдаты с деревянными щитами и палками (на случай нападения толпы). Подумалось – зачем? Кто будет нападать?

Мост с нашего берега на остров Замалек должен был быть расчищен и открыт для проезда только иностранных гостей. Но он уже весь битком набит людьми. Они даже свисают с перил, ограждения моста. Ничто не помогает – ни крики полицейских, ни взмахи палок. Не видно, то ли бьют, то ли устрашающе махают. А Замалек-то рядом с нами, через узкую протоку Нила шириной не более 40-50 метров.

К советской делегации приехал Хейкал, ему поручено сопровождать нас. Но мы отрезаны, мост от нас в Замалек, оказывается, даже развели, чтобы отсечь толпу с левого берега Нила. Хейкал и другие сопровождающие египтяне непрерывно звонят по телефонам. Наконец, сообщает: за нами пришлют катер, иначе не добраться. На катере мы прошли не больше 200 метров, как уже были у причала в Замалеке, прямо у здания, откуда должно будет начаться траурное шествие.

Нам отвели отдельную комнату, подошли Садат и Али Сабри, они практически неотлучно находились с нами. В комнату время от времени заходили поздороваться с А.Н. Косыгиным главы других иностранных делегаций: тогдашние президенты Сирии – Атаси, Кипра – Макариос, Судана – Нимейри, Алжира – Бумедьен, премьер-министры Турции – Демирель, Ирана – Ховейда, Афганистана – Эттемади, король Иордании Хусейн, министр здравоохранения США Ричардсон, председатель исполкома ООП Арафат, представитель КНР Го Мо-жо и многие другие.

Над головой послышался свистящий шум лопастей вертолета. Вскоре нас пригласили во внутренний дворик здания, где в середине уже стоял простой, из грубо обструганных досок прямоугольный, закрытый гроб, обернутый египетским государственным флагом. На нем повисли в плаче и рыданиях молодые офицеры и какие-то люди в штатском, их пытаются оттащить военные, но тщетно. Кто-то пытается распоряжаться, что-то командует, но все не поддается порядку.

Наконец, иностранные делегации пригласили выйти из помещения на улицу, где они изобразили нечто вроде шеренги, колонны. Здесь порядок уже никто не устанавливает, каждая делегация пытается занять хоть какое-либо место. Наша делегация во главе.

Наконец, слева от нас начинается шествие. Небольшая группа солдат с венками, затем шестерка лошадей впряжена в орудийный лафет с гробом. Ездовые солдаты и те, что у стремян, рыдают. Атмосфера становится еще более встревоженной, нервно взвинченной, надрывной, кажется, вот-вот сейчас что-то разразится неожиданное, всех поражаюшее. Отчаянно палит, буквально обжигает солнце, все мокрые, к небу поднимаются клубы пыли.

За лафетом с гробом должны пристроиться иностранные делегации. Но, увы, за ним уже течет большая толпа. Откуда? Раздумывать нечего. Мы практически силой вливаемся в процессию. Вскоре образуется сильнейшая давка, люди качаются, боятся упасть. Упади – наверняка раздавят насмерть. А.Н. Косыгина унесло куда-то вперед, а вокруг меня образуется нечто вроде водоворота. Вижу испуганные побледневшие лица трех знакомых премьеров Турции, Ирана и Афганистана – Демиреля, Ховейды и Эттемади, их совсем затолкали. Становлюсь спиной к напирающим сзади, раздвигаю в сторону локти, упираюсь ногами. В спину сильно бьют, но передо мной небольшое пространство с несколько меньшим давлением – в нем вертятся, как под защитой, турецкий, иранский и афганский премьеры.

А процессия движется как-то хаотично: то одним боком, то другим, то хлынет вперед, то остановка. В воздухе крики, вопли. Вдруг опять остановка. Сильные крики. Какие-то люди идут против течения. Они размахивают руками, просят расступиться. За ними показывается еще одна группа, она несет на поднятых руках плетеное кресло, в нем безжизненно отвалившись, с болтающи-

мися руками и закрытыми глазами – Садат. Приходится остановиться. Дальше идти бесполезно, спутников унесло толпой. Оглянулся: Садата внесли в дом. Что случилось с новым президентом? Впереди, в густоту пыльного столба уходит большая рыдающая толпа. За мостом в нее вольется еще масса в миллион.

Иностранных гостей оттерли на выходе с острова, рекомендуют далее не идти – опасно. Доложил А.Н. Косыгину о Садате. Он удивился. Послали зав. протокольным отделом нашего МИДа Б.Л. Колоколова, который был с делегацией, узнать, в чем дело. Но египтяне скрывают, что произошло. Затем «по секрету» сообщили, что Садату стало дурно, но не только ему, но и Али Сабри, который почувствовал себя плохо еще раньше – как только прибыл гроб с телом Насера. Али Сабри уже под наблюдением доктора. Садат обнаружил отсутствие своего вице-президента позже. И ему также стало плохо. В ту же комнату принесли нового президента.

Настойчивость, с которой нас пытаются убедить поскорее покинуть остров и направиться в резиденцию, откровенно говоря, настораживает. После долгих препирательств египтяне неохотно разрешили только одному А.Н. Косыгину навестить Садата и Али Сабри. Оба лежали в одной комнате, постанывая и поглядывая друг на друга. Благодарили советских товарищей за внимание.

На катере вернулись в посольство.

На следующий день, 2 октября, египетское руководство устроило деловые встречи с советской делегацией. Отмечу лишь несколько моментов. С советской стороны было вновь подтверждено, что наша линия на развитие всестороннего сотрудничества с Египтом остается неизменной. Мы хотели бы, чтобы наши отношения, как и при Насере, были крепкими, честными, и они могут быть таковыми, разумеется, при условии взаимности. А.Н. Косыгин выразил убеждение в том, что новое руководство страны сумеет разбить подбрасываемую врагами Египта мысль о том, что после Насера в стране якобы создался вакуум власти, решительности и идей. Твердая и последовательная линия на продолжение дела Насера, объединение всего руководства вокруг этой линии, которую поддерживает народ и которая снискала Египту такое уважение во всем мире, дружная деятельность руководства,

несомненно, поможет преодолеть все трудности, в том числе и на пути к ликвидации последствий израильской агрессии 1967 г.

Садат, отвечая А.Н. Косыгину, несколько раз подчеркивал, что Насер – это друг, брат, учитель; египетское руководство не допустит внутренней борьбы; дружба с Советским Союзом – наследие Насера – еще более укрепится. На встречах были затронуты и некоторые практические вопросы наших отношений с Египтом – оказание ему содействия со стороны Советского Союза в решении ряда проблем.

Через день советская делегация вылетела в Москву.

13 октября я вернулся в Каир с супругой. Уже в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Объединенной Арабской Республике. Встречали ставшие знакомыми товарищи: советник-посланник Владимир Поляков, советники – Вадим Кирпиченко, Александр Тетерин, Николай Раевский, Вадим Синельников, Александр Орлов, Павел Акопов, военный атташе контр-адмирал Николай Ивлиев. Я преднамеренно хотел бы упомянуть этих верных товарищей, отличных специалистов. Вместе с такими, тогда еще молодыми, но способными дипломатами, как Юрий Капралов, Вафа Гулизаде, Роберт Турдиев они составили тот костяк посольства, который принял на себя основную тяжесть сложной работы в течение последовавших лет, когда все яснее вырисовывалась линия президента Садата, направленная на отход от насеровского курса как во внутренней, так и внешней политике, на перевод Египта из лагеря активных борцов с империализмом в его пособники, прежде всего Соединенных Штатов Америки.

Но вовремя распознать этот курс и выработать соответствующие меры оказалось непростым делом. Посольству пришлось пережить много весьма сложных моментов.

II

Дней через десять после прибытия в Каир после нескольких напоминаний египетский МИД сообщил, что президент Садат готов принять мои верительные грамоты. Церемониал тогда был простой, даже не предусматривалось традиционного обмена речами, однако он привлек большое внимание средств массовой ин-

формации: приемная зала во дворце Кубба – официальной резиденции президента Египта – была набита фото-, кино- и телерепортерами. Я использовал эту возможность для того, чтобы произнести речь, в которой изложил братское отношение Советского Союза к дружественному Египту, наши глубокие симпатии к египетскому народу, уверенность в том, что отношения между обеими странами будут продолжать так же плодотворно развиваться, как и при покойном президенте Насере; подтвердил готовность нашей страны оказывать Египту и его руководству разностороннюю дружественную поддержку, развивать сотрудничество. Ответная речь, которую пришлось произнести президенту Садату, также была выдержана в весьма дружественных тонах, в ней содержались заверения в нерушимости египетско-советской дружбы.

Во время беседы после вручения грамот Садат выразил пожелание, чтобы я хорошо познакомился с Египтом, высказался за тесное сотрудничество и регулярность встреч с ним.

После вручения грамот я в той же парадной форме направился к гробнице Насера в новой красивой мечети неподалеку от дома, где он жил. Там уже ожидал весь дипломатический состав нашего посольства с большим венком и лентой с надписью на арабском и русском языках: «Гамалю Абдель Насеру от посольства СССР в ОАР». Возложение советским послом венка на могилу Насера после вручения верительных грамот новому президенту привлекло большое внимание печати и телевидения, да и много жителей собралось. Хотелось сделать это традицией, подчеркнуть связь времен.

Хотя египтяне живут всего на 3-4% территории страны – на узкой полоске земли вдоль Нила, в его дельте, расходящейся на несколько сотен километров, да еще местами и на побережье Средиземного моря, сама страна, ее люди, прошлое и настоящее производят, конечно, громадное, неизгладимое впечатление. Как-то меркнут достижения греческой, а тем более древнеримской цивилизаций в сравнении с древнейшей цивилизацией Египта, памятники которой так хорошо сохранились. Об этом чуде истории написано множество книг и можно написать еще больше. Поэтому, хотя и хочется поделиться своими восторженными впечатлениями, делать этого не буду, это удел других. Отмечу лишь поразившее меня впечатление, что современные египтяне не чувствуют себя наследниками этого великого прошлого. Многие из них лишь гордятся тем, что живут в стране, где когда-то существовало нечто необычное, что привлекает людей со всего мира.

Вместе с тем приятно поразило и другое: явственное ощущение того, что египтяне – даже самые простые люди – чувствуют себя хозяевами своей страны. Эго проявлялось во множестве больших и малых дел, особенно в манере держаться, разговаривать, в искреннем дружелюбии и бесхитростном гостеприимстве, в оптимизме, в гордости, в умении переживать невзгоды, даже в смешливом характере – недаром ходит шутливая присказка о том, что Наполеон потерпел поражение в Египте от анекдотов о нем, сочиненных египтянами. Впрочем, вскоре после вступления Садата на пост президента стали распространяться и про него анекдоты. Один из них был весьма многозначительным. Президент ехал в машине покойного Насера, встретилась развилка дорог, шофер спрашивает, куда ехать – направо или налево? Садат поинтересовался: «А куда ездил Насер?» Шофер ответил: «Влево». «Хорошо, – сказал Садат, – включи сигнал левого поворота и… поезжай направо».

Разумеется, приятно поражало дружелюбие египтян к советским людям, особенно к специалистам, трудившимся вместе с ними на гигантской стройке Асуанской плотины и ГЭС, реконструкции Хелуанского металлургического комбината неподалеку от Каира, на других заводах, сельскохозяйственных полях и, конечно, в армии.

...С самолета Асуанская плотина кажется маленьким полукруглым гребешком, воткнутым в желтое бесконечное пространство жаркой пустыни. С выпуклой части серо-стального гребешка разлилась невиданно голубая ширь образовавшегося гигантского водохранилища – «озера Насера», с другой стороны извивается узенькая темная полоска Нила.

В феврале 1971 г. состоялось официальное торжество по случаю завершения работ на плотине и электростанции, дававшей тогда половину электроэнергии всей Африки. Играли оркестры, трепетали флаги, развешаны плакаты, транспаранты, проходили митинги. Гигантский проект, который пытались сорвать и США, и ФРГ, был завершен с бескорыстной помощью Советского Союза,

которому пришлось решать не одну трудную научно-техническую задачу. Насер пошел на тесное сотрудничество с Советским Союзом, Асуан – вершина этого сотрудничества, Асуан – это не только торжество экономической мудрости и решительности Насера, но и его политической концепции.

Открывать плотину и ГЭС пришлось Садату. Ни на плотине, ни на электростанции, где были размещены памятные доски в честь этого знаменательного события, не было и упоминания о Советском Союзе: «По воле Аллаха и с помощью наших друзей мы построили плотину и открыли ее в присутствии президента Садата», а кто были друзья – пусть в будущем сами потомки доискиваются. Это поразило уже тогда. Но надо было видеть, с какой неподдельной радостью приветствовали египетские строители советских людей во время торжеств: египтяне хорошо знали, что им дал Советский Союз – громадный источник энергии, свет в домах, безопасность от засухи и разливов, обеспеченное рыболовство, тысячи людей приобрели трудовые профессии...

С такой же неподдельной радостью встречали советских людей на спуске первого морского судна, построенного в Египте на верфи в Александрии, созданной при помощи Советского Союза. Здесь люди облепили даже все перекладины высотных башенных кранов, сидели на болтающихся крюках. Перед площадкой, где состоялась церемония спуска, по старинному народному обычаю был демонстративно заколот бычок, и десятки рабочих обмакивали руки в свежую кровь – праздновали большое событие.

...Одно из первых дел для любого нового посла – установление контактов, завязывание знакомств с местными деятелями и главами дипломатических миссий, а их немало. И все это означает визиты, визиты, да кроме того еще нужно самому принимать с ответными визитами. Нагрузка невероятная, а ведь настоящие дела не терпят, вопросы и проблемы возникают каждый день – и крупные, и мелкие.

Советская колония в Египте ввиду наличия большого числа самых разнообразных специалистов, в том числе военных, была, пожалуй, самая большая из всех советских колоний за рубежом – она насчитывала многие тысячи людей. И задачи сотрудничества были самые разнообразные: в Египте, помимо дипломатов, трудились внешнеторговые работники, строители, хлопководы, военные, балетмейстеры, геологи, студенты, изучавшие ислам в университете «Аль-Азхар», врачи, учителя, судостроители, металлурги, нефтяники, портовики, моряки, преподаватели в университетах, журналисты, работники цирка, спортивные тренеры и т.д. И у всех были свои проблемы, и всем требовался совет, помощь или решение возникавших проблем – больших или малых.

С большинством руководящих деятелей страны я познакомился в первую очередь, и довольно быстро: это были вице-президенты Али-Сабри и Хусейн Шафеи, премьер-министр д-р Фавзи (один из старейших политиков еще с фаруковских времен), министр иностранных дел Махмуд Риад, военный министр Мохамед Фавзи, председатель Народного собрания Лябиб Шукейр, секретарь ЦК Арабского социалистического союза и министр внутренних дел Шаарави Гомаа, министр по делам президентства (фактически координатор разведывательной и контрразведывательной деятельности) Сами Шараф и многие другие. Эти люди составляли ближайшее окружение Насера в его последние годы.

Были они очень приветливы, не раз посылались Насером в Москву, участвовали с ним в ответственных переговорах, контакты с ними установились быстро и хорошие – деловые.

Но для полного осознания, ощущения подлинной обстановки в стране этого было мало. Многое зависело от президента. Впрочем, Садат уверял А.Н. Косыгина и меня, что ничего в наших отношениях не изменится, более того, они будут еще больше укрепляться.

Но уже через короткое время почувствовалось что-то неладное. Как-то мгновенно у нового президента исчезли искренность и доверительность в отношениях, существовавшие у Насера. Их место заняли подозрительность и напускное недовольство по самым надуманным поводам. Это было странное и некоторое время необъяснимое явление – ведь с советской стороны никаких изменений в доброжелательной, дружественной политике, в конкретных делах в отношении Египта не произошло. Значит ли это, что изменилось настроение, линия, политика нового президента? Не так легко было сразу с ответственностью дать ответ на этот весьма важный, если не сказать решающий, вопрос. Трудность состояла и в том, что у большинства государственных и политических деятелей, остававшихся на своих постах после смерти Насера, не заме-

чалось никаких изменений в дружественном отношении к Советскому Союзу.

Однако через 2-3 месяца некоторая часть этих деятелей, правда небольшая, начала иногда повторять придирчивые и необоснованные замечания в адрес Советского Союза, исходящие от Садата, главным образом по военным вопросам. То вдруг в какой-то газете или журнале, где действовали друзья или единомышленники президента, появится сообщение о недостаточных советских поставках, то заметка со ссылкой на мнение неизвестного «специалиста» о якобы невысоком техническом уровне поставок, то даже о выводе, к которому пришли... компьютеры: состояние «ни мира, ни войны» с Израилем выгодно лишь Советскому Союзу. Эти выступления нельзя было квалифицировать иначе, как демобилизующие египтян, пораженческие, сеющие неверие в собственные силы, бросающие тень на друзей. Надуманный и искусственный характер этой линии был особо явным, поскольку не только египтяне, но и их враги, пожалуй, особенно последние, прекрасно знали об огромной помощи нашей страны в укреплении обороноспособности Египта и решающем вкладе в поддержании ее на высоком уровне.

Но не сразу стало ясным, что эта линия была заблаговременно начата для того, чтобы оправдать отход Египта от антиимпериалистической борьбы, совершить те изменения во внутренней и внешней политике, которые уже задумал Садат, но осуществил их позднее.

Одновременно стали заметными расхождения между президентом и большой частью руководящих деятелей, занимавших видные посты в правительстве и в Арабском социалистическом союзе. Во внутренних делах президент новел линию на резкое сокращение деятельности и значения АСС, в то время единственной в Египте массовой политической организации, имевшей прогрессивные идеологические основы. Если Насер мечтал, что из АСС вырастет политическая партия – «Авангард социалистов», то Садат повел дело к его роспуску.

Он быстро почувствовал, что в Высшем исполнительном комитете АСС он не может единолично командовать, там при Насере уже сложилось нечто вроде коллективного политического руководства. Так, например, импульсная идея Садата и его

практические шаги объединить Египет, Сирию и Ливию в Федерацию арабских республик (ФАР), разумеется, под руководством Египта, закончились для него в ЦК АСС политическим конфузом. Непродуманная идея, к тому же выдвинутая без консультации с другими членами высшего руководства страны, была фактически осмеяна на заседании ЦК АСС. Это, конечно, разозлило Садата, считавшего, что все и во всем должны ему повиноваться.

Весьма разительными были два конгресса АСС, на которых мне удалось присутствовать. Первый раз – в ноябре 1970 г., когда состав членов ЦК АСС был избранным еще при жизни Насера. Зал Каирского университета, где проходил конгресс, был заполнен в большинстве своем людьми в простом одеянии, которые вели себя весьма свободно и непринужденно, дым от сигарет стоял столбом, сквозь него живописно – графически – пробивались лучи прожекторов кинохроники, выхватывая фигуры, лица, позы. Вся обстановка создавала непосредственное ощущение присутствия на собрании действительно представителей народа, ставшего недавно независимым, может быть, еще четко и не представляющим, что и как нужно делать, но уверенным, что уж раз стали хозяевами своей страны, то путь правильный найден.

В июле 1971 г. аудитория национального конгресса АСС уже состояла из других лиц – это были в большинстве своем люди тех слоев населения, которым импонировал фактически антинасеровский курс Садата. Тот же зал был заполнен хорошо одетыми, явно довольными собой людьми, хотя и попадались лица в национальных одеждах и люди «простецкого вида». Последних было явно незначительное меньшинство. Речи были почти одинаковые, сглаженные, славословившие Садата, общие и, конечно, малосодержательные, хотя конгресс должен был принять программу национальных действий – хорошо разработанный Азизом Сидки и Заятом, бывшими тогда руководителями АСС, документ.

Садат делал основной доклад. Оратор он искусный, и общую часть доклада произнес выразительно, умело, драматично, отодвинув в сторону всякие бумажки. Но с программой фантазировать было трудно. Листки документа падали с трибуны на пол, Садат этого не замечал. Он молчал, тупо рассматривая бумажки, вертя их так и сяк. Он явно издевался над программой. Известно было, что она ему не по душе, так как предусматривала усиление

государственного сектора в экономике и другие прогрессивные преобразования. Наконец, он промямлил, что, поскольку у делегатов проект программы действий имеется на руках, он о ней рассказывать не будет (!). И так не сказал ни слова, не привел ни одной цифры.

Впрочем, принятая «программа» скоро была заменена другой, которую президент и его новые помощники усиленно рекламировали как панацею от всех бед – программу «открытых дверей» («инфитах») для иностранного и своего частного капитала.

Но вернемся к событиям конца 1970 — начала 1971 года.

Политику делают конкретные люди, они же проводят ее в жизнь, т.е. политика преломляется через действия конкретных людей. На первых порах новой линии Садату, видимо, противостояла группа тех лиц, которые занимали руководящие посты во времена Насера. К этим лицам следует, в частности, отнести Али Сабри – вице-президента, Шаарави Гомаа – министра внутренних дел и секретаря ЦК АСС, Мохаммеда Фавзи – военного министра, Лябиба Шукейра – председателя Народного собрания (парламента), Дауда – секретаря ЦК АСС по идеологическим вопросам, Сами Шарафа – министра по делам президентства (фактически координатора разведывательной и контрразведывательной деятельности), Файека – министра национальной ориентации, и многих других – руководящих деятелей ЦК АСС, секретарей организации АСС в Каире и других крупных городах. Хотя неоднородная и организационно не спаянная, эта группа служила естественным препятствием единоличным и скрываемым от других устремлениям президента, о которых многие люди из его окружения тогда и не знали.

Али-Сабри, видимо, представлял для Садата наибольшую опасность, поскольку интеллектуально, по образованию, политическому кругозору он был намного выше Садата. 28 марта 1971 г. Садат президентским декретом без объяснения причин снял Али-Сабри с поста вице-президента. За пару дней до публикации принятого им решения он сообщил мне об этом, явно интересуясь реакцией. Я заметил, что мне трудно комментировать решение, уже принятое президентом. Единственно, что я хотел бы сделать, это напомнить дружеские пожелания, высказанные полгода назад А.Н. Косыгиным членам египетского руководства о необходимости дружной работы и сплоченности, предотвращения раскола в руководстве. Садат резко сказал, что он сообщил мне об уже принятом им решении.

Внутренними делами – развитием промышленности, сельского хозяйства, транспорта, благосостоянием населения, развитием культуры – президент практически не занимался. Он увлекался внешними делами, и среди них наиболее важным – ликвидацией последствий израильской агрессии и всем, что было с этим связано.

Считал он себя и военным специалистом, но часто пользовался искаженной информацией своих генералов. Весьма характерно, что Садат ни разу не принял для доклада главного советского военного советника, несмотря на мои неоднократные предложения об этом.

Разногласия между Садатом и другими руководящими деятелями обострились не только и не столько по внутренним вопросам, сколько по внешним. Вскоре после вступления на свой пост Садат единолично, без консультаций с другими руководителями, выбросил лозунг – «Сделать 1971-й год решающим!» Решающим в смысле возврата Египту оккупированной Израилем в результате агрессии 1967 г. территории Синайского полуострова. Поскольку израильтяне и не думали добровольно отдавать эту захваченную ими территорию, единственным способом оставались военные действия против Израиля. Фактически Садат вроде бы заранее объявлял, что в 1971 г. Египет начнет войну против Израиля. Этим же лозунгом он пытался шантажировать и нас: «Я выдвинул лозунг, Советский Союз должен мне помочь его осуществить». Когда ему говорили: Советский Союз – друг Египта, но не мог бы президент поделиться, какие же конкретные планы в отношении «решающего года», все ли взвешено, каков уровень боеспособности египетских вооруженных сил и т.д. Садат отвечал недовольно и кратко: лозунг политический, все остальное – дело профессионалов-военных. Вряд ли можно было назвать серьезным такой подход к делу со стороны президента. Хейкал в те дни говорил мне: еще никогда не было такого в истории, чтобы одно государство заявляло другому, что в таком-то году начнет против него войну; или это несерьезно, или – преступление. Однако в стране с

лозунгом смирились или... пропустили мимо ушей – мало ли выдвигается лозунгов!

Особо сильные разногласия среди руководства возникли в вопросе об отношении к США. Во времена Насера американский империализм был практически изгнан из района Ближнего Востока. После смерти Насера стали известными контакты Садата с американцами без ведома других руководителей страны. Они осуществлялись с помощью агентов ЦРУ, укрывавшихся под вывеской «Отдела защиты интересов США» при испанском посольстве. После разрыва дипломатических отношений с США их интересы представляло посольство Испании. На здании американского посольства висел испанский флаг, внутри его продолжала работать группа американцев, формально числящихся как бы в штате посольства Испании. Однако шила в мешке не утаишь. Египетские руководители при деловых встречах с тревогой говорили о возможном появлении американцев на Ближнем Востоке. Особенно их встревожило сообщение о предстоящем прибытии в Каир госсекретаря США Роджерса. Они, видимо, полагали, что эта «инициатива» была связана с каким-то поворотом в линии Садата.

При встречах с президентом я, разумеется, упоминал о моих беседах с другими руководителями Египта. Садат всегда поспешно говорил: «Я знаю, знаю, они об этом мне докладывали». Чувствуя нелады в высшем руководстве страны, мне приходилось проявлять осторожность: в конце нескольких бесед с Садатом в марте – апреле 1971 г. как бы невзначай спрашиваю Садата: «Скажите, пожалуйста, кто ваши лучшие друзья, с кем можно говорить вполне откровенно?» Садат отвечал: «Мохаммед Фавзи (военный министр), Шаарави Гомаа, Сами Шараф» (ранее он называл также и Али Сабри). И в свою очередь задавал вопрос: «А почему, посол, вы об этом спрашиваете?» Я отвечал: «Просто хочу быть уверенным». Впрочем, Садат в это время посылал в Москву Али Сабри, Мохаммеда Фавзи, Шаарави Гомаа и Сами Шарафа для важных переговоров, каждый раз представляя их советскому руководству как своих верных друзей.

Когда в Каир прибыл Роджерс, бросилось в глаза, что Садат принимал его демонстративно наедине. Тогдашний египетский министр иностранных дел Риад вынужден был около двух часов

сидеть в соседней комнате. Из Каира Роджерс вылетел срочно в Тель-Авив, откуда в Каир прибыл зам. госсекретаря Сиско и мелкий чиновник госдепартамента Стернер. Их Садат также принимал наедине. Стало известным восклицание Роджерса после изложения Садатом его позиций в ближневосточных вопросах: «Я не могу ничего большего требовать от Египта!» Это уже тогда звучало двусмысленно.

Понимая, что его заигрывание с американцами не может остаться незамеченным, Садат в разговорах со мной несколько раз выдвигал предложение о заключении с Советским Союзом Договора о дружбе и сотрудничестве, просил сообщить в Москву. (Кстати говоря, эта мысль впервые зародилась еще у Насера). По тону высказываний президента, однако, чувствовалось, что он никак не рассчитывает на принятие его предложения в складывавшейся в то время обстановке, он явно рассчитывал на отказ. Этот отказ ему был для чего-то нужен.

11 мая 1971 г. поздно вечером я был у Садата в его резиденции в Гизе на берегу Нила, неподалеку от нашего посольства. Беседовали в саду, вокруг бегали любимые собаки президента, прыгали на диванчик, где мы сидели, хватали за икры ног. Садат лениво отгонял разгулявшихся собак, жаловался на трудности, усталость, говорил, как он любит сидеть в одиночестве у воды, в темноте на барке ночью и размышлять. Поговорили об очередных делах. «На прощание» я опять задал вопрос с прежним объяснением о его доверенных друзьях. Садат усмехнулся и сказал: «Вы можете так же, как и я, полностью доверять Шаарави Гомаа, Фавзи и Сами Шарафу. Это – мое самое близкое окружение».

Это было 11 мая.

13 мая по договоренности с послом ГДР Мартином Бирбахом мы устроили совместный вечер дружбы двух посольств на территории посольства ГДР. Было жарко, душно. Немецкие товарищи позаботились о хорошей, веселой программе. Однако послу трудно отключиться от мыслей, особенно когда в стране, как чувствовалось (а кое-что и было известно), происходят важные события, тем более еще до конца не понятые.

В середине вечера Бирбах отлучился по вызову на некоторое время, а когда вернулся, тихонько сказал на ухо: «Мой шофер

слушал радио, оно передало сообщение об отставке секретаря ЦК АСС, министра внутренних дел Шаарави Гомаа!»

— Отставка? – переспросил я. – С какой стати?

— Ничего неизвестно – больше ничего не передавали. То ли он сам подал в отставку, то ли ему предложили уйти. Возможно, что и шофер ошибся.

Конечно, это была новость большого значения.

Пришлось уйти с вечера, надо было спешить к себе, к тому же еще предстояло заехать в Каирский театр оперы и балета на премьеру балета «Дон-Кихот», поставленного советскими балетмейстерами и педагогами. Там меня ждали, и если бы я не приехал, то это могло быть неверно истолковано, особенно в свете событий того вечера. Решили заехать в театр на начало спектакля, так сказать, показаться. Разумеется, постановка никак не воспринималась.

На дипломатической работе, как я убедился из многолетнего опыта, часто важную роль играет интуиция. И это не удивительно, поскольку интуиция бессознательно отражает накопившийся опыт. Чувствовалось, что в тот вечер должны произойти какие-то важные события. Пользуясь темнотой на сцене, я покинул театр...

Мои товарищи, несмотря на поздний час, уже ждали меня в посольстве. Они слышали сообщение по радио об отставке Гомаа, сейчас радио передавало лишь марши и бравурную музыку – верный признак какого-то важного события.

Через некоторое время сообщение по радио: после того как президент принял отставку Гомаа, в отставку подали военный министр Фавзи, председатель Народного собрания Лябиб Шукейр, министр по делам президентства Сами Шараф, министр информации Мухаммед Файек, секретари ЦК АСС Абу Нур, Дауд и другие. Президент принял отставку всех названных лиц и сразу же назначил военным министром начальника генерального штаба генерала Садека и министром внутренних дел Мамдуха Салема – губернатора Александрии.

Положение начало проясняться. Коллективная отставка, видимо, была фактически попыткой оказать нажим на Садата с тем, чтобы он шел вместе с другими руководителями. Последствий, видимо, никто не продумывал, так как «заговорщики», как их окрестили позднее, подав в отставку, разошлись по домам, легли

спать. Это не была, конечно, попытка переворота, перевороты так не совершают.

Но удивили действия Садата. Он как бы сам преднамеренно спровоцировал массовую отставку недовольных его линией руководителей, послав в отставку главную политическую фигуру – Шаарави Гомаа. Но ведь как он быстро нашел замену на руководителей двух ключевых сил – армии и полиции? Значит, эти кандидатуры у него уже были заранее подготовлены? И вспомнились слова Садата, сказанные мне менее двух суток назад: «Вы можете так же, как и я, полностью доверять Шаарави Гомаа, Фавзи и Сами Шарафу. Это – мое самое близкое окружение». Зачем он так говорил мне? И подумалось – не говорил ли эти слова Садат с каким-то особым смыслом?

События в Египте всколыхнули все арабские страны, привлекли к себе внимание во всем мире. В печати западных стран почему-то упорно подчеркивалось, что по отношениям Египта с Советским Союзом нанесен удар. Так хотелось бы западным странам и всем тем, кому подлинная независимость Египта была не по нутру.

Через день после ареста «заговорщиков» (а их официальные лица, по примеру Садата, иначе не именовали) Садат принял меня во дворце Тахра. В отличие от Насера Садат часто принимал послов в самых различных местах. Казалось, что новый президент даже постоянно не жил на одном месте более одного дня. Он принимал меня в своем личном доме в Каире, во дворце Тахра, в официальной резиденции через улицу от своего дома (эту резиденцию Садат приказал переделать из музейного здания), в его резиденциях в Гелиополисе, Хелуане, Александрии, Маамуре, Бург эл-Арабе, в своем доме в деревне, где родился, в АСС, в резиденции на Барражах... У Насера не было личного дома, он с семьей скромно размещался в одной из воинских частей. Садат, используя свое служебное положение, купил по дешевой цене дом на берегу Нила, дорого, роскошно, но безвкусно обставил, закрыл большую часть набережной для публики.

Объяснения Салата были весьма неубедительны, скорее саморазоблачительны. Выглядел он плохо: несмотря на смуглую кожу, какой-то серый, осунувшийся, с большими мешками под глазами, по лицу непрерывно течет пот, который он не успевал

вытирать бумажными салфетками. «Объяснения» его состояли в том, что Али Сабри и другие руководители «подрывали его власть, вмешивались в права президента». В качестве примера Садат назвал провал в АСС затеи с созданием Федерации арабских государств (Египет, Сирия, Ливия и Судан). И все. Далее он рассказал ту же малоправдоподобную версию, которую усердно публиковали официальные органы печати: однажды ему домой «неизвестный молодой человек» принес магнитофонные пленки с записью его, Садата, разговоров, а также разговоров Гомаа с Сабри, Фавзи и другими. Из этих записей он понял о «враждебном» к нему настроении. «Когда, приняв отставку группы “этих людей”, я хотел обратиться к народу, – говорил он, – меня не пустили на радио и телевизионную станцию». Садат уверял, что события в руководстве Египта не должны отрицательным образом отразиться на отношениях с Советским Союзом.

Это был жест, чтобы успокоить Советский Союз, эту же цель – представить дело так, что с Советским Союзом отношения идут гладко, преследовали крупные публикации в печати на следующий день о беседе Салата с советским послом.

Для того, чтобы привлечь на свою сторону широкие симпатии, бы пушена в ход версия о том, что одним из главных преступлений «заговорщиков» была организация подслушивания телефонов «многих тысяч» египтян. По телевидению передавали сцену: Садат и новый министр внутренних дел Мамдух Салем с торжественно серьезными лицами во дворе МВД бросают в большой костер коробки с магнитофонными лентами. Любящие позубоскалить египтяне смеялись: зачем уничтожать дорогие импортные магнитофонные ленты, ведь запись легко стирается, а кроме того, эти пленки – вещественные доказательства «преступлений». Было издано решение правительства, объявлявшее подслушивание телефонных разговоров кем бы то ни было незаконным делом, правда, за исключением случаев, когда это будет... «в интересах государства»!

Чтобы закончить историю с подслушиванием, упомяну о случае, который редко встречается в дипломатической практике. Через пару месяцев я случайно встретил в Александрии на пляже Хейкала. Естественно, разговор зашел и о прошедших событиях. Хейкал не сочувствовал «заговорщикам», это был один из тех периодов, когда он считал, что Садат в какой-то степени ему доверяет. Он упомянул о том, что Садат говорил ему о моих контактах с «заговорщиками». Мне почудилась какая-то недоговоренность. Я рассказал Хейкалу, что, действительно, по долгу службы мне, естественно, приходилось с ними встречаться, ведь все они занимали высокие государственные посты, президент просил меня переговорить с ними по отдельным вопросам, он сам направлял их в Москву по делам со своими поручениями. Что же тут удивительного, да и в общих чертах я всегда информировал президента о моих деловых встречах, и он неизменно поспешно отвечал мне, что знает о них. Между прочим, заметил я Хейкалу, несколько раз в марте – апреле, а последний раз за два дня до событий, я спрашивал президента, кто его самые доверенные лица, с тем, чтобы разговоры с ними могли иметь откровенный характер, и каждый раз президент называл тех лиц, которых очень быстро обвинил в заговоре и посадил за решетку; почему он мне давал именно такие рекомендации?

Хейкал замялся, прямо не ответил, но тут же рассказал, что Садат дал ему прослушать магнитофонную пленку с записью разговора советского посла с Сами Шарафом 9 мая.

Я усомнился в этом, но Хейкал предложил тут же поехать к нему в кабинет с тем, чтобы он мог продемонстрировать пленку. Я, разумеется, отказался – не хотел втягиваться во всю эту историю, даже проявлять интерес, хотя и твердо зная, что в этих разговорах не было ничего такого, что можно было бы инкриминировать советскому послу. Все же решил проверить Хейкала.

— О чем же тогда шел разговор?

— Сами Шараф утверждал, что действия Садата непредсказуемы, что он идет на сговор с американцами, неизвестно, что президент предпримет через час-два, а в конце спросил посла – что нам делать с президентом?

Я отметил про себя, что высказывания Сами Шарафа были Хейкалом переданы довольно точно. С тем, чтобы окончательно удостовериться, а главное – устранить всякую неопределенность относительно поведения советского посла, я спросил Хейкала:

— Ну, и что же ответил посол?

— Посол ответил, – улыбнулся Хейкал, – что это не его вопрос, Садат – это ваш президент, вы должны сплотиться вокруг президента с тем, чтобы была единая воля в руководстве.

Хейкал говорил то, что действительно имело место.

Хейкал, однако, добавил:

— Вот на этом месте Садат, который внимательно слушал пленку, с досадой хлопнул по арабскому обычаю руку об руку и воскликнул: «Яасалям! Не сорвался посол, а ведь по острию ходил!»

— Что значит «сорвался», «не сорвался»? Что же я еще мог ответить на такой вопрос?

— Не знаю, – уклонился Хейкал, – президент рассчитывал (и, подумалось мне, очень хотел бы) услышать другое...

Иными словами: Садат хотел бы связать всю эту историю с «заговорщиками» с Советским Союзом.

...Широкой поддержки в стране, вернее, насеровской популярности Садат, судя во всему, по-прежнему не получал. Революция 1952 г., во главе которой стоял Насер, дала многое трудящимся: земельную реформу, доступ к образованию, социальное страхование, законы о труде и т.д., но она не ликвидировала социальное неравенство. Подавляющее большинство населения Египта неграмотно, а неграмотный – по ленинскому выражению – стоит вне политики. Поэтому отсутствие активного участия масс в преобразованиях страны и, следовательно, пассивность к тому, что происходит в политических делах, представляла собой главную опасность того, что незаконченная революция 1952 г. так и не будет закончена. И, значит, власть перейдет теми или иными способами к тем, кто сильнее, а сильнее была и есть буржуазия. Президент Садат хорошо отражал ее интересы. Большинство народа не выступило против его действий в отношении соратников Насера, для которых прокурор на суда требовал смертной казни, однако большинство из них было приговорено к каторге и длительным срокам заключения. Для многих существо противоречий Садата с руководителями, оставшимися с насеровских времен, было неизвестно, свои намерения идти к сотрудничеству с США и тайные контакты с американцами президент тщательно скрывал. К нему спешно стали подбираться внутри страны правые, видимо, усилили давление американцы. Обе эти силы ставили целью добиться

быстрого отхода Египта от дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, отсюда появились всякие злонамеренные слухи и выдумки о нашей стране, попытки исподволь, искусственно создавать антисоветскую атмосферу в стране. Этому, разумеется, следовало воспрепятствовать.

В египетском народе глубоко укоренились и, смею сказать, сейчас прочно существуют добрые настроения в отношении Советского Союза, советских людей. Как мы много раз имели возможность убедиться, недружественные нам «всплески» Садата или части египетской печати не находили широкой поддержки и даже распространения в широких слоях народа. Египетский народ отличается своим трудолюбием и жизнелюбием, хотя живется ему нелегко, скептическим, насмешливым отношением ко всяким вбиваемым сверху постулатам, он не любит прописных истин, ему дай посомневаться. Большинство народа неграмотно, но в своей массе он хорошо знает о своих друзьях – советских людях, о советском государстве – СССР, вставших рядом с Египтом в трудную для него минуту. Для простого египтянина пример нагляден: он помнил высокомерного богатого англичанина, хозяйничавшего в стране, а сейчас видел скромного советского технического специалиста на египетском заводе, стройке или офицера – военного советника, товарища, делящего с египетскими солдатами трудности военной жизни. С этим объективным обстоятельством – настроением в народе – был вынужден считаться и Садат. Отсюда произносившиеся им иногда и хорошие слова в адрес Советского Союза, и демонстративные просьбы о заключении советско-египетского договора о дружбе и приезде в Каир высоких советских руководителей.

Заключение такого договора объективно отвечало интересам укрепления отношений между народами обеих стран, сдерживало попытки врагов этих отношений нанести по ним удар.

На предложение Садата о заключении с Советским Союзом договора о дружбе и сотрудничестве было дано согласие. В переговорах, которые велись в Каире, были приняты все предложения египетской стороны по его тексту. 27 мая 1971 г. договор был подписан в Каире, что вызвало большой переполох в США. В Каир спешно прилетел эмиссар из Вашингтона Стернер. Садату пришлось давать этому мелкому чиновнику заверения в том, что в

его, Салата, намерениях в отношении США ничего не изменилось.

Об обстоятельствах заключения договора я, как очевидец события, упомянул особо, поскольку в своих поздних выступлениях Салат несколько раз говорил о том, что договор был якобы ему «навязан» советской стороной, что в его тексте не были учтены египетские замечания и т.д. Все это было не так.

В налаживавшихся египетско-американских контактах, тем не менее, возник холодок, и Садату нужно было вновь время и повод, чтобы доказать США верность данному им слову.

Таким поводом Салат избрал нахождение в Египте, по просьбе Насера и египетского руководства, в том числе самого Салата, некоторого количества советского военного персонала – военных советников и технических специалистов, обучавших египтян, а также подразделений ПВО, охранявших египетское небо на время ускоренной подготовки египетских расчетов. Началась серия недружественных действий, имевших целью бросить тень на самоотверженную деятельность советских военных, честно выполнявших свой интернациональный долг, несших в нелегких и непривычных условиях свою боевую службу.

Приведу лишь несколько примеров. В сентябре 1971 г. американская разведка, все время работавшая в Египте, видимо, перестаралась, и ее агенты слишком открыто начали действовать против египетских вооруженных сил, результатом чего явилось так называемое «дело Рандополо» – египетского гражданина, подрядчика, осуществлявшего строительные работы на оборонных объектах, который был завербован американцами. С ним, как пишет Хейкал в своей книге «Дорога к Рамадану», поддерживала контакт американская шпионка Свейн, работавшая в американской миссии под испанским флагом. Египетская контрразведка арестовала Рандополо и Свейн. Между тем, египетская сторона заявила нам, что Рандополо осуществлял шпионаж в пользу Израиля, и пыталась обвинить советских военнослужащих в недостаточной бдительности и, следовательно, в пособничестве израильтянам! Нами были резонно отведены эти смехотворные утверждения и заявлено, что за контрразведывательную деятельность в своей стране несет ответственность только египетская сторона. Позднее мы с интересом прочитали в упомянутой книге Хейкала о том, что

резидент ЦРУ в Египте Юджин Троне, когда вскрылось все это дело, написал следующее откровенное письмо тогдашнему начальнику египетской разведывательной и контрразведывательной службы генералу Ахмеду Исмаилу: «Я хочу заверить Вас, что какая-либо информация, которую мы получили через эту девицу, не попала в Израиль. Она была полезной лишь для Соединенных Штатов. Кстати говоря, она была тем самым полезна также и Египту, поскольку предоставила возможность американскому правительству отвечать правительству Израиля, что оно преувеличивает, когда ссылается на поставки оружия Советским Союзом Египту как на причину своих новых запросов у США оружия для Израиля. Я хочу, чтобы Вы поняли, что не Египет является целью в этом шпионском деле. Как Вы знаете, США и Советский Союз вовлечены в глобальную конфронтацию... Мы шпионили за ними, а не за вами».

Садат решил отпустить американскую шпионку, отмечает Хейкал, для того, чтобы продолжать поддерживать именно этот канал связи, который для него все более становился важным: Садат – египетская разведка – ЦРУ – Американский совет национальной безопасности и Киссинджер.

В один из дней в начале 1972 г. большая группа советских офицеров, возвращавшихся на родину, в Каирском аэропорту была подвергнута унизительному досмотру с целью, как открыто говорили египетские таможенники, доказать правильность распускавшихся слухов о том, что русские вывозят в больших количествах золото из Египта. Конечно, никакого золота найдено не было. Пришлось принять решительные меры вплоть до обращения к президенту. Вечером того же дня меня разыскал Садат, я беседовал дома у премьер-министра Азиза Сидки. По телефону Садат сказал мне, что «ему стыдно, что кое-кто в Египте решил “вознаградить” таким неподобающим образом советских военных за их искренний труд», просил считать инцидент исчерпанным, т.е. фактически извинился.

Садат в интервью американскому журналу «Ньюсуик» жаловался, что ему приходится платить большие суммы денег в твердой валюте Советскому Союзу за содержание советских военных в египетской армии. Поскольку ни то, ни другое утверждение не соответствовали действительности, во время одной из встреч с

Садатом я, сославшись на это интервью, пошутил, сказав, что советские военные теперь удивляются, почему они не получают твердой валюты. Садат поморщился и наигранно обиженным тоном сказал: это все газетчики перевирают. Однако он не согласился сделать опровержение.

Новый заместитель министра иностранных дел Фахми фактически заявил в печати, что Советский Союз ненадежный союзник, не пойдет с Египтом «до конца» (какого?). Министр иностранных дел Галеб, бывший посол Египта в Москве, был настолько возмущен, что добился снятия Фахми с поста заместителя министра (позднее сам Галеб был снят со своего поста, а Фахми стал министром иностранных дел).

И, наконец, Садат принял решение.

В июле 1972 г. он получил очередное послание от Никсона. Когда через несколько дней я был у него с очередным поручением, он внезапно с большим раздражением попросил передать в Москву без всякой мотивировки, что отказывается от услуг советских военных в Египте. Ни слова благодарности за их самоотверженный труд, ни слова о причинах этого неожиданного и даже формально необъяснимого решения, которое, несомненно, будет иметь большие политические последствия. В тоне высказываний президента не было и тени сотрудничества, свое «решение» он сопровождал язвительными замечаниями по поводу советских военных, на которые я, естественно, не мог не реагировать.

Видя, что президент, несмотря на мои попытки, не хочет говорить по существу вопроса, мне пришлось напомнить Садату, что советские военные прибыли в Египет в связи с настоятельными и многочисленными просьбами президента Насера, а затем и самого Садата, по приказу советского правительства. Они честно, не взирая на громадные трудности, выполняли свой интернациональный долг, имея единственную цель – сделать Египет сильным. Они не заслуживают тех слов, которые произносил о них президент, эти слова я нашим военным передавать не буду. Поскольку Садат пытался вновь говорить что-то унизительное в отношении наших военных, мне пришлось сказать ему, что, если у президента нет других сообщений, я передам то, что он заявил, в Москву. Попрощался уходя кивком головы.

После моего ухода, как рассказывал позднее Хейкал, Садат вызвал его, премьер-министра Азиза Сидки, военного министра Садека и объявил им о своем «решении». «Что ты наделал? – вскричал Хейкал, – думаешь ли ты о последствиях для армии, для страны?» Хейкал говорил, что даже почувствовал себя уязвленным, поскольку именно в его присутствии Насер настойчиво просил у советского руководства о присылке советских военных в Египет; теперь Садат единолично отменяет то, чего Насер так упорно добивался. Мы тогда, конечно, не знали, что, как свидетельствует Хейкал в своей книге «Дорога к Рамадану», в секретном послании президента США Никсона говорилось, что он, Садат, может чувствовать себя спокойно и делать все, что он хочет, но должен помнить, что ключ от решения ближневосточной проблемы находится у США. Недаром Киссинджер в своих воспоминаниях пишет, говоря о решении Садата относительно удаления советского военного персонала, что он «получил (от Садата. – *В.В.*) все, не дав ничего».

Конечно, советские военные советники и весь персонал организованно покинули Египет, в египетской армии происходили трогательные сцены прощания, многие египетские офицеры и солдаты плакали, они признавались во внезапно нахлынувшем чувстве одиночества и... стыда за действия своего президента.

Мы много размышляли над этим решением Садата. Несомненно, оно было принято заранее. На что же рассчитывал Садат, делая такой жест, ослаблявший Египет и политически, и в военном отношении? Наличие советских военных не только укрепляло египетскую армию на период до достижения ею необходимого уровня в подготовке, но и удерживало Израиль от крупных военных акций против Египта. Достаточно упомянуть о полном прекращении воздушных налетов израильтян на египетские населенные пункты, которые были надежно прикрыты.

Английский посол с необычной откровенностью говорил мне через несколько дней после опубликования решения Садата о советских военных. «Если раньше, когда были в Египте советские военные, мы еще как-то стремились к ближневосточному урегулированию, поскольку тогда советские военные ушли бы, то теперь, когда ваших военных нет, у нас нет побудительных стимулов заниматься урегулированием». Таким образом, Садат

отказался от сильного рычага в руках арабов, который содействовал урегулированию ближневосточного конфликта.

Значит, у Садата были какие-то планы в отношении США, своими действия он как бы выкидывает им знак: «Я с вами!» Но сближение Египта с США, поддерживающих на 100% Израиль, необходимо как-то обосновать, оправдать. Это было возможно только в том случае, если бы США появились в необычном для них облике миротворца на Ближнем Востоке, так сказать, «честного брокера». Вспомнилось: именно эту опасность в поведении Садата видели насеристы.

В 1973 г. на Ближнем Востоке произошло важное событие мирового значения, которое проливает свет на пути появления на Ближнем Востоке Соединенных Штатов. Разразились крупные военные действия с непосредственным участием в них Египта, Сирии и Израиля, так называемая Октябрьская война, или Война рамадана.

III

Разрешение арабо-израильского конфликта, а точнее, пути возвращения оккупированных Израилем арабских, в том числе египетских, земель и обеспечение прав арабского народа Палестины, было для Египта не только главнейшей внешнеполитической проблемой, но и вопросом, в значительной степени определявшим внутриполитическое положение в стране. Понятно было нетерпение подлинно патриотически настроенных кругов поскорее добиться восстановления справедливости. С этой целью Насер укреплял и экономическое положение страны, восстанавливал с помощью Советского Союза египетские вооруженные силы, предпринимал крупные политические шаги на международной арене, во внешних сношениях Египет обрел многих искренних друзей, в первом ряд которых находился Советский Союз.

После смерти Насера нельзя было не видеть, что вопрос о ликвидации последствий израильской агрессии все чаще становился предметом политической спекуляции во внутриполитической борьбе Садата со своим противниками. Во внешней же политике – средством в попытках оказать давление либо на Советский Союз

(с целью переложить на него ответственность за неурегулированность, а заодно выдвинуть просьбы о получении какой-то необычной помощи), либо на США (с целью привлечения внимания к намерениям изменить политический курс страны и получить себе в этом деле союзников).

Новый президент Египта, как и прежний, хорошо понимал, что решение ближневосточного конфликта без участия Египта – самой крупной и развитой арабской страны с наиболее мощными вооруженными силами – невозможно. Поскольку Израиль, имея за плечами безоговорочную поддержку США, занимал непреклонную позицию в отношении захваченных им территорий, решение ближневосточного конфликта мирными путями для многих арабских стран и их правительств представлялось делом малореальным. Оставалось надеяться только на силу, ее применение было законным, поскольку речь шла о возврате того, что было захвачено Израилем, повсеместно признанным агрессором. Без Египта меряться силами с Израилем другие арабские государства вряд ли решились бы. Несомненно, Садат чувствовал уникальность положения Египта, тем более, что достижение договоренности о возврате Израилем Египту собственно египетских земель – пустынного Синайского полуострова – в обмен на мир было относительно более легким для Израиля делом, чем восстановление прав палестинцев, передача арабам сектора Газа, освобождение Западного берега реки Иордан, возврат Сирии Голанских высот или уход с ливанской территории. Египет всегда мог получить обратно свою территорию ценой сепаратного мира с Израилем, но это означало бы предательство общеарабских интересов, в первую очередь интересов палестинцев, Сирии, Иордании и Ливана. Насеру и в голову не приходила такая возможность. Садат же решил идти по пути ее использования. Именно встав на этот путь, он мог рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов. Надо было лишь найти средства для «логичного» появления США на Ближнем Востоке. Укреплению связей с США мешали развитые отношения Египта с Советским Союзом. Садат пошел, как мы видели, на ухудшение отношений с Советским Союзом, несмотря на то, что это ослабляло Египет и общеарабский фронт. Следовательно, сохранение и укрепление советско-египетских отношений было важным для поддержания справедливого общеарабского дела, в

интересах противостояния арабских государств натиску империалистических сил.

Сложность в определении практических мер в отношениях с Египтом состояла в том, чтобы, твердо ведя генеральную внешнеполитическую линию, должным образом учитывать и те влияния, под которыми находился Египет, его отходы, а иногда и негативные, недружественные Советскому Союзу действия, которые стали свойственны внешней политике Египта при Садате. Это была, конечно, сложная задача для нашей дипломатической службы, частью которой являлось советское посольство в Каире. Интенсивность наших связей с Египтом уже характеризуется, например, таким фактом: с конца 1970 г. до конца 1973 г. Советский Союз посетили 8 высокопоставленных египетских делегаций (из них три возглавлялись Садатом), в Египте побывали 7 советских делегаций высокого уровня. За это короткое время, между прочим, мне пришлось 12 раз вылетать из Каира в Москву (не считая отпусков). И столько же раз, разумеется, возвращаться обратно.

...После решения Садата об удалении советского военного персонала из Египта, которое явилось вызывающим жестом, позднее, когда глубина падения Садата стала еще более очевидной, многие товарищи спрашивали: разве не было видно истинное его лицо, его истинный курс? Конечно, многие детали, и важные в том числе, тщательно скрывались, поэтому они и стали известны позже, но общее наше представление о новой линии египетского руководства оказалось правильным, это подтвердили последовавшие события. Наша политика строится в расчете не на те или иные личности, а на главное дело, которому мы служим. Характер личностей, их линия, конечно же, учитываются при практических мероприятиях, но направленных опять-таки на то, чтобы с учетом конкретных условий выдержать генеральную линию.

Такая генеральная линия на Ближнем Востоке была и остается прежней: достижение справедливого мира для всех государств региона, что немыслимо достичь без возврата оккупированных Израилем арабских земель, обеспечения неотъемлемых прав палестинцев, включая создание собственного государства, обеспечения безопасного и мирного существования всех народов и государств региона, в том числе и Израиля. Этого нельзя достичь, если не будет устранено здесь влияние империалистических сил, интересы которых состоят в том, чтобы превратить Ближний Восток в свой плацдарм для дальнейшего наступления на независимость других государств, чтобы завоевать плацдарм против Советского Союза вблизи наших южных границ. Наша линия на Ближнем Востоке – на дружбу с арабскими и другими государствами и народами, на равноправное сотрудничество с ними.

...В самом начале своего правления, как уже говорилось, президент Садат выбросил лозунг: 1971 год станет решающим в арабо-израильском конфликте! Как, когда, какими средствами, на каких основах – об этом не говорилось, «решающий» – и все тут. Сразу было видно, что это лозунг, поэтому и неосуществимый. Позднее новому окружению Садата пришлось давать разъяснения: 1971-й год «решающий» в том смысле, что в этом году должно быть принято решение, что следует предпринять для решения проблемы. Это была уже увертка. Затем «решающим» был назван 1972-й год. Причину того, что в этот год ничего не было «решено», Садат свалил на... Советский Союз, который, дескать, был отвлечен оказанием помощи... Индии! Наступил 1973-й год. Усилились закулисные контакты Садата с американцами.

Линия американцев в давлении на Египет, главным образом на его президента, состояла в постоянном внушении мысли о том, что только США могут сдвинуть дело ближневосточного урегулирования с места, т.е. «оказать влияние» на Израиль. Но делать это США «бесплатно» не будут, цена за это – уменьшение, а затем и полная ликвидация так называемого «советского присутствия» на Ближнем Востоке, в первую очередь в Египте, главным образом военного. Если не будет «советского военного присутствия», твердили они, Израиль пойдет на приемлемых для Египта условиях на мир. Это была, конечно, спекуляция чистейшей воды, которая и подтвердилась позднее, однако она оказывала кое на кого влияние в Египте, в первую очередь на президента.

В конце лета 1973 г. в США был послан помощник президента по вопросам национальной безопасности Хафез Исмаил, который, как оказалось, имел секретные встречи с Никсоном и Киссинджером. Для маскировки Хафез Исмаил посетил также Лондон и Москву. Что-то готовилось.

К маю 1973 г. Садат сконцентрировал в своих руках всю власть, какая только возможна. Он был не только президентом,

имевшим широчайшие полномочия, но и занял посты премьер-министра, верховного главнокомандующего, председателя Арабского социалистического союза. Мало того, он был еще номинальным президентом Федерации арабских республик и обладателем уж совершенно невероятного титула – верховного военного правителя. Думаю, в новой и древней истории Египта вряд ли был еще другой пример столь сильной концентрации власти.

Контакты египтяне с нами поддерживали, хотя и не весьма интенсивные. Искренности в них, во всяком случае, было все меньше.

...22 сентября 1973 г., после возвращения из отпуска, я посетил Садата. На этот раз сказали, что он примет меня в Бург аль-Араб – в местечке в глубине пустыни, на запад от Александрии.

Бросилось в глаза, что на площадке у этого небольшого домика, затерянного в пустыне, стояло несколько больших легковых автомашин с номерными знаками, указывающими на то, что они принадлежали к тем автомашинам, которые выделяются иностранным государственным гостям. Оказалось, что Садат принимал Нельсона Рокфеллера и еще каких-то американцев. Нас провели в одну из приемных комнат, где пришлось ждать довольно долго. Из соседней комнаты доносился громкий смех Садата и утробное урчание американцев. Когда прошло более 20 минут после назначенного времени, мы сказали дежурному офицеру, что если президент так занят сегодня, то мы уедем – пусть он назначит другое время, когда будет свободен. Офицер куда-то ушел, а вернувшись, сказал, что президент сейчас освободится. Действительно, американцы вскоре уехали, их провели через другие двери, чтобы мы с ними не встретились.

Президент, видимо, находился под впечатлением только что законченного им разговора, глядел куда-то мимо, явно не мог сосредоточиться. Наконец, он начал, тщательно подбирая слова, говорить: обстановка с ближневосточным урегулированием становится «невыносимой». Что случится, если он, Садат, «взорвет обстановку»? Что могут думать об этом другие?

Мелькнула мысль: неужели он решил начать военные действия? А где же его заверения, что, находясь в тесных отношениях с Советским Союзом, он будет обмениваться мнениями, консультироваться, ведь военные действия – крайнее средство в политике и

в большинстве своем с непредсказуемыми результатами. В ходе военных действий всегда каждая сторона верит в то, что она победит, а побеждает лишь одна, другая проигрывает. И чаще всего та, что начинает войну. Никаких вразумительных разъяснений президент нам не дал, ходил, как говорится, «вокруг да около».

Разговор с президентом заставил нас еще более внимательно присмотреться к обстановке в стране. Каких-либо прямых указаний на предстоящее открытие военных действий не наблюдалось, но косвенные были. Но этого было мало для определенных выводов. Однажды автомобильный поток на каирской улице, в которой находилась наша машина, надолго задержался, пропуская вереницу военных грузовиков с понтонами для наведения переправ через водные преграды. Подумалось, если готовятся к войне, зачем же так демонстративно перевозить средства для переправы через Суэцкий канал? Египетские офицеры начали появляться на улицах в полевой форме. Если какие-то приготовления в войсках были заметны, то подготовка тыла на случай военных действий явно не ощущалась.

3 октября я был у Садата в его частном доме недалеко от посольства. В ходе разговора он говорил о постоянных провокациях Израиля, о возможности вооруженного ответа египтянами на «большую провокацию», а там дальше, как он сказал, «будь, что будет». На мой вопрос, имеются ли какие-либо соображения о времени и масштабах таких ответных действий, Садат подчеркнул, что он обязательно сообщит, если понадобится, «в свое время». Опять ничего конкретного он не сказал, однако попросил меня не выезжать из Каира, быть в пределах досягаемости президента по телефону.

На следующий день я сообщил президенту о принятом Москвой решении вывезти из Египта детей и женщин – членов семей советских работников, попросил содействия в этом египетских властей, на что Садат дал согласие.

В очень короткие сроки нам удалось вывезти из Египта более 2700 советских детей и женщин, а также около тысячи человек членов семей сотрудников посольств и специалистов других социалистических стран. Отправляли их, как правило, ночами автобусами в Александрию на советские суда, или ночными спецрейсами самолетов из Каира (пока не был закрыт аэропорт). В

посольстве работал штаб по эвакуации. Исключительно большую и напряженную работу провели экономический советник Н.Л. Лопатин, торговый представитель А.И. Лобачев, советник П.С. Акопов, первый секретарь В.Н. Юдин. Должен с удовлетворением сказать, что за все время этой большой срочной эвакуации со стороны советских граждан не было ни одного случая неправильного поведения. Советские люди действовали без паники, с полным сознанием своего долга. Эвакуация была произведена так, что не привлекла к себе ненужного внимания. Нам же пришлось спать 2-3 часа в сутки.

6 октября Садат пригласил к себе во дворец Тахра. Он сообщил, что «ситуация находится в постоянном развитии». Израильские провокации усиливаются и «можно ожидать событий» через... 4 часа. Он хотел бы, чтобы совпосол находился рядом с ним в эти часы и дни. После короткой паузы он сказал, что это, однако, невозможно, так как совпосол должен поддерживать связь с Москвой.

Несмотря на то, что Садат вновь уклонился от какой-либо конкретной информации, хотя мы и пытались повернуть разговор на конкретные рельсы, стало ясным: сегодня будут начаты военные действия. Мелькнула мысль: вот каким образом информировал нас президент об этом важнейшем событии, «в свое время», как он говорил раньше! Что же это за «информация», да еще менее чем за 4 часа до начала военных действий? Где же его обещания консультироваться и т.д.?[1]

Я поспешил в посольство, куда добрался примерно уже к полудню. Покончив со срочной информацией, решил немного перекусить, предчувствуя, что далее времени на еду и сон будет весьма мало. Примерно в 14 часов в резиденции зазвонил обыкновенный городской телефон. Я попросил секретаря Вафу Гулизаде взять трубку. Тот, поговорив, повернулся, сообщает: «С вами хочет говорить президент». Я усомнился – президент и по простому, городскому телефону? Взял трубку – в ней ликующий

[1] В своей книге «Дорога к Рамадану» Хейкал свидетельствует, что вопрос о том, информировать или нет совпосла о предстоявшем начале боевых действии, был предметом большой дискуссии. Хейкал высказывался в положительном плане, Садат, как видим, поступил по-иному. – *Прим. авт.*

голос Садата: «Сафир! Мы на восточном берегу канала! Египетский флаг на восточном берегу! Мы пересекли канал!»

Так началась Октябрьская война, имевшая столь большое значение для развития всей обстановки на Ближнем Востоке...

Октябрьская война 1973 г. заслуживает отдельного описания и подробного анализа, в том числе и очевидцами событий, в число которых входили и мы, сотрудники советского посольства в Каире. Размеры настоящей публикации не позволяют это сделать. Поэтому ограничусь лишь несколькими общими и отдельными частными моментами, которые, на мой взгляд, могут представить интерес, поскольку либо наглядно иллюстрируют происходившие события, либо показывают в истинном свете некоторые явления, усердно искаженные впоследствии стараниями американцев и самого Садата.

В течение октября – начале ноября с президентом Садатом приходилось встречаться практически ежедневно, иногда и по несколько раз. Частыми были и разговоры по специально установленному у меня по указанию президента телефону закрытой египетской правительственной связи «Би-би-экс».

Непрерывно работали радио- и телефонная связь с Москвой. В посольстве была введена строгая светомаскировка, оборудованы бомбоубежища, созданы аварийные запасы продуктов, питьевой воды, аккумуляторных фонарей, свечей, спичек, канцпринадлежностей, медикаментов. С помощью оставшихся женщин организовано общественное питание в помещении школы. Одним словом, перешли на казарменное положение. Спать приходилось в среднем часа три-четыре в сутки.

Военные действия, как известно, первоначально развивались успешно для египтян. За несколько часов им удалось форсировать Суэцкий канал практически на всем протяжении и закрепиться на восточном берегу. Между тем, ранее на эту часть операции отводили в расчетах не менее суток. По расчетам, потери египетских войск, непосредственно участвовавших в форсировании канала, могли составить до одной трети, фактически они были порядка 10-15%. Контратаки израильтян успеха не имели, да и сила сопротивления израильтян была незначительна. Зенитно-ракетные комплексы египтян были весьма эффективны, они поставили непроницаемый барьер для израильских самолетов, создали зенитный

«зонтик» над своими войсками. А на земле исключительно высокую точность показали противотанковые ракетные средства, так называемые «малютки»; израильтяне сразу же понесли громадные потери в танках. Отлично показало себя в жестких условиях раскаленной пустыни стрелковое оружие и самоходная техника, находившиеся на вооружении египетской армии.

Президент Садат был в восторге от высоких качеств вооружения, постоянно в беседах со мной в самых высокопарных выражениях благодарил Советский Союз, восклицал: «Настанет время – и я расскажу о великой помощи советских братьев!» Но дело было не только в высоких качествах советской военной техники, показавшей свое превосходство над американской, находившейся у израильтян. Сказалась долголетняя кропотливая работа советских военных советников и технических специалистов, которые помогли поднять на ноги разбитую и деморализованную в 1967 г. египетскую армию, а затем хорошенько ее обучить под девизом «тяжело в учении, легко в бою».

Все это было, несомненно, так. Но некоторые моменты смущали. Как же не смогли израильтяне, имевшие хорошо работавшую разведку, не заметить концентрации египетских войск у канала? (Я уже не говорю об американской разведке с ее техническими средствами). Являлись ли военные действия египтян и сирийцев уж столь неожиданными для израильских вооруженных сил? Почему основные силы израильтян были сосредоточены на севере – у границы с Сирией, в то время как главные арабские силы – египетские – были на юге? Почему было отказано Садатом королю Иордании Хусейну присоединиться к военным действиям, ведь его войска могли выполнить очень важную задачу – перерезать пути израильским войскам, направлявшимся с севера, с сирийского фронта, на юг – на египетский фронт? Почему израильские войска на Суэцком канале не оказали столь решительного сопротивления и через короткое время им был даже дан приказ отходить по собственному усмотрению? Как можно объяснить, например, публикацию египетского агентства новостей МЕН 2 октября о приведении в боевую готовность II и III египетских армий, которые штурмовали канал? Разве израильские средства информации не обратили на это внимания, как и на факт крупной эвакуации жен и детей иностранцев из Египта? Еще много остается неизвестных и не отвеченных «почему», относящихся к Октябрьской войне 1973 г. Недаром многие авторы исследований Октябрьской войны задавались вопросом, а не были ли «спланированы» боевые действия Египта и Израиля? Если бы это было так, то многие вопросы получили бы свои логические ответы, стали бы более понятными конечные политические итоги войны и то, что произошло позже – срыв Женевской мирной конференции, «Кэмп-Дэвид» и т.д.

Эти мысли лезли, конечно, в голову, но срочное дело было в то время другим. Ведь боевые действия развернулись всерьез. А в моменты войны, как никогда, важна четкость действий...

...Одновременно с египетской армией перешла в наступление и сирийская армия, она отбросила израильские войска с оккупированных ими сирийских Голанских высот. Египтяне еще продвинулись вперед, а затем... встали. Израильские вооруженные силы сконцентрировали все свои усилия на сирийском фронте и вскоре вернули то, что возвратили себе сирийцы, пошли на Дамаск, начались жестокие воздушные бомбардировки сирийских городов и портов. Египетская же армия стояла в бездействии, хотя было ясно, что стратегический маневр израильтян состоял в том, чтобы по частям разбить своих противников – сначала Сирию, а затем Египет. В этих условиях с военной точки зрения логически напрашивались ответные действия египтян: война на двух фронтах, которой, если бы так дело пошло, я уверен, Израиль не выдержал бы. Если бы... Все дело и было в этом «если бы».

На мой вопрос об общих планах действий Садат отвечал весьма раздраженно, что он «не собирается бегать по Синаю», что его тактика состоит в том, чтобы нанести как можно больший военный урон израильтянам, а не в «захвате» территории. Он будет ждать подхода их главных вооруженных сил (!), чтобы затем перемолотить их. Странная военная логика и тактика, ведь до перевалов Гидди и Митла на Синае египтянам оставалось совсем немного, фактически к ним путь был открыт. А тот, кто владеет этими перевалами, фактически владеет всем Синаем.

9–10 октября сирийцы начали откатываться назад. Египетские войска не двигались. Это была уже политика. Создавалось невольное впечатление о том, что египетские войска как бы «перевыполнили» то, что им было предназначено сделать, и на большее

планов не имелось. Действительно, в военном отношении планов, возможно, и не было. Существовали планы, но политические.

С возникновением конфликта развернулась бурная политическая активность в ООН и между столицами большинства государств. Конфликтом занялся Совет Безопасности ООН, в котором был предложен проект американской резолюции, требовавший немедленного прекращения огня и отвода войск на позиции, занимавшиеся ими до 6 октября. Однако, видимо, и сами США понимали политическую неправомерность требования возврата войск на позиции, существовавшие до конфликта, ведь выполнение этого требования арабами означало бы их согласие с «законностью» оккупации их земель израильтянами. Арабы освобождали свои земли, они не захватывали чужие. Разумеется, проект американцев был отвергнут арабами и их друзьями. Да, видимо, он и был внесен в расчете на то, чтобы выиграть время, нужное Соединенным Штатам для развертывания массовых военных поставок Израилю. Позднее об этой тактике затяжек открыто писал в своих мемуарах Киссинджер.

Выдвигались в ООН и предложения о принятии резолюции, требовавшей прекращения огня с оставлением войск на занимаемых к моменту прекращения огня позициях, одновременно предусматривалось выполнение предыдущих решений ООН о прекращении оккупации Израилем арабских земель. Сейчас, оглядываясь назад, представляется, что принятие такой резолюции в тот момент, когда Сирия вернула практически все захваченные Израилем свои территории, а египетские войска занимали позиции на 12–15 км по всему фронту канала на его восточном берегу, было бы выгодным арабам. Тем более, что остановка военных действий в таком положении давала бы хорошие шансы для урегулирования всего арабо-израильского конфликта на справедливых принципах. Однако принятию этой резолюции энергично противились США и... Египет! Такое «совпадение» позиций казалось странным, поскольку египетские войска остановили военные действия. Если бы они вели наступление, продолжая освобождать свои земли, тогда позиция Египта была бы понятной[1].

[1] Позднее из мемуаров, в частности, Киссинджера и Садата, стало ясным, что в это время шли интенсивные закулисные американо-египетские переговоры. – *Прим. авт.*

США можно было понять, они, видимо, ожидали крупного израильского наступления и усиленно снабжали в этих целях Израиль. А Египет-то почему не соглашался?

В беседах с Садатом много времени было посвящено обсуждению наиболее благоприятного для Египта и Сирии решения Совета Безопасности, которое учитывало бы реальное положение вещей: бездействие на египетском фронте в то время, как Израиль, получая по воздушному мосту из США и американских баз в Европе крупнейшие военные поставки, навалился на Сирию всей своей военной машиной. Садат раздраженно отвечал: если Сирия не может наступать, пусть обороняется (как будто бы оборона – легкое дело), пусть Сирия перейдет к партизанской войне – у нее большая территория и т.д. Положение на сирийском фронте его мало трогало. Он явно тянул время, ждал. Чего? А израильтяне уже начали бомбить египетские переправы через канал.

16 октября к нам поступило неожиданное сообщение о том, что 5–6 израильских танков просочилось на западный берег Суэцкого канала!!!

Еще примерно неделю до этого, когда вырисовалась линия фронта на восточном берегу, мы сразу обратили внимание на то, что между правым флангом II армии и левым флангом III армии, высадившихся за каналом, не только не было стыка, но существовал большой разрыв, приходившийся на Горькие озера. Это означало, что фланги обеих армий открыты для атак израильтян, которые могут попытаться отрезать их от канала. Советских военных советников, как известно, в это время в египетской армии уже не было. Египетские военные на наши вопросы отвечали кратко: такова «утвержденная диспозиция». Израильские танки под покровом ночи переправились на африканский – египетский – берег именно в месте этого разрыва, у горловины входа канала в Горькое озеро.

Садат объяснял нам, что эти танки – «диверсионная группа», они «обречены», даже почему-то говорил, что это «политический» (?) маневр израильтян.

16 октября вечером для консультаций с Садатом в Каир прибыл А.Н. Косыгин. В ожидании прилета самолета в аэропорту я спросил Хафеза Исмаила – советника президента по вопросам национальной безопасности – о прорвавшихся танках. Он ответил,

что этой «неприятной историей» занимаются должным образом военные и беспокоиться не следует. На самом деле, как выяснилось позднее, «военные» не принимали никаких мер к ликвидации прорыва, ссылаясь на указания «сверху». Таким образам, положение теперь уже на обоих фронтах складывалось явно не в пользу арабов. Египет, если бы и хотел, не мог помочь сирийскому фронту, где наступление израильтян с трудом было остановлено неподалеку от Дамаска.

Хотя визит А.Н. Косыгина считался «секретным», египтяне раздали для входа в международный аэропорт, который стал базой ВВС, особые пропуска с надписью «По случаю визита премьер-министра СССР», на машине поставили 2 флажка – советский и египетский, автомобиль сопровождали мотоциклисты. О его визите писали газеты западных стран.

А.Н. Косыгин внимательно смотрел сквозь окна автомашины на ночной, так сказать, «военный» Каир. Он замечал и небрежную светомаскировку, и большое число слоняющейся молодежи, и полное отсутствие того, что в нашем представлении связывается с «военной обстановкой». Война для рядовых египтян была где-то там, далеко на канале, ее вели военные, люди профессиональные, для чего и в каких целях – об этом мало что было известно рядовому, неунывающему, но неграмотному египтянину. Фамилий героев не называлось (а они были – и много), о позиции Советского Союза тоже ничего нигде в печати, по радио и телевидению не упоминалось (Садат говорил мне, что все это сознательно не разглашается по «соображениям безопасности»). Странная война.

Обмен мнениями с Садатом происходил и наедине, и в присутствии совпосла и помощника президента. Садат держался внешне дружественно, но упрямо: отрицал какие-либо неблагоприятные изменения в военной обстановке, требовал каких-то «гарантий» в дальнейшем поведении израильтян. Прорыв израильтян на западный берег канала вновь назвал незначительным явлением, «политическим маневром».

В результате долгого и обстоятельного обсуждения, имевшего целью выяснить поточнее политическую позицию Египта, Садат сообщил, что Египет мог бы согласиться с прекращением огня, если Израиль пойдет на выполнение резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 22.11.1967 г. относительно вывода израильских

войск с оккупированных арабских территорий. На время вывода израильских войск между ними и египетскими войсками Садат просил устроить «прокладку» из советских и американских войск – для гарантии. Должна быть созвана международная конференция для урегулирования всей ближневосточной проблемы (вопрос о палестинцах, судьба Западного берега реки Иордан, сектора Газа и др.).

После отбытия А.Н. Косыгина мы получили еще более тревожные сведения: израильтяне переправили на западный берег Суэцкого канала уже 30–40 танков. Затем число их дошло до 150, они захватили полевой военный аэродром, спешно расширяли свой плацдарм, особенно к югу, выбили важный пункт из сети египетской ПВО, прикрывавшей Каир и армии на восточном берегу канала. Большого сопротивления они не встречали. Выскочившие на восточный берег II и III египетские армии бездействовали, находившаяся в их тылу на западном берегу I армия – также.

В беседах с Садатом 19 и 20 октября мы настойчиво спрашивали его об этом прорыве: ведь израильтяне уже начали строить насыпной мост по каналу, на запад через канал в Египет, в Африку беспрепятственно шли все новые израильские части. Об этом ясно говорили аэрофотоснимки. Что думает делать президент в военном и политическом плане?

Садат с досадой отмахивался: прорыв израильтян, говорил он, «ничего не стоит с военной точки зрения, он имеет лишь политическое значение (опять!)», советским друзьям «не следует беспокоиться: египетское командование принимает соответствующие меры»!

Из этого непонятного поведения нам становилось все яснее, что у президента есть свои намерения, о которых он не говорит, но которые противоречат всей логике поведения в политическом и военном плане, если бы Египет продолжал придерживаться прежних антиимпериалистических позиций. Такое поведение отражало какие-то крупные изменения, коль скоро президент жертвовал ради них жизнями тысяч египетских солдат и офицеров.

...Влажной и теплой ночью на 21 октября, примерно в I час 45 минут, меня с постели поднял звонок президентского телефона. Президент просил срочно прибыть к нему во дворец Тахра.

Мчались по ночному Каиру вместе с В. Гулизаде, обсуждая, что на этот раз уготовил президент. Навстречу попалось несколько колонн автомашин с замазанными синей краской фарами. Под полной луной, как привидения, бесшумно мелькали светлые фургоны с мерцавшими синими огоньками на крышах – санитарные машины с фронта с покалеченными людьми. Многие из них умрут. За что?

Вошли в затемненный дворец. Нас проводили не как обычно в одну из гостиных, а на террасу на первом этаже с мраморной балюстрадой и скульптурами. Света на террасе не было, передняя часть ее, выходящая в небольшой сад, была ярко освещена ровным лунным светом, глубина террасы тонула в густой тени, узкий желтый лучик от неплотно прикрытой двери косо пересекал мраморный пол.

Садат сидел у балюстрады за небольшим столиком, сбоку примостился Абдала Фаттах, министр военного снабжения, как всегда с большой тетрадью, готовый к записи беседы. У балюстрады, спиной к саду, стоял и нервно курил Хафез Исмаил.

Вид у президента был неважный: помятый, весь в складках светлый военный мундир с распахнутым воротом и парой расстегнутых верхних пуговиц, лицо отражало усилия держаться спокойным, даже уверенным. Но это были заметные усилия.

Садат начал по-английски: «В полночь меня пригласили военные на командный пункт. Они доложили мне обстановку. После этого я принял решение немедленно пригласить вас».

Он сделал паузу, пыхнул трубкой, продолжал.

«Я могу сражаться с Израилем, но не с Соединенными Штатами Америки. Египет не может противостоять США».

Как всегда, Садат, говоря по-английски, четко произносил слова и употреблял правильно несложные конструкции. Сначала это был ровный голос, а затем эмоции стали прорываться наружу.

«Я не могу справиться с этими потоками американских танков и самолетов. Мы уничтожаем их невероятное количество, но, кажется, их поток не иссякает. Только вчера мы подбили 200 танков, но появляются новые и новые. Я не могу противостоять Соединенным Штатам…».

Снова затянулся трубкой, пустил дым.

«Я прошу вас срочно передать в Москву мою просьбу о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня. У вас ведь есть контакты с американцами. Я прошу вас действовать как можно скорее».

Хафез Исмаил вновь нервно затянулся сигаретой, отошел подальше вдоль балюстрады.

«Я понял вас» – сказал я насколько мог спокойно (вот и неожиданный конец!). «Хотел бы повторить: вы просите о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня с оставлением войск на занимаемых позициях».

«Да», – кивнул Садат.

«Хотел бы уточнить: как следует рассматривать израильскую группировку на западном берегу канала, останется ли она там?»

«Да, – ответил Садат, – хотя ее можно считать как “просочившуюся”, но ничего другого не остается».

Мы поспешили в посольство.

В эту ночь спать, конечно, не удалось. Пришлось часа через два вновь мчаться к президенту для уточнения некоторых вопросов о дальнейшей позиции египтян, хотя президент уже спал (!). Адъютант пришел в ужас от нашего настояния разбудить президента, но выполнил просьбу. Садат принял нас в халате поверх пижамы в комнате рядом со спальней. Сел, поджав ноги, на диван. Лицо его было уже розовое, здорового цвета, глаза блестели, он улыбался – ничего не говорило об историческом решении, которое он принял, о важных часах, которые сейчас бегут, о гибнущих людях. Весь его вид как бы говорил, что для него война окончилась...

После сложных советско-американских переговоров, которые американцы пытались преднамеренно тянуть, чтобы дать возможность израильским войскам глубже вклиниться в египетскую территорию и тем самым поставить Египет в еще более тяжелое положение, 22 октября Совет Безопасности ООН принял резолюцию 338 о прекращении огня не позднее чем через 12 часов. (Киссинджер в переговорах настаивал на том, что прекращение огня должно наступить не позднее чем через 48 часов, затем, встретившись с нашей твердой позиций, снизил требование до 24 часов, затем согласился на 12 часов). В резолюции содержался также призыв к немедленному практическому выполнению

резолюции Совета Безопасности ООН 242 и решение о проведении переговоров «под соответствующей эгидой» об установлении мира на Ближнем Востоке. Во время всех этих переговоров мы поддерживали непрерывный контакт с Садатом, который выразил полное удовлетворение их исходом.

Эти моменты Октябрьской войны хотелось бы напомнить для того, чтобы рассеять неправду, которая была пущена позднее в оборот Садатом и его некоторыми приближенными о позиции Советского Союза. Утверждалось, что Советский Союз не оказывал Египту помощи, «давил» на него, заставляя пойти на прекращение «успешных» боевых действий, и «навязал» прекращение огня путем принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 338, «лишив» тем самым Египет победы.

Правда состоит в том, что, хотя Египет не консультировался с Советским Союзом по поводу открытия военных действий и не информировал заранее хотя бы о сроках их начала, Советский Союз поддержал Египет, поскольку Египет осуществлял свои права на освобождение незаконно оккупированной его территории. Египту была оказана срочная разнообразная помощь (каирцы хорошо помнят, что, когда был закрыт Каирский аэропорт, в воздухе через каждые полчаса гудели советские грузовые «Антеи»)[1]; с президентом постоянно велись консультации по политическим вопросам, связанным с конфликтом; когда президент по своей инициативе сам срочно попросил добиться прекращения огня, Советский Союз, несмотря на значительно менее благоприятные условия, чем существовали ранее, сумел это сделать, используя все свои возможности и авторитет.

Вернемся к моменту принятия резолюции 338, требовавшей прекращения огня. Израильтяне, опираясь, видимо, на одобрение США, решили не считаться с этим решением, наступление их войск на западном берегу продолжалось, особенно на юг, они отрезали тем самым примерно сорокатысячную III египетскую армию на восточном берегу. Положение и в военном, и в политическом плане складывалось все более критически. Израиль бросал вызов всему миру.

[1] В одном из выступлений Садат сказал, что вся советская помощь в эти дни состояла из «чемодана с запчастями». – *Прим. авт.*

Последовавшие за 22 октября дни представляли собой сплошную череду взволнованных телефонных разговоров, встреч с Садатом, переписку.

Уже 23 октября Садат дважды обращался ко мне по телефону с официальной просьбой о срочном «советском военном вмешательстве» с тем, чтобы заставить Израиль выполнять решение Совета Безопасности.

Сложные переговоры между Москвой и Вашингтоном привели к принятию 24 октября новой резолюции Совета Безопасности ООН № 339, вновь требующей немедленного прекращения огня и возврата сторон на позиции, существовавшие 22 октября. Это была очень важная резолюция. Однако израильтяне продолжали игнорировать и эту резолюцию, их передовые части ворвались на окраины Суэца. Президент вновь подчеркнул в разговоре по телефону со мной, что официально обращается с самой настоятельной просьбой: сегодня же ночью прислать советские войска и/или наблюдателей, с аналогичной просьбой он обращается и к Никсону. Эту просьбу к СССР и США Садат продублировал также и открытым обращением по каирскому радио.

Как известно из позднее опубликованных материалов, американцы под всяческими предлогами уходили от ясных ответов в интенсивных переговорах, которые велись между Москвой и Вашингтоном. Садат же проявлял все большее нетерпение, называл американцев лжецами, чувствовалось, что они, видимо, в чем-то его переиграли, или «наказывали» Египет за слишком успешные боевые действия. Когда израильские войска полностью отрезали Суэц и вышли на позиции значительно южнее этого важного города-порта, Садат вновь обратился к Советскому Союзу с просьбой о срочной присылке совместно с США воинских контингентов для обеспечения выполнения резолюций Совета Безопасности ООН, а если США вновь уклонятся, то президент просил Советский Союз действовать отдельно.

Положение было критическим. С советской стороны было недвусмысленно и твердо заявлено американской администрации о готовности Советского Союза немедленно выполнить просьбу Египта. В Вашингтоне и Тель-Авиве, видимо, поняли, что с Советским Союзом такими вещами шутить нельзя. После этого твердого заявления израильтяне, как бы споткнувшись, мгновенно

прекратили свое наступление... Так Советский Союз вновь оказал неоценимую помощь Египту. Война была окончена.

Соединенные Штаты с тем, чтобы скрыть провал, объявили запоздалую... тревогу на своих заморских военных базах, не спрашивая согласия и даже не информируя об этом правительства тех стран, где были расположены эти базы. Садат, надо отдать ему должное, в разговоре со мной 25 октября с усмешкой отозвался об этих мерах американцев, назвал их шантажом. А вообще в Египте, да и в других странах, мало кто обратил внимания на этот колокольный звон американцев. В свете фактов мало что значат утверждения Киссинджера с напускным драматизмом, что именно эта (колокольная) решимость США принудила Советы «отступить». Куда отступить – неизвестно, мы, как известно, никуда не отступали. Позднее, когда Киссинджер несколько раз был в Каире, в одной из бесед я спросил его, видимо, наивно, поскольку в тот момент не знал, что он придает такое значение этой «тревоге», – с какой стати была объявлена тревога на американских военных базах заграницей, ведь никто не угрожал Соединенным Штатам; здесь, в Каире, только смеялись над этим жестом. Киссинджер нехотя ответил: «Это у Никсона нервы не выдержали».

Между тем Хафез Исмаил 27 октября сообщил мне о послании ему Киссинджера: госсекретарь приглашает Египет и далее обращаться к США. Таким образом, США уже открыто начала навязывать свою посредническую роль. Информация была сделана мне явно в расчете узнать нашу реакцию.

Я сказал Хафезу Исмаилу: если Египет не будет в дальнейшем опираться на советско-американскую договоренность об обеспечении прекращения огня, то позиции Египта будут значительно слабее, ведь США связаны обязательствами перед СССР, а не Египтом. Хафез Исмаил почему-то горячо подчеркнул необходимость предотвратить попытки американцев стать посредниками между Египтом и Израилем.

Садат тем временем срочно послал в Вашингтон Фахми, быстро назначенного и.о. министра иностранных дел, в то время как никем не смещенный министр иностранных дел Египта Зайят еще находился в США! Видимо, «двойная дипломатия» Садата в это время усилилась. Тут уж было не до таких «деталей», как наличие двух министров иностранных дел!

В консультациях по вопросу созыва международной конференции, для чего в первых числа ноября в Каир прибыл В.В. Кузнецов, бывший тогда первым заместителем министра иностранных дел СССР, Садат несколько раз подчеркивал, что Египту, как никогда, нужно быть вместе с Советским Союзом, действовать согласованно и координированно, и что Египет желает участия представителей обеих великих держав – СССР и США – на всех уровнях предстоящих переговоров. Итак, на словах – с Советским Союзом.

На деле... О важных переговорах Фахми в Вашингтоне не было ничего известно. И тут вдруг сообщение: 7 ноября в Каир прибывает Киссинджер! В тот же день он дважды имел беседы наедине с Садатом, а вечером каирское радио объявило: достигнуто соглашение о восстановлении египетско-американских дипломатических отношений! И это – итог войны?! Это – цена жизней тысяч египтян, сирийцев и израильтян, павших ради политических маневров США на Ближнем Востоке?!

В этот же вечер Фахми устроил у себя дома обед в честь Киссинджера, на котором было практически все египетское правительство. Фахми пригласил также послов СССР, Испании (представителя США), Англии и Франции, Хейкала. Откровенно говоря, желания идти на этот обед не было никакого, хотя американцы сообщили мне, что Киссинджер хотел бы поговорить со мной. Уж очень бесцеремонно, недружески вели себя последние дни египтяне, включая самого Фахми.

На обед я поэтому приехал последним. Когда вошел в небольшую залу апартаментов Фахми, увидел рассевшихся по стенам гостей со скучающими лицами и стаканами с виски, ставшими теплыми от долгого держания в руках. В середине зальца стоял Киссинджер, вяло говорил с испанским послом. Меня представили Киссинджеру, он оживился и после пары любезных фраз сразу же поинтересовался общей оценкой обстановки в районе Ближнего Востока.

Я ответил, что, несмотря на прекращение огня, обстановка сложная и взрывоопасная. Поэтому должны быть приняты меры краткосрочного и долгосрочного плана. Сейчас необходимо, чтобы Израиль «перестал валять дурака», заявляя, что «никто не знает, где находятся линии, существовавшие на 22 октября с.г.», т.е.

куда должны быть отведены израильские войска в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН № 338 и 339. Эти линии можно хоть сейчас показать на карте. Когда израильтяне отведут туда свои войска, тогда автоматически отпадут проблемы снабжения третьей египетской армии и Суэца. Это – немедленные действия.

В долгосрочном плане сейчас самое удобное время предпринять усилия для подлинного всеобщего урегулирования всей ближневосточной проблемы.

Киссинджер заинтересовался: «Почему вы считаете, что сейчас имеются более благоприятные усилия для всеобщего урегулирования?»

Я ответил, что, по моим наблюдениям, имеется ряд факторов:

1. Израиль убедился, что непобедимость израильской армии – это миф, Израиль может быть побит. Это должно изменить настроения правителей Израиля, если они заботятся о судьбах своего народа, о его будущем. Всем ясно, что арабы уже никогда не капитулируют, на что рассчитывает Израиль. Арабы могут иметь неудачи, но они не капитулируют. Это стало ясным и Израилю.

2. Арабы осознали, что имеют силу, это дает им сейчас возможность идти на политические переговоры. Раньше для политических переговоров у них не было оправданной возможности.

3. Создалось общеарабское единство, которого не было ранее, важным показателем которого является эмбарго на поставку нефти США и их союзникам.

4. Мировое общественное мнение сейчас практически на стороне арабов, никто не обвиняет их в «агрессии» против Израиля, хотя они первыми начали широкие военные действия. Все хотят скорейшего урегулирования.

5. Нынешний характер советско-американских отношений позволяет нам, несмотря на известные разногласия, обсуждать любые вопросы и сотрудничать, вместо того, чтобы противостоять друг другу.

Все эти благоприятные факторы, закончил я, имеют, однако, временный характер, с течением времени один или несколько могут перестать существовать, поэтому важно не терять время. Ближневосточную проблему можно урегулировать справедливым

для всех образом, если честно взяться за это дело, иначе вновь могут быть военные потрясения.

Киссинджер внимательно слушал, сказал, что со многим согласен, кроме вопроса об эмбарго. А что касается возможности возникновения новой войны, то ее может не быть, если Советский Союз не будет в этом районе искать для себя выгод и заниматься подстрекательством (to make monkey business).

Пришлось резко ответить, что это не наша специальность, именно США стоят за спиной агрессора, в то время как возврат собственных земель, захваченных агрессором – справедливое дело, и мы открыто его поддерживаем. Фахми поспешил пригласить всех к столу.

Прощаясь после обеда, Киссинджер сказал, что он и ранее слышал, что советский посол в Каире – «tough guy» («твердый парень»). Но все равно он просит сотрудничать с только что назначенным послом США в Египте Германом Эйлтсом (он так же, как и Киссинджер, немецкого происхождения, переводится в Египет с поста посла США в Саудовской Аравии, арабист).

«Ну, что ж, – ответил я, – можно и сотрудничать с американским “Лоуренсом Аравийским”, если только не возникнет проблема с “monkey business” с американской стороны». Киссинджер натянуто рассмеялся – шутка была ответной.

На следующий же день в печати было объявлено о некоторых элементах договоренности, достигнутой между Садатом и Киссинджером, в частности, говорилось о переговорах относительно отвода израильских войск на позиции 22 октября в рамках «общего соглашения» о разъединении египетских и израильских войск. Это уже было нечто новое. Вместо безусловного выполнения решений об отводе войск – переговоры, да еще и в рамках какого-то нового соглашения о «разъединении». Переговоры и, следовательно, урегулирование явно уводили с логической прямой на топкую, извилистую дорогу, в хляби.

О существе этого соглашения египтяне нас так и не информировали. Через четыре дня после газетных публикаций на эту тему Фахми пригласил меня к себе и передал мне бумагу с тем, что было опубликовано в газете. Я взял и, прочитав, небрежно сказал, что уже давно знаю обо всем этом из печати. Эта реплика взбесила Фахми.

Начались сложные переговоры, связанные с практической организацией международной мирной конференции. Они велись между Москвой, Вашингтоном, Нью-Йорком, Каиром, Дамаском и Тель-Авивом. На этот раз нам приходилось держать рабочие постоянные контакты не только с Фахми, но и со срочно прибывшим американским послом в Египте Эйлтсом. Однажды, в декабре, Эйлтс позвонил по телефону, сказал: в Каир вновь прилетает Киссинджер, он хотел бы с вами встретиться. Я ответил согласием. Эйлтс замялся: Киссинджер сообщил, что хотел бы встретиться с советским послом в аэропорту при прилете или отлете. Уловка была простая: госсекретарю надо было показать, что его встречает или провожает советский посол.

Я ответил Эйлтсу, что такая «возможность» встречи с госсекретарем меня не устраивает ни по существу, ни по форме. Какой может быть серьезный, деловой разговор в аэропорту? Киссинджер ведь прибывает в Египет к египетскому правительству, какое может иметь отношение советский посол к его встрече или проводам? Эйлтс смутился, ответил, что сам понимает всю неуклюжесть сделанного предложения, попробует вновь связаться с Киссинджером и придумать что-либо другое. Часа через четыре Эйлтс сообщил, что Киссинджер предлагает встретиться в отведенной для него резиденции в Каире – отеле «Хилтон» после его беседы с Садатом, но это будет около полуночи. Ответил согласием – для дипломатов время суток не имеет значения.

К этому времени Киссинджера повсюду превозносили за «успехи» в его посредничестве, сравнивали с Меттернихом. Видимо, ему это нравилось, и встреча с совпослом была задумана лишь для вида, для сообщения в печати, создания впечатления о «совместных действиях».

Киссинджер в беседе ничего не рассказал о своих переговорах с египтянами, «современный Меттерних», совсем недипломатично ковыряя пальцем в зубах после обеда, пустился в общие рассуждения о необходимости советско-американского сотрудничества на Ближнем Востоке, согласованности в соответствии с договоренностями и т.д. Выждав, когда Киссинджер сделает паузу, вытрет пальцы, спросил его: как же сочетать эти правильные рассуждения с подменой выполнения решений ООН, выработанных в советско-американских консультациях, в частности, резолюций 338 и 339, «соглашением на 101 км», отдающим решение всех вопросов фактически на усмотрение одной стороны – Израиля? Где же здесь сотрудничество с Советским Союзом, о необходимости которого говорил только что госсекретарь? И вообще, что это за «соглашение на 101 км»?

Киссинджер прекратил сосать палец, внимательно посмотрел на меня, переглянулся с присутствовавшим помощником Сиско и... вильнул. «Это все выдумал Сиско, – махнул он рукой, – с него и спрашивайте, я в этом ничего не понимаю». Сиско зажмурился от удовольствия...

В последовавшие дни много пришлось работать над уточнением вопросов в связи с созывом международной мирной конференции по Ближнему Востоку в Женеве, на которой будут сопредседатели от СССР и США. Меня назначали советским сопредседателем.

IV

Созыв мирной конференции по Ближнему Востоку был нелегким делом. Каждый вопрос: о предмете переговоров, об участниках, порядке времени – приобрел вполне определенное и важное политическое звучание. Положения о конференции разрабатывались в переговорах между Москвой и Вашингтоном с участием генерального секретаря ООН, затем достигнутая договоренность передавалась в Каир для согласования с египтянами. Здесь советский и американский послы должны были представить совместную позицию министру иностранных дел Фахми, и, разумеется, отстаивать ее, хотя часто она была результатом советско-американского компромисса. Иногда американская сторона информировала египтян не о согласованном в результате переговоров советско-американском мнении, а о своем первоначальном варианте, выдвинутом перед нами в Москве или Вашингтоне, которое было нами не принято. Египтяне соглашались с американцами, тогда американцы, ссылаясь уже якобы на «требования» египтян, ставили перед нами вопрос о пересмотре согласованной позиции. Такие уловки американцев приходилось разоблачать. Неприятно было отмечать, что новый министр иностранных дел

Фахми, повесив у себя дома большую фотографию, изображавшую его с самодовольным видом вместе с Никсоном в Белом доме, в вопросах подготовки конференции явно сотрудничал с американцами, а не с нами. Угодливости Фахми перед американцами, казалось, не было предела. Во время недавних военных действий все было по-другому.

Наиболее разительное изменение поведения египтян произошло по вопросу об участии в конференции палестинцев. Сердцевину ближневосточного конфликта, как известно, составляет судьба арабского народа Палестины, насильственно лишенного своей родины. У арабов я слышал поговорку: «Арабам невозможно вести успешную войну без Египта, но мир нельзя установить без палестинцев». Советский Союз всегда исходил из того, что палестинцы непременно должны участвовать в конференции. Израиль, где вообще нарочито закрывают глаза на существование арабского народа Палестины, конечно, возражал против этого, и США были склонны поддержать Израиль. Поскольку к этому времени арабские государства еще не приняли решения (к которому они закономерно пришли впоследствии) о том, что Организация Освобождения Палестины является единственным законным представителем палестинского народа, в согласованном в результате переговоров документе о конференции было указано, что представители палестинского народа примут участие в конференции в соответствующее время. Египтяне согласились с нами. Затем под давлением США они начали требовать другой формулировки, которую, как они говорили, согласовали с американцами: «вопрос о времени участия палестинцев в конференции будет обсужден на первой стадии работы конференции». Эта формулировка была в общем приемлема и для палестинцев и, следовательно, для нас. Американцы на этом не успокоились.

Однажды меня пригласил к себе Фахми, у него уже сидел американский посол Эйлтс. Это было не совсем вежливо со стороны Фахми – не предупредить, а главное, не спросить предварительно моего согласия на такую тройственную встречу.

Фахми передал мне бумагу с текстом, напечатанным, как я заметил, в посольстве США, сказав, что это новая египетская формулировка, с которой США согласны. Я прочел: «Вопрос об участии палестинцев будет обсужден на первой стадии работы

конференции». Это уже было совсем другое – другая песня, другое содержание. Предыдущие формулировки говорили об участии палестинцев, как факте, который не ставится под сомнение. Новая формулировка вносила полную неопределенность, будут ли иметь право участвовать палестинцы или нет. (В дальнейшем появилась еще менее определенная формулировка, где вообще не упоминаются палестинцы: «Вопрос об участии других представителей стран района будет обсужден на первой стадии работы конференции»).

Я сказал, что новая формулировка меняет суть дела, и с ней я согласиться не могу. Мне важно, прежде всего, знать, подчеркнул я, как к этому относятся сами палестинцы.

Фахми начал горячо утверждать, что эту формулировку он лично согласовал с палестинцами и со всеми другими участниками конференции. Это был последний вопрос, из-за которого задерживалась рассылка официального приглашения стран для участия в конференции. (Позднее палестинцы говорили мне, что никакого согласования с ними египтяне не проводили).

Открытие конференции было назначено на 21 декабря 1973 г. Место – Женева, Дворец Наций. Приглашенные – участники конфликта: Египет, Сирия, Иордания, Израиль. Сопредседатели – СССР и США. Конференция проводится под эгидой Организации Объединенных Наций, которая оказывает содействие в организационной и материальной стороне конференции.

Накануне моего отлета из Каира поступило неожиданное известие о том, что Сирия отказывается участвовать в конференции. Это случилось сразу же после посещения Киссинджером Дамаска. Фахми отнесся к этому известию на удивление безразлично. Я часто задавался мыслью, как могло так случиться, и в этой связи почему-то часто вспоминалось, что Киссинджер несколько раз (одним и тем же лицам) рассказывал юмористически, как президент Сирии Асад, не объясняя якобы причин, внезапно в беседе с ним сказал, что Сирия не будет участвовать в конференции. Своего отношения к этому сообщению Киссинджер не излагал, во всяком случае, не порицал сирийцев, видимо, был доволен.

19 декабря мы вылетели из Каира в Женеву на самолете египетской авиакомпании, куда пригласил меня Фахми, направлявшийся со всей египетской делегацией и кучей иностранных кор-

респондентов, временно переаккредитовавшихся из Каира в Женеву.

На аэродроме в Женеве бросились в глаза необычайно строжайшие меры безопасности: военные патрули, сотни полицейских, бронетранспортеры, пулеметы, оцепления, особые пропуска. В этот же день в Женеву прилетел министр иностранных дел СССР А.А. Громыко. Позднее прибыли генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм, госсекретарь США Г. Киссинджер, министр иностранных дел Израиля Абба Эбан, премьер-министр Иордании З. Рифаи.

Вечером следующего дня встретились с Киссинджером. У того – «план». Поскольку в Израиле 31 декабря выборы в парламент и до сформирования нового правительства израильтянам будет «трудно» вести переговоры, то конференцию можно было бы открыть 21-го декабря, а 22-го декабря всем разъехаться; сопредседатели (послы Виноградов и американец Банкер) вернутся в Женеву 7 января, и конференция могла бы возобновить работу 15 января.

А.А. Громыко возразил Киссинджеру: мы собрались в Женеве не для церемонии, сказал он, а для работы, конференция не должна прерывать свою работу, она должна идти, если не на пленарных заседаниях, то в рабочих группах. Одним словом, политически и юридически конференция должна вести свою работу. Киссинджер нехотя согласился. Как мы увидим позднее, это оказалось уловкой.

Наступило 21 декабря – день открытия конференции, день исторический – впервые собралась столь представительная международная конференция, она может привести к миру на Ближнем Востоке. Очень этого хотелось, ведь обстановка, как никогда, благоприятствовала: арабы и израильтяне встретились, наконец, за столом переговоров, хотя, может быть, и представляли себе их итоги по-разному. Но эта трудность в принципе преодолима, если имеется желание достичь мира, т.е., следовательно, соглашения, достижению его ведь можно помочь, в этом одна из задач сопредседателей. На всех участниках конференции лежит громадная историческая ответственность, нельзя упускать возможности использовать этот шанс. Все ли участники конференции думают так же, как советские представители? Все ли они хотят придти в результате конференции к справедливому миру? Настораживают некоторые действия США и поведение Египта.

Утром до открытия заседаний пришел Вальдхайм, с ним мы обсудили и договорились о двух вариантах круговой рассадки участников конференции в зале заседаний. Первый – алфавитный: в середине – генеральный секретарь ООН, по правую руку от него СССР, по левую – США, далее по часовой стрелке от США – Сирия, Израиль, Иордания, Египет. Второй вариант – скорее политический: по часовой стрелке от США – Израиль, Иордания, Сирия, Египет.

Охрана с автоматами даже на крышах Дворца Наций, в залах уже гудят журналисты, представители других стран. Все, что происходит, идет напрямую по телевидение на весь мир. Эти передачи смотрят в Каире и Тель-Авиве, Москве и Вашингтоне, Дамаске и Аммане, Бейруте и Лондоне, Париже и Токио – почти везде. Ждут открытия конференции.

Внезапно в комнату, отведенную для советской делегации, входит Вальдхайм. У него проблема с рассадкой: иорданцы отказывается сидеть рядом с израильтянами, так как с другой стороны будут пустые места, отведенные сирийцам, которые не прибыли. При другом варианте израильтяне не соглашаются на пустые места справа от них... «Есть еще предложение, – мнется Вальдхайм, – от генерального секретаря ООН по часовой стрелке – Израиль, СССР, Сирия, Иордания, США, Египет». Это пожелание американцев.

А.А. Громыко отвечает: «Мы не малые дети, согласны (и уже с шуткой в глазах), только поменяем местами сопредседателей».

Тогда порядок будет такой: генсек ООН, Израиль, США, Сирия, Иордания, СССР, Египет. Вальдхайм радостно соглашается, быстро уходит. Через несколько минут влетает бледный и взволнованный Киссинджер, за ним Вальдхайм, в руке бумажка со схемой рассадки. Киссинджер каким-то дрожащим басом обращается к А.А. Громыко: США очень-очень просят советскую делегацию поменяться с делегацией США местами, иначе получается одна сторона вроде бы чисто израильская (Израиль, США); в глазах у госсекретаря мольба, как будто невесть какое важное дело решается.

А.А. Громыко нарочито громким голосом говорит, чтобы все слышали, хотя и так заметно, что он шутит: «Прошу Генерального секретаря ООН официально констатировать факт, что США отказываются сидеть рядом е Израилем».

В зале взрыв смеха.

«А нам все равно, мы приехали сюда не в игрушки играть», – добавляет А.А. Громыко под аплодисменты присутствующих. Вальдхайм вытирает пот со лба, Киссинджер краснеет, натянуто смеется, благодарит А.А. Громыко.

Направляемся в зал заседаний. Вальдхайму, кстати говоря, сегодня 55 лет. «Какое совпадение, – говорит он, – неужели сегодня будет исторический день, который начнет строить мир на Ближнем Востоке?» Все входят в зал – под лучи прожекторов и объективы теле-, кино- и фотокамер.

Рассаживаемся. У каждой делегации столик на три человека, сзади стулья для советников. Напротив нас делегация США, справа делегация Израиля, слева места для делегации Сирии.

Конференцию открыл кратким приветственным словом Вальдхайм. Затем слово взял А.А. Громыко.

Речь советского министра иностранных дел содержала объективную оценку положения, сложившегося на Ближнем Востоке, призывала к справедливому решению накопившихся проблем, создавала уверенное впечатление о готовности Советского Союза самым деловым образом сотрудничать на конференции со всеми с целью вывести, наконец, народы и страны Ближнего Востока из полосы военных конфликтов к прочному миру. Выступление А.А. Громыко понравилось всем, это была речь представителя социалистического государства, с ответственностью, присущей великой державе, относящегося к вопросам войны и мира.

Последовавшее выступление Киссинджера мало кого удовлетворило: общие слова о мире и еврейские и арабские пословицы с ужасным произношением на еврейском и арабском языках.

Выступили с общими речами Фахми и Эбан, после чего возникла небольшая перепалка – Фахми резко, явно играя на публику, ответил Эбану.

На следующий день на закрытом заседании конференции было решено создать Военную рабочую группу (ВРГ), которая немедленно займется вопросом разъединения войск на египетско-

израильском фронте. Вальдхайм объявляет на конференции перерыв в работе.

К нашей делегации подходит Киссинджер с послом Банкером – американским сопредседателем конференции. Банкеру за 80 лет, высокий, худощавый, подтянутый.

«Вы знаете, почему мы назначили посла Банкера американским сопредседателем? – спрашивает Киссинджер А.А. Громыко и сам отвечает, – потому что Банкер ни одни переговоры не проводит быстрее, чем в 8 лет!» И довольный собой, смеется. Это ссылка на то, что Банкер был формально руководителем американской делегации на многолетних американо-панамских переговорах о статусе Панамского канала и, следовательно, правах американцев в этом государстве. Мне почудился намек в том, что было сказано Киссинджером.

Киссинджер спросил: «Итак, Виноградов остается в Женеве?»

А.А. Громыко ответил, что да, остается, поскольку, как договорились, конференция продолжается.

Киссинджер сделал плаксивое лицо и сказал, что у Элсворта (Банкера) есть дети и внуки, с которыми он хотел бы встретить Рождество, поэтому он вылетит в США «на пару дней» и 26-го, самое позднее 27-го декабря, вернется в Женеву. Это обещание выглядело деловым. До сих пор в жизни не приходилось встречать американца, нарушившего свое слово, хотя бы в том, что касается дат, сроков, времени, поэтому это сообщение Киссинджера воспринимается спокойно.

На следующий день Банкер пригласил нас на завтрак. Присутствовавший чиновник госдепартамента Стернер начал осторожно развивать «оригинальную» концепцию возможного дальнейшего хода конференции. Египтяне, утверждал он, не хотят, чтобы сопредседатели или их представители участвовали в работе Военной рабочей группы, поэтому нужно «работать за кулисами». Банкер осторожно бросил мысль: а не были бы целесообразными большие перерывы в переговорах «для охлаждения страстей» сторон.

Существо американских идей мы схватили быстро: не согласимся ли мы вести дело годами к частичным решениям (т.е. не всеобъемлющего характера) путем двусторонних переговоров арабских стран в Женеве без участия сопредседателей, вернее,

Советского Союза, поскольку США всегда будут за кулисами Израиля и, как мы уже видели, египетской делегации. Вся идея международной конференции, таким образом, фактически начисто искажалась.

Мы, естественно, энергично возразили, показав опасность предлагаемого пути: он не приведет к миру на Ближнем Востоке, ставит арабские государства в худшее положение в отношении Израиля.

Вечером того же дня А.А. Громыко встретился с Фахми. На основе нашей информации о беседе с Банкером и Стернером он прямо спросил у Фахми о его мнении относительно дальнейшей работы конференции, в частности, о роли сопредседателей. Ответы Фахми напоминали известную детскую игру: «Да и нет не говорить, черное и белое не упоминать и т.д.». Полчаса он извивался, не сказав ничего определенного, браня переводчиков за якобы «неточную» передачу его, Фахми, мыслей. А мы еще более укрепились в мысли о наличии сговора египтян с американцами.

Еще более ясным это стало через день после отлета А.А. Громыко из Женевы. Утром этого дня ко мне пришел Стернер, он показал свою записную книжку, где якобы записана формулировка египтян: «Не против участия Советского Союза». Вот, видите, горячился Стернер, здесь ведь не записано «За участие Советского Союза». Стернеру пришлось дать хорошую отповедь.

Спросил у заместителя египетского министра иностранных дел Риада, правда ли то, что говорит Стернер. Тот взорвался: «Американцы – обманщики, а Стернер – провокатор!» Вечером меня пригласил к себе на ужин Фахми, весь излучавший напускное расположение. Обильно угощая, он постепенно все более открыто выражал свои «идеи»: Советскому Союзу не следует настаивать на своем участии в переговорах; никаких вопросов без его, Фахми, согласия не следует поднимать, не ставить проблем и т.д. Вот так. А в разговоре с А.А. Громыко накануне он решительно отрицал все то, что он сейчас проповедует!

Пришлось сказать Фахми, что у меня есть свои руководители, у нас есть свои мысли и концепции. Жалко только, что египтяне во многих вопросах, в которых ранее была ясность, идут сейчас в другую сторону, которая к хорошему для интересов Египта, палестинцев и всех арабов не приведет.

Последовавшие события подтвердили наши предположения. Переговоры в ВРГ не двигались с места, а затем египтянами, американцами и израильтянами вообще были перенесены из Женевы. Уехали все делегации, кроме нашей.

Перед отлетом ко мне зашла попрощаться и делегация Израиля во главе с послом Эвроном – их также отзывало правительство из Женевы. Израильтяне сообщили, что интерес в Израиле к конференции поначалу был громадный, все сидели у телевизоров. У многих раскрылись глаза, когда они сами услышали выступление советского министра иностранных дел, это была справедливая, антивоенная позиция, за мир в регионе.

Говорили долго и непринужденно, мы пытались внушить нашим собеседникам мысль, что надо делать подлинный мир, пока есть для этого благоприятные условия. Израильские делегаты соглашались, что без участия и помощи Советского Союза установление мира на Ближнем Востоке немыслимо.

Перед уходом Эврон доверительно спросил: понимают ли египтяне, что именно Советский Союз спас их от поражения в последние дни Октябрьской войны?

Я внутренне вздрогнул: значит, израильтяне правильно оценивали ситуацию и роль нашей страны и ее решительной позиции!

...Банкер, увы, не прибыл 26 декабря в Женеву. Он прилетел почти... через месяц – 21 января, через несколько дней снова улетел, сообщив, что прибудет не ранее второй половины февраля (!). Вот и слово делового американца!

А затем Египет и Израиль подписали известное соглашение о «разъединении войск», но не на конференции, а вне ее. Начало сепаратным сделкам Египта с США и Израилем было положено. Общеарабское дело Египтом было забыто, как и недавний главный союзник – Сирия, на интересы палестинцев египтяне вообще махнули рукой. Помню встретившееся в печати заявление палестинцев: египтяне помогают США взобраться на Ближний Восток! Опять поразило совпадение мыслей.

* * *

Цепочка событий началась давно – со смертью Насера. С приходом Садата к власти начались крупные изменения во внутренней жизни – отход от насеризма, а во внешней политике – завязывание интенсивных контактов втайне от своего народа с США, курс на отход от сотрудничества с Советским Союзом, другими социалистическими и прогрессивными государствами. Октябрьская война 1973 г. была задумана не как шаг к освобождению оккупированных территорий и справедливому миру на Ближнем Востоке, а как способ для проникновения США вновь на Ближний Восток, но под маской миротворцев, «честных брокеров». Неожиданно блестящие для египетских вооруженных сил военные результаты: высокое качество вооружения в сочетании с хорошей подготовкой войск и моральным духом (во что не верил Садат) чуть не привели к настоящему поражению Израиля, во всяком случае, не в «запланированных» заранее размерах. Небольшое, так сказать, «контролируемое», поражение израильтян было нужно американцам, чтобы выглядеть «спасителями» Израиля, но и нужна была тяжелая ситуация для Египта, чтобы американцы могли выполнить аналогичную роль в отношении и этой страны. Этой двойной цели послужил казавшийся тогда странным прорыв израильских войск через Суэцкий канал на африканскую территорию Египта в 100 км от Каира. Этот израильский прорыв был и своего рода наказанием Египта за излишнюю ретивость его вооруженных сил, явно «перевыполнивших», так сказать, «свое задание». Так жертвовали людскими жизнями в политической игре.

Созыв международной мирной конференции по Ближнему Востоку поэтому явился большой победой миролюбивых сил, в первую очередь советской дипломатии, дипломатии мира. Международный авторитет Советского Союза значительно вырос.

В результате Октябрьской войны 1973 г. объективно сложились наиболее благоприятные условия для всеобъемлющего и всеобщего мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Существовали вполне реальные шансы на то, что в этом районе мог бы быть установлен подлинный, справедливый для всех государств региона и гарантированный мир. Тогда бы этот регион перестал быть объектом военной и политической эксплуатации со стороны империалистических сил. Поэтому такой мир не устраивал США.

Американская дипломатия с помощью Садата – а без Египта всеобъемлющее ближневосточное урегулирование, естественно, невозможно – в нарушение взятых Соединенными Штатами на себя обязательств пыталась повернуть Женевскую конференцию на выгодный для себя путь прикрытия своих замыслов на Ближнем Востоке. Никогда еще так ясно не раскрывалось двойное лицо американской дипломатии, ее двурушнические приемы.

Эти попытки были сорваны Советским Союзом. США и пособники их дела предстали перед всем миром в своем подлинном обличии.

Заключение позднее так называемых «кэмп-дэвидских» соглашений, означавших венец сепаратистской проамериканской политики Садата, повело к событиям, приведшим и к трагическому концу самого Садата.

Конец любого старого явления означает начало нового. Египетский народ в полной мере ощутил пагубные результаты политики следования проамериканским курсом, как в области внутренней экономики, так и в отношениях с другими государствами, особенно арабскими. Этот неунывающий при любых обстоятельствах, добрый народ найдет в себе силы выйти на правильную дорогу независимого существования, ведущую к прогрессу.

В это верят все искренние друзья Египта. В обновленный, умудренный недавним горьким опытом Египет.

МУХАММЕД АНВАР САДАТ

Штрихи к портрету

Как-то на досуге я подсчитал, что за время работы в Египте мне в разных обстоятельствах пришлось встречаться и беседовать с Садатом, пожалуй, примерно две сотни раз. Товарищи посоветовали оставить впечатления на бумаге. Не потому, что Садат великий деятель, а поскольку он стоит у власти в крупнейшем арабском государстве в очень сложный период его истории. И еще потому, что наши связи с Египтом не то что большие – они просто громадные и всепроникающие, и в наших отношениях с Египтом за последние годы, после смерти Насера, произошли большие события. А во всяких такого рода событиях роль личностей, как известно, велика, тем более в стране с авторитарным режимом, какой является Египет. Понимание же личности правителя дает иногда определенное объяснение и поведению его, и политики, которая, как формально считается, проводится государством, а на самом деле представляет собою решения его президента – часто сугубо личные, окрашенные в тона, соответствующие его характеру; решения, основывающиеся, конечно, на общих закономерностях развития страны и движения истории. Вот почему иногда бывает полезно, помимо изучения общих закономерностей развития общества, и особенно в конкретном применении к той или иной стране, заглянуть в тайники личности отдельных деятелей – тех, от которых часто зависят судьбы народов. Разумеется, в такие «тайники», которые доступны. В этом иногда ценность личных наблюдений.

I

Биография президента Садата известна и ее, разумеется, я касаться не буду. Президентом страны Садат стал после смерти Насера в самые последние дни сентября 1970 года. В дни, предшествовавшие смерти Насера, он являлся вице-президентом, единственным вице-президентом, и это обстоятельство сыграло, пожалуй, решающую роль в том, что президентом страны стал именно он.

Внезапная смерть Насера немедленно выдвинула первоочередную проблему – кто будет президентом страны. По египетской конституции в таком случае вице-президент становится временным президентом на 6 месяцев. При нормальном ходе событий вроде бы логично, что на место президента должен заступить наиболее близкий к этому посту по своему государственному положению человек. Но такова уж была личность Садата, что сразу же после смерти Насера в руководящих кругах страны начались обсуждения вопроса о том, кому быть президентом, поскольку первоначально мысль о том, что Садат станет президентом, казалась многим (если не большинству) видным политическим деятелям страны нелепой. Заявили о своем желании или готовности взять бразды правления такие деятели, как Закария Мохиэддин – в прошлом видный политический деятель капиталистического толка, с ясным умом и целями, опытный на государственном поприще; Хусейн Шафии – один из первоначальных членов комитета «Свободных офицеров» и в этом смысле соратник Насера по революции, но деятель слаборазвитый в политическом мышлении, с ограниченными взглядами, интересующийся, главным образом, исламом, с большими амбициями. Думал о президентском кресле Али Сабри – один из тех, кто был близок к Насеру, образованный, хорошо развитый, происходящий из богатой семьи, но тем не менее выступающий за прогрессивное развитие Египта и укрепление отношений с Советским Союзом. И конечно, не меньше всех рассчитывал стать президентом единственный вице-президент страны, получивший этот пост не так уж давно, можно сказать, вроде бы случайно, по прихоти очередной «перестановки кадров», так часто проводимой Насером.

Внутренняя борьба за власть могла привести к печальным последствиям для страны. В то время, как тело Насера ожидало погребения, среди руководящих деятелей уже шли споры, каким образом решить президентский кризис. Я в то время был в Каире в составе советской делегации на похоронах Насера. Вопрос о том,

кому перейдет власть в Каире, конечно, интересовал и нас, поскольку от того, как будет он решен, зависело многое, даже очень многое в судьбе дальнейшего развития Египта, курса его политики, отношений с Советским Союзом, которые, конечно, были весьма существенны как для самого Египта, так и для Советского союза.

Разумеется, мы никоим образом не вмешивались в эти внутреннее дела египтян, но до нас доносились, так сказать, отголоски битвы за власть, поступала об этом информация, иногда даже из бесед с иностранными государственными деятелями, прибывшими в Каир на похороны. Эту тему, в частности, затрагивали в беседах с А.Н. Косыгиным и тогдашний президент Сирии Атаси, и президент Алжира Бумедьен, и председатель революционного совета Судана Нимейри. Беспокойство у Нимейри тем, как бы в Египте к власти не пришел правый деятель, было настолько велико, что он с характерным для него в то время простодушием и доверием советовал, чтобы А.Н. Косыгин «собрал бы вместе всех египетских деятелей, с участием Нимейри, и предложил, кому надо быть президентом». Иначе, по опасениям Нимейри, египетские деятели могут пойти вразброд или избрать реакционного президента. Для Судана же отношения с Египтом представляют собой первостепенную важность.

Как нам стало известным позднее, компромисс предложил Азиз Сидки, видный, в основном на экономическом поприще, государственный деятель, сторонник развития сотрудничества с Советским Союзом. Он выдвинул идею занятия поста президента человеком, чье назначение будет выглядеть наиболее логичным хотя бы с формальной точки зрения. Этот своего рода компромисс должен был хотя бы на время утихомирить страсти, не позволить создать впечатление о политических сдвигах в Египте. Такой принцип был принят, и не трудно догадаться, что подходящей кандидатурой поэтому принципу был только Садат как вице-президент, формально взявший, хотя бы и временно, власть в свои руки. Об этом решении Садат сообщил нам с большим, конечно, удовольствием. Одновременно со своим назначением он уже своей властью предоставил посты вице-президента Шафии и Али Сабри. Шафии потому, что тот претендовал если не на президентское кресло, то на пост премьер-министра, к чему был совершенно непоходящ, а Али Сабри для того, чтобы сгладить остроту противоречий с ним, которые однако вскоре проявились с таким драматическим исходом для самого Али Сабри. Пост премьер-министра, который занимал сам Насер, Садат отдал Махмуду Фавзи – старейшему и опытнейшему государственному деятелю буржуазного толка. Таким образом, временно вроде бы были удовлетворены практически все силы, которые претендовали на власть в стране, кроме откровенно правых типа Закария Мохиэддина: праворелигиозные круги, ветераны офицерского движения – назначением Шафии, крупная египетская буржуазия – назначением Фавзи, и более прогрессивная часть насеристов – назначением Али Сабри. Было объявлено, что Садат займет пост президента временно, до проведения всенародного референдума. Это решение отражало неуверенность в позициях самого Садата и было, вероятно, компромиссом, с которым согласились те, кто претендовал на этот пост. Ведь можно было объявить президентом Садата автоматически, как занимающего пост вице-президента, можно было при этом и оставить за ним этот пост на долгое время, не только на шесть лет, как это следует из конституции, а до разрешения конфликта с Израилем – ведь Насеру был дарован именно этот срок. Садат был назначен президентом временно, и он постарался в дальнейшем отплатить тем, кто, наверно, громче всего настаивал на «временном» его назначении.

Спустя некоторое время, уже в декабре 1970 года, когда Садат несколько освоился со своим новым положением и сумел привлечь на свою сторону ряд видных, занимающих крупные посты насеристов (Гомаа, Мохаммед Фавзи, Сами Шараф), он решился на проведение всенародного референдума. С помощью широкого политического аппарата, возглавлявшегося секретарем ЦК АСС Шаарави Гомаа и при активном участии полицейского аппарата, руководимого тем же самым Гомаа, Садат подавляющим большинством голосов был избран президентом республики на шестилетний срок. Али Сабри получил обещание называться «первым вице-президентом», что немедленно вызвало ревнивую реакцию со стороны Шафии, который стал упорно и самозванно именовать первым вице-президентом себя.

На вершину власти, которая по существу является диктаторской в силу традиций в Египте, тянущихся быть может с фараоно-

вых времен, Садат взошел с помощью вполне определенной группы государственных и политических деятелей, назначенных в свое время Насером, которые занимали все ключевые посты в государственной жизни. Это были Шаарави Гомаа – секретарь ЦК АСС, заместитель премьер-министра и министр внутренних дел, Мохаммед Фавзи – военный министр, Сами Шараф – формально начальник канцелярии президентства, на самом же деле человек, в руки которого сходились все данные военной .и политической разведки, Мухаммед Фаек – министр информации, человек, который держал в своем подчинении печать и радио, Лябиб Щукейр – председатель Народного собрания – законодательного органа страны, Абу Нур – бывший в то время секретарем АСС Каира и ставший затем первым секретарем ЦК АСС, и многие другие. Однако пока еще существовал созданный Насером Высший исполнительный комитет АСС – своего рода совещательный орган при президенте, куда входили все вышеперечисленные, а также и другие деятели. Власть, как чувствовал Садат, не была полной.

Он правильно полагал, что Шафии не представляет собой реального соперника – слишком очевидны были недостатки этого деятеля, и ни на кого по серьезному он не мог опираться. Другое дело Али Сабри, тот придавал, например, большое значение тому, что его Садат первоначально назвал «первым» вице-президентом. Это, по его словам, имело немаловажное значение – «если что-нибудь» произойдет с Садатом. Опытное политическое чутье не обманывало Садата, и он решил быть крайне осторожным.

Во время похорон Насера произошел странный случай. Когда, кое-как организовавшись, процессия, состоявшая из многочисленных иностранных представителей – глав государств, премьер-министров, а также виднейших египетских деятелей, тронулась было в путь под палящим солнцем из помещения бывшего штаба революционного командования в Гезире в направлении места захоронения – в мечеть в Гелиополисе, через некоторое время напротив движения процессии из ее передних рядов показалась другая своего рода «процессия». На кресле несли человека, безвольно откинувшегося, с болтающимися как-то безжизненно ногами. Люди, несшие кресло, торопились, они буквально пробивались через толпу против ее движения. Они несли Садата. Мне показалось все это странным и конечно же необычным: что-то случилось. Но что? Через некоторое время я увидел, как из людского месива, в которое быстро превратилась процессия, не успев выйти даже за пределы небольшого парка, где находился ее отправной пункт, навстречу идет А.Н. Косыгин – ведь все смешалось, о каком-нибудь порядке и речи не было. Почти все иностранные гости были вынуждены покинуть процессию, а за гробом Насера бурлила и неслась неуправляемая толпа...

Я рассказал Алексею Николаевичу о том, что видел Садата в кресле и высказал мысль о том, что надо было бы поинтересоваться, не произошло ли чего-либо серьезного, во всяком случае, выразить сочувствие.

Египетские официальные лица в ответ на наш расспросы сначала отвечали, что якобы ничего не знают, затем сказали «по секрету», что с Садатом плохо и к нему нельзя. Начинала складываться мысль, не происходит ли что-нибудь более серьезное. Наконец, после долгих препирательств египтяне разрешили Алексею Николаевичу лишь с одним переводчиком пройти в одну из комнат помещения. Там на двух койках рядом лежали два человека – Садат и Али Сабри. Оказывается, Сабри стало плохо еще раньше. Когда доложили об этом Садату, тому также стало «плохо», и его принесли в ту же комнату. Оба лежали, по свидетельству очевидцев, однако в неплохом виде, но стонали, как бы соревнуясь друг с другом. Врачи объяснили, что им обоим стало плохо из-за нервной перегрузки. Кто знает, может быть и так, хотя, откровенно говоря, уже тогда у нас появились сомнения в этом.

Позднее же пришла в голову другая мысль, рожденная теми событиями, которым суждено было случиться в Египте в дальнейшей борьбе за власть. Вполне могло статься, что, узнав о «болезни» Али Сабри, Садат мог подумать, не затевает ли тот что-нибудь такого, в результате чего после похорон президентом окажется не он, Садат, а его самый вероятный соперник, Али Сабри. Вот Садату и сделалось «дурно», он поспешил быть рядом, чтобы не упускать Али Сабри из виду. Так или иначе, но похороны Насера прошли без Садата, без Али Сабри и многих других деятелей. До могилы его проводили из числа видных деятелей Закария Мохиэддин, Шафии, Нимейри и молодой фанатик – ливийский руководитель полковник Каддафи. Они смогли устоять в невероятной давке в многотысячной толпе, выдержать весь многокилометро-

вый путь по раскаленным каирским улицам. Впрочем, позднее в народе ходили слухи, что, дескать, Насер и не был похоронен в той мечети, в которую опускали на виду у всех гроб...

Улеглись волнения, связанные со смертью Насера, Садат был избран законным президентом, казалось, все в порядке. Но Садата окружала группа, оставшаяся с насеровских времен, группа, реально держащая власть, хотя и лояльная к Садату. Вскоре стало очевидным, что эта группа насеристов вполне резонно захотела, чтобы президент прислушивался к их мнению, во всяком случае, не ставил себя над ними. Они претендовали как бы на коллективное руководство, исходя прежде всего из того, что хорошо знали личные качества и политические амбиции Садата. Первоначально они полагали, что Садат будет считаться с их мнением и не только потому, что все они занимали видные государственные и общественные посты и каждый имел большую ответственность за свой участок, а и потому, что хотели видеть Садата единомышленником в идейном плане, во всяком случае в том, что касается разрешения арабо-израильского конфликта и отношений к США и Советскому Союзу.

Эта группа государственных деятелей исходила из того, что Соединенные Штаты представляют собой главного врага египетского национализма и что конечная цель американской политики отстоит не в том, чтобы помочь Израилю удерживать захваченные арабские земли. Цель состоит в том, чтобы изменить внутренний строй в передовых арабских странах, повернуть их на путь чисто капиталистического развития, при котором Египет и другие арабские страны, внешне оставаясь независимыми, однако по существу в экономическом и политическом, а следовательно, в потенции и в военном плане, станут своего рода придатком мировой капиталистической системы, т.е. США. Эта перспектива, конечно, противоречила идеологическим устремлениям египетских националистов, окружавших Насера, не говоря уже о том, что поворот с пути, по которому Насер повел Египет после революции, означал бы приход к реальной и формальной власти в Египте других лиц, т.е. грозил бы их собственному положению. И более всего они опасались непоследовательности, неустойчивости нового президента. Опасались потому, что слишком хорошо его знали.

С первых дней все эти люди стали честно служить новому президенту, свою задачу они видели в том, чтобы быть как можно теснее вместе с президентом, увлечь его за собой, не дать возможности проникнуть вредному влиянию «со стороны», связать его новыми шагами в политике в насеровском направлении.

Вскоре, однако, они убедились в неэффективности этой линии. Все чаще происходили случаи, когда Садат единолично принимал важнейшие решения, не только не советуясь со своими, казалось бы, вернейшими друзьями по политическому курсу, но даже и не ставил их в известность о том, что он собирается делать. О многих решениях им приходилось узнавать из речей президента на заседаниях Народного собрания или по радио. Так было, например, с объявлением 1971 года «решающим годом» в арабо-израильском конфликте. За этим решением, как оказалось, ничего не стояло, кроме пустой амбиции самого президента. Так было дело с так называемой «инициативой Садата» в феврале 1971 года, когда он предложил в «обмен» за открытие Суэцкого канала отвод израильских войск на некоторое расстояние вглубь Синая. Или, например, с принятием предложения американцев о так называемых «переговорах вблизи» в Нью-Йорке, т.е. прямых египетско-израильских переговорах при американском посредничестве. Иногда некоторым деятелям из окружения Садата удавалось «схватить его за руку» буквально в последний момент и заставить поправить речь или даже решение. И тогда все собравшиеся депутаты Народного собрания и иностранные послы томились в ожидании и неведении того, что же происходит, ждали по сорок – сорок пять минут (в это время, как выяснялось позже, люди из окружения Садата «уговаривали» его изменить речь или решение). Конечно, среди послов сразу возникали слухи, строились догадки о том, что происходит. И конечно, многие тут же на заседаниях обращались ко мне, как к советскому послу, дескать, не знаю ли я, что происходит. А откуда же тогда я мог знать (а если бы и знал, то не рассказал бы).

Наиболее опасным в поведении Садата насеристы считали вопросы отношений с США и Советским Союзом. Собственно говоря, эти оба вопроса неразрывно связаны. Они боялась, как бы Садат не пошел на беспринципные уступки США, поскольку знали, что он податлив к лести, тщеславен, привык верить в силу, да

и образованности, и кругозора ему явно не хватает. Они знали, что Садат не совсем дружелюбно относится к Советскому Союзу, он побаивается советского честного подхода к политическим вопросам, советская идеология ему неприемлема, он лишь хочет использовать различия в политике двух великих держав – СССР и США в интересах Египта, так как он понимает эти интересы. Садат – человек, в основном, крестьянской отсталой идеологии, насеристы же – своего рода «разночинцы» египетского толка. Садат – предмет насмешек, острот и анекдотов, главным образом ввиду недостатка образования, насеристы же – люди, если не с отличным образованием, то во всяком случае это «городская интеллигенция», более образованная, в большинстве с университетским образованием.

Особо настораживало насеристов то обстоятельство, что Садат установил личную переписку с американским президентом, не информировал Советский Союз о своих шагах в отношении США, что, как они резонно рассуждали, будет неизбежно вызывать в Советском Союзе недоверие. В вопросе же разрешения ближневосточного конфликта насеристы недвусмысленно выступали за опору на Советский Союз.

Согласие Садата на приезд в Каир государственного секретаря США Роджерса в начале мая 1971 года привело их в смятение. Их опасения относительно возможных шагов Садата в сторону США становились реальностью. К тому времени отношения с большинством государственных деятелей Египта у Садата были уже весьма натянутыми, ввиду скандала с самоличным решением Садата относительно создания Федерации арабских государств в составе Египта, Сирии и Ливии. К тому же условия этой федерации были неряшливо сформулированы, они даже допускали, например, возможность того, что Египтом будет управлять ливийский или сирийский президент! Много непродуманного и неясного было в этих туманных идеях, кое-как наспех положенных на бумагу в виде проекта конституции скоросклеенной федерации. В то время я вспомнил, как президент Насер в феврале 1970 года во время своего так называемого «секретного визита» в Москву излагал появившиеся идеи относительно создания такой федерации, излагал именно в форме идеи, которую надо еще обсудить, о которой надо посоветоваться. Насеру было высказано

дружественное мнение советского руководства о том, что следует быть особо осмотрительным в такого рода вещах, затрагивающих не только жизнь отдельных людей, но существование государств, тщательно взвесить, насколько своевременным может быть такой шаг, не приведет ли он вместо укрепления единства к трениям. При этом приводился богатый опыт Советского Союза по решению национального вопроса, и т.д. Насер не настаивал на создании федерации, он положил идею под сукно, откуда ее вытащил Садат. Федерация была скоропалительно создана. Ее дальнейшая судьба оказалась такой, как мы и предугадывали.

Скандал с созданием федерации еле удалось потушить, однако при этом Садат получил внушительный урок на закрытом заседании ЦК Арабского социалистического союза, где, кроме нескольких его прихвостней, людей, не имеющих веса, остальные опытные деятели выступали с острой критикой Федерации, ее условий и фактически действий президента. Разве могло остаться неотомщенным такое со стороны Садата, обладающего весьма плохим качеством – помнить все обиды?

Предстоявший приезд Роджерса буквально поверг насеристов в смятение. Как ночной кошмар вырисовывалась для них перспектива прямых египетско-израильских переговоров при посредничестве американцев и, следовательно, при полном отстранении Советского Союза. Последствия такого шага они ясно предвидели: американцы воспользовались бы своей возможностью оказывать давление на Израиль и заставили бы его пойти на некоторые уступки для того, чтобы Садат мог «проглотить» то, что будет предложено. Само же дело урегулирования, т.е. вопрос о возврате оккупированных египетских земель, вроде сдвинулось бы с места и с помощью американцев; восстановились бы отношения с США, что привело бы к усилению американского влияния во всех сферах жизни страны. Подняли бы головы представители тех классов и кругов реакции, с которыми так упорно боролся Насер и его сподвижники, произошла бы смена людей на руководящих постах, курс страны неизбежно изменился, расстроились бы отношения с арабскими странами – были бы преданы прогрессивные режимы, друзьями Египта станут реакционеры вроде короля Фейсала…

В своих попытках сорвать визит Роджерса «заговорщики», как их стали называть позднее, были готовы даже на самовольное открытие военных действий против Израиля. Готовы на то, чтобы поставить президента перед свершившимся фактом – ведь в условиях войны Роджерс не решится приехать, а ведение военных действий может быть оправдано – это патриотическое дело, да и победителей не судят. Вообще в своих планах насеристы стремились как можно больше использовать Советский Союз – вплоть до создания ситуации прямой и непосредственной военной конфронтации Советского Союза с США. Именно поэтому они настаивали на как можно большем «советском вовлечении», т.е. увеличении числа советских военных советников, вообще советского военного персонала в Египте.

Как окончилась попытка этой группы государственных и общественных деятелей повлиять на Садата, взять его под свое покровительство или хотя бы быть вместе с ним, особенно тогда, когда он принимает решения, хорошо известно: Садат посадил их в тюрьму на длительные сроки. В мае 1971 года были арестованы: вице-президент Али Сабри (главный соперник, как считал Садат); заместитель премьер-министра, министр внутренних и секретарь ЦК АСС Шаарави Гомаа (он «готовился» на роль премьер-министра, а в дальнейшем и президента); Мухаммед Фавзи – военный министр (честный патриот, добрый и отзывчивый человек, хороший друг Советского Союза); Сами Шараф («начальник» всех разведок и контрразведок); Лябиб Шукейр – председатель Народного собрания (левый деятель марксистского толка); один из самых образованных деятелей – Мухаммед Фаек, министр информации; первый секретарь ЦК АСС Абу Нур – руководитель единственной в стране политической организации, и многие другие деятели. Это были люди на ключевых постах, они фактически руководи жизнью государства и в одно мгновенье оказались за решеткой. Были ли у них в то время намерения устранить Садата? Думаю, что нет. Об этом свидетельствуют хотя бы их действия, предшествовавшие аресту.

Садат решил нанести удар первым, и нанести провокационный удар.

Первоначально он снял с поста вице-президента Али Сабри, известив при этом о своем решении совпосла за три дня. Расчет

состоял в том, чтобы проверить, какова будет реакция Советского Союза: протест или что? Не стоит ли Советский Союз за Али Сабри, как это упорно ему пытались внушить мысль американцы и его местные «друзья»? Если Советский Союз возмутится – доказательства налицо, и – более того – у Садата оказываются руки развязанными в отношении дальнейших контактов с американцами, они будут явно оправданными ввиду такого «нехорошего» поведения Советского Союза. При встрече со мной Садат объяснил свое намерение снять Али Сабри тем, что с ним стало очень трудно работать, он все время перечит президенту. Садат добавил, что информирует о своем решении заранее, поскольку ожидает, что неизбежно появятся слухи о том, что его решение представляет собой недружественный Советскому Союзу жест.

Убедившись, что с советской стороны протестов не последовало (разумеется, их не могло быть, ведь это внутреннее дело Египта, был только совет сохранять единство в руководстве страной), Садат сделал следующий шаг. Он вызвал к себе Гомаа и сказал, что он недоволен им и предлагает тому либо самому подать в отставку, что почетнее, либо он будет вынужден его снять со своего поста. После разговора Гомаа решил сам подать в отставку. Вернувшись от президента, он сообщил о случившемся своим товарищам. В результате ими было принято решение также подать в отставку. Глупое и нелепое решение, если «заговорщики» действительно хотели удаления Садата! Ведь в их руках была армия, полиция, АСС, Народное собрание, молодежные организации, печать, радио и т.д. Или у них был наивный расчет на то, что массовая отставка всех руководящих деятелей вынудит Садата отменить решение о снятии Гомаа или заставит его изменить взятый им курс на единоличное правление, и он согласится быть «вместе со всеми»? Садат же поступил в соответствии со своей логикой – логикой заговорщика, значительную часть своей жизни занимающегося такого рода конспиративными делами. Он понял, что его уступка сейчас плохо обернется для него в будущем. Коллективная отставка обнажила суть вопроса: она означала, что насеристы считали, что им с Садатом не по пути. Раз так, значит и в будущем нечего надеяться на их безропотное послушание, обожание президента и тем более его решений. Даже не находясь у дел, эти люди будут «мутить воду», потому что они известны, потому что

они умны, потому что они авторитетны, в частности, в Советском Союзе, потому что их знают в других странах, особенно арабских. Значит, они ему враги, если не формальные, то духовные. Значит, для того, чтобы править единолично, их нужно изолировать, убрать из общественной и государственной жизни и убрать надежно.

Садат арестовал всех указанных деятелей, к которым пришлось, конечно, присоединить еще много других, состоялся нашумевший процесс при закрытых дверях по обвинению в государственной измене (!!), приговором была смертная казнь, замененная личным решением президента 25-летним тюремным заключением для основных «обвиняемых». Такое «великодушие» президента объясняется, разумеется, не его личными душевными качествами. Видимо, был расчет на то, чтобы не совсем порывать с Советским Союзом, где такая расправа не могла бы остаться незамеченной, ведь игра с Советским Союзом еще входила в планы Садата.

Наконец-то с середины мая 1971 года Мухаммед Анвар Садат приобрел практически всю полноту власти, не только номинально, но и фактически – его больше не окружали лица с влиянием, лица со своим мнением, лица, связанные делами с именем покойного президента Насера. Теперь только оставалось повелевать и смотреть, как выполняются указания. А в апреле 1973 года Садат использовал и последний «резерв» власти: он объявил себя «Верховным правителем», став, таким образом, и по форме над законодательной властью. Пост премьер-министра он также взял себе, а пост председателя Арабского социалистического союза он имел еще ранее, при этом Высший исполнительный комитет АСС он распустил. Теперь все было в его руках, включая титул Верховного главнокомандующего Федерации арабских республик и Верховного главнокомандующего египетскими вооруженными силами.

На этом прервемся, не будем пока продолжать «послужной список» Садата, потому что далее жизнь показала, что в его же собственных интересах иногда отдавать от себя частицу власти – отдавать для того, чтобы подставить под удар другого, на которого можно было бы свалить свои прегрешения в правлении. Он так и поступал: выдвигал людей, которые ему помогали, по разным

мотивам, иногда и по честным патриотическим побуждениям, а затем смещал, поскольку не допускал возможности того, что кто-то будет популярен в стране, где есть всемогущий президент. Иногда смещал для того, чтобы свалить на человека все возможные и невозможные грехи. Часто выдвигал бездарей, полагая, что услужливая бездарь лучше умного, но строптивого. Когда дело проваливалось, бездарь смещался без всякого сожаления, и на него также списывалось все, что можно было списать.

Короткий рассказ о том, как Садат рвался к власти, был необходим для того, чтобы лучше понять эту многогранную натуру, поскольку ничто так не характеризуют любого человека, как его дела.

II

Каково же политическое лицо Садата? Кого он представлял, чьи интересы отражал, кто стоял за ним? Таких вопросов можно задать, конечно, много, и они вполне законны, хотя однозначного ответа на них дать трудно.

Если сказать несколько обобщенно и, следовательно, с допустимыми ошибками в ту или иную сторону, то можно определить политическое лицо Садата как представителя интересов той части националистической буржуазии Египта, которая не имеет больших владений, но имеет кое-что, во всяком случае, познала вкус частной собственности. Она считает частнособственнические отношения само собой разумеющимся делом, более того, тщится быть богаче материально, но не обязательно духовно. Эту часть мелкой, или средней, в зависимости от того, как судить, буржуазии характеризует ограниченность мышления, она с завистью смотрит на сильных мира сего в западных странах. Ей инстинктивно чужды социалистические идеалы, поскольку социалистические принципы проводят четкую грань между классами общества, а для таких мелких буржуа, как Садат, классов ведь не существует, во всяком случае, их нет в Египте. Может быть, там, где-то, где существует марксизм, классы и есть, но в Египте – где они, классы-то? Есть только египтяне, даже и не арабы, а именно египтяне. И здесь тоже характерно смещение акцентов.

Насер упорно говорил о своем народе, как арабах, Садат говорит подчеркнуто о египтянах. При Насере государство называ-

лось ОАР – Объединенная Арабская Республика, при Садате оно стало Арабской Республикой Египет. При Насере националисты стремились «доказать», что культуру в Египет принесли арабы, при Садате доказывают, что египетская культура к моменту пришествия арабов была намного сильнее и глубоко развита, и, следовательно, пришельцы арабы восприняли местную египетскую культуру.

Садат – противник крупного капитала, крупной буржуазии, не в силу принципиально отрицательного отношения ко всем видам собственности, которая является основой эксплуатации человека человеком, а лишь потому, что он сам был не из числа крупных буржуев. Он из числа тех, кто хотел бы быть большим буржуем, но поскольку ему это не удается и не удастся, он против крупной буржуазии и проклинает ее, хотя в тайне и уважает и... боится. Да, боится, потому что уверен, что приди к власти крупная буржуазия, ей Садат не понадобится, она выкинет его коленкой под соответствующее место, ей понадобится умный, образованный и хорошо знающий свое дело руководитель. А сейчас? Сейчас она его терпит. Нет, не только терпит, но помогает, поддерживает его. Почему? Потому что видит, что Садат ведет, может быть, сам того не сознавая, дело к реставрации власти крупной буржуазии. Во всяком случае, вся его политика во внутренних делах и во внешних создает для этого благоприятные условия, она не противоречит коренным интересам крупной египетской буржуазии. Единственно, в чем его могут упрекнуть, так в том, что он двигался в их интересах не так быстро, как им хотелось бы. Но тут уж не его «вина»: социальные преобразования, заложенные еще при Насере, пустили глубокие корни, и не всегда уж египетский народ столь послушен, чтобы выполнять **любые** требования Садата. Забастовки и демонстрации, сильные и массовые, которые проводили рабочие при неизменной поддержке передового студенчества, часто напоминали Садату о том, что может быть предел терпению.

Буржуазность Садата носила какой-то сельский характер, в чем, видимо, сказывалось его крестьянское происхождение. Он неоднократно в своих публичных выступлениях выставлял в качестве идеала для Египта египетскую деревню, по его мнению, именно деревенский, несколько идиллический, уклад представляет собой образец для всего египетского общества. При этом Садат

ни разу не обмолвился о том, что деревня-то в Египте неоднородна, он не видел в ней богатых и бедных, ставших такими именно в виду имущественного неравенства, он, конечно, не видел эксплуатации в деревне.

Деревня с ее деревенскими традициями, освященная исламом, жизнь на основе законов ислама в масштабах всего государства – вот «социалистический» идеал Садата, вот египетский социализм в его понимании, вернее говоря в его желаниях.

Садат, насколько я мог судить по выступлениям и по личным беседам, имел самые смутные представления в экономических вопросах, его в этих делах могли свободно обманывать любые премьер-министры или министра экономики. Он мог поверить любому факту или любой цифре, если они исходили от человека, которому в данный момент он доверял. Он мог, например, спокойно и не смущаясь заверять американцев, что содержание советских военных советников обходится слишком дорого, к тому же им приходится платить в твердой валюте! Между тем Египет ничего не платил за содержание советников, не говоря уже о том, что никакие расчеты с Египтом в свободной валюте нами не велись.

Как-то раз во время беседы, при хорошем настроении президента, что бывало не часто, я задал ему вопрос о том, как он представляет себе дальнейшее развитие египетского сельского хозяйства. Особенностью египетского сельского хозяйства является то обстоятельство, что в стране нет свободных, т.е. не используемых земель, так сказать, земельного резерва. Вся страна живет на узкой полоске земли, составляющей по некоторым подсчетам всего-навсего 3 % территории страны, остальное представляет собой бесплодную пустыню. Подсчитано также, что если бы оросить все пустынные земли, которые могли бы стать плодородным, то и тогда населяемая и используемая территория в Египте составит всего 4 %. Одним словом, увеличение сельскохозяйственного производства за счет прироста обрабатываемых земель ясно ограничено. Между тем сельское хозяйство – крупнейшая, доминирующая часть национальной экономики страны. Оно не только обязано кормить все население, но и снабжать промышленность страны необходимым сырьем, оно определяет и всю внешнюю торговлю страны: ведь в Египте практически нет полезных иско-

паемых, поэтому его зависимость от ввоза извне велика, а расплачиваться приходятся продукцией сельского хозяйства в сыром или переработанном виде. Отсюда видна громадная роль сельского хозяйства, где, кстати говоря, занято подавлявшее большинство населения страны. Развитие сельского хозяйства – это не только экономический, но и социальный вопрос. От того, как будет развиваться сельскохозяйственное производство и какими путями, от этого будет зависеть не только состояние экономики всей страны и благосостояние всего населения, но и классовый состав египетского общества, следовательно, и социальный облик страны, его общественно-социальный характер.

Я попытался изложить все эти проблемы Салату и поинтересовался его мнением. На лице его отобразилась явная скука, он ответил, что об этих вопросах надо будет думать «после победы».

Я попытался развить мысль в несколько другом направлении. Ведь при нынешнем способе производства скоро продуктов сельского хозяйства не станет хватать для обеспечения всех нужд: на питание, для промышленности и для экспорта. Размер обрабатываемых площадей ограничен природой. Конечно, некоторый прирост может быть достигнут за счет интенсификации производства – за счет применения удобрений, лучшей агротехники, семян и т.д. Но и здесь есть свои пределы. Скоро вопрос увеличения производства упрется в систему землепользования – в относительно небольшие крестьянские наделы. Известно, что эффективность производства выше на крупных площадях, которые создают возможность широкого применения техники. Как же тогда быть с мелкими участками? Возникнет вопрос об их укрупнении, которое может производиться различными способами: либо увеличением частных наделов, что возможно за счет скупки у других, т.е. разорения одних и обогащения других, либо за счет добровольного объединения крестьян в кооперативы. По какому пути пойдет египетская деревня?

Садат откровенно признался, что не задумывался над такого рода вопросами, единственно, во что он верит – так это в крестьянскую мудрость, в то, что египетские крестьяне всегда составляли соль земли египетской, они сами разберутся, что лучше.

Заявления Садата о строительстве в Египте социализма – это только слова, которые по моде надо было говорить. Он неоднократно говорил в моем присутствии, что признает только научный социализм, что нет такого социализма, как «исламский социализм» или «арабский социализм». Своим же сторонникам и в публичном выступлении он твердил, что «новое общество» (он боялся называть его социалистическим) надо строить на основе «науки и веры». Он не смущался тем, что два эти слова противоположны друг другу по своему значению. В арабском языке нет иностранного слова «социализм», а это слово ведь обозначает целое научное понятие, и поэтому оно интернационально. Арабы заявляют, что их слово *«иштиракия»* и есть социализм. А слово это обозначает не что иное, как «равные возможности», «равенство», не больше. Вот так и получается, что мы, говоря о социализме, имеем в виду одно, а для арабского уха это совсем другое. Когда же арабы говорят о каком-то обществе, где будут равные возможности для всех (что, конечно, не является социализмом), то, благодаря переводу на любой из языков – будь то русский, английский или какой другой, мы слышим, что наши арабские братья ведь тоже говорят о «социализме». И мы воспринимаем все это так, что будто бы говорим об одних и тех же понятиях. Но мы фактически говорим о разных вещах. Какой же может быть социализм, если его собираются строиться при помощи религиозной веры? Религия – первый и самый хитрый враг социализма, она ведь уводит от анализа имущественных отношений, от отношений между людьми в процессе труда. Какой же может быть социализм, если он не затрагивает вопроса об отношении собственности на средства производства?

Впрочем, религиозность Садата также напускная. Правда, он любил, когда его фотографировали на молитве в мечети по пятницам. Он даже часто ездил для этого специально в свою деревню: дескать, вот я и с народом. Глаза у него на таких фотографиях обычно умильно закачены кверху, или наоборот – запечатлевается он, распростершись ниц, уткнувшись лбом в пол, в руках четки. На лбу у Садата было темное пятно, что у верующих вызывает уважение – считают, что оно образуется от частого моления и касания пола. Ходит, правда, и анекдот, что это вовсе и не «святое» пятно, а образовалось оно от того, что Насер часто тыкал ему пальцем в лоб, приговаривая: «Ну куда ты лезешь, Садат, в дела, которые не понимаешь!».

Садат мне также с умилением рассказывал, как он любит поститься в рамадан, какое удивительное «состояние» он переживает. Но как совместить все эти показные религиозные ритуалы с его злоупотреблением спиртными напитками, что строжайше запрещено мусульманам, а также курением гашиша?

Неудивительно, что Садат смертельно боялся марксизма и всего, что с ним связано. Он постоянно утверждал, что район Ближнего Востока «не созрел» для марксизма. В марксизме он интуитивно чувствовал сильного врага себе. Поэтому марксизм в Египте был запрещен, ему не было места как легальному учению. Но марксизм в Египте не может не существовать, потому что он есть на земле, потому что это всесильное учение. К марксизму тянутся рабочие, студенты, его несут в рабочие массы с риском для жизни немногочисленные марксисты. Поэтому марксизм открыто преследовать трудно, но можно сделать вывеску из марксистов – показывать, что и в Египте общество просвещенное, где дозволяется работать и марксистам.

Садат мне часто говорил – «мои марксисты», понимая под этим некоторых лиц из интеллигенции, принадлежавших ранее к марксистским организациям Египта. Эти организации были закрыты, а их руководители в свое время были посажены тюрьму Насером, затем выпущены, поскольку и во взглядах Насера произошла эволюция. Нет, Насер не стал марксистом, просто он понял, что марксисты не враги национально-освободительной революции. Часть таких марксистов работала в органах печати, некоторые были и министрами. Однако это не спасало их от преследований Садатом, когда ему нужно было обрушить гнев на кого-то за очередные волнения в стране. Или когда надо было найти еще одного «козла отпущения» за экономический беспорядок в стране, к которому ее привели другие, влиятельные, силы. Так было, например, с Фуадом Мурси – руководителем одной из коммунистических организаций, видным экономистом, которого Садат включил в правительство министром снабжения. Мурси проделал колоссальную работу, но разве он мог справиться с недостатком продуктов, созданным теми, кто эти продукты производит и придерживает, разве он один мог противостоять противоречивой системе экономического порядка, установленного такими откровенно буржуазными деятелями, как Хигази? Зато

Мурси оказался удобным для того, чтобы свалить на него, как на министра снабжения, все грехи за нехватку товаров и работу тысяч частных лавчонок; ведь недостатки, прежде всего, ощущаются вроде бы как упущения работы системы распределения.

Садата бесило, что забастовки на крупнейшем египетском предприятии – металлургическом комбинате в Хелуане – проходили так организованно, что не удавалось найти зачинщиков, и он вынужден был отступить, идти на уступки рабочим-марксистам из Хелуана. А забастовки Хелуана – это хорошо продуманные политические акции рабочего класса Египта. Отсюда и боязнь Садата к Хелуану, как вообще ко всему индустриальному, непонятному для него – крестьянского жителя. Он, кстати говоря, так ни разу не посетил эту крупнейшую промышленную стройку страны и не был на открытии комбината, который строился с помощью Советского Союза.

Садат, однако, интуитивно чувствовал, когда ему нужно было пустить в ход «его марксистов». Летом 1971 года в соседнем Судане произошли крупные политические события, по существу, переворот, в котором участвовали и суданские коммунисты. Я был у Садата в его резиденции в Маамуре около Александрии. Мы беседовали за столиком, который стоял на открытом воздухе у берега моря. Подошел адъютант, молча подал Садату бумагу. Садат издал возглас удивления и сказал: «Кажется, в Судане переворот». «А какие люди совершили переворот?» – спросил я. «Пока мало что известно, – ответил Садат, – но, кажется, мне придется иметь под боком марксистов».

При встрече на следующий день Садат сообщил мне, что принял решение отправить в Судан, как он сказал, «моих марксистов», их, дескать, там лучше примут, чем кого-либо другого, а кроме того, они и смогут разобраться, что происходит в Судане. Посылка этих марксистов, как оказалось, была своего рода маневром, поскольку Садат ни на йоту не симпатизировал тем, кто временно захватил власть в Судане, более того, имелись данные, что Египет активно поддерживал тех, кто был свергнут. В этой связи весьма показательны для характеристики Садата следующие случаи.

Мне стало достоверно известно, что на военном аэродроме Кайро-Уэст сосредотачивается парашютный батальон «рейнджe-

ров» – специальной диверсионной части, для немедленной переброски в Судан. Известие это я получил, когда уже выходил из посольства, направляясь к автомашине, чтобы ехать к Садату по какому-то делу. Времени для связи с Москвой не было, и я решил действовать сам. Вопрос о вмешательстве Египта надо было поставить так, чтобы Садат с одной стороны не воспринял это как вмешательство в его внутренние дела, и с другой так, чтобы ему не стал ясен источник информации. Над этими проблемами я раздумывал, пока мы ехали в резиденцию Садата на так называемых Барражах, в 35 км от Каира.

Когда окончилась наша беседа по основному вопросу, я спросил Садата, что нового слышно о суданских событиях, какой доклад привезли «его марксисты». Садат уклонился от ответа, сказав, что еще не ознакомился с докладом. Я заметил, что в дипкорпусе в Каире усиленно говорят о том, что Египет якобы собирается военным путем вмешаться в события в Судане и что якобы в Кайро-Уэсте уже подготавливаются для заброса в Судан парашютисты и т.д. На подобные вопросы ко мне иностранных послов я отвечаю, что все это злонамеренные слухи, что Египет никогда не допустит вмешательства во внутренние дела других государств, что именно так мне заявлял президент Садат. Ведь Египет понимает, что его вмешательство во внутренние дела Судана неблагоприятно отразится на его отношениях с другими странами.

Садат внимательно посмотрел на меня и, помедлив, сказал, что советский посол, в общем, правильно излагал позицию Египта.

На следующее утро мне доложили, что батальон «рейнджеров» никуда не улетел, поздно вечером он был отправлен в казарму.

Однако силы контрпереворота, которых открыто, как говорят, поддерживал египетский персонал военного училища в Хартуме, одержали верх. Через пару дней мне снова пришлось беседовать с Садатом. Он был в явно возбужденном состоянии, свидетельством чему являлось также его приказание подать ему водки. Надо сказать, что Садат почему-то считал меня абсолютно непьющим, он сожалел об этом и, не стесняясь, пил водку один, независимо от погоды. Так и на этот раз в тени под громадным деревом, где мы сидели, было не менее 30 градусов жары. Ему подали бутылку

водки, открытую банку консервов сардин – ни вилки, ни салфетки. Он сказал привычную фразу о том, что, дескать, как жалко, что посол непьющий и «для начала» выпил стаканчик. Мне стало неудобно и я попросил, чтобы мне принесли хотя бы виски со льдом. Садат обрадовался, хотя оказалось, что виски не нашлось в доме, куда-то бегали и принесли залапанную бутылку с остатками виски на дне. Я внутренне содрогнулся, но теперь уж пришлось пить.

По мере беседы Садат постоянно прикладывался к бутылке с водкой, я пригубливал противное виски. Зазвонил стоявший рядом телефон. Садат выслушал сообщение, а затем, блестя глазами, сказал: «По радио сообщение о том, что иракская специальная делегация, вылетевшая в Судан, погибла, их самолет взорвался над Саудовской Аравией! Об этом я знал заранее!». Видя на моем лице недоумение, Садат, уже порядочно захмелевший, начал развивать свою старую теорию о том, что «этот район», имея в виду Африку и Ближний Восток, «не созрел для марксизма» и что «вы, марксисты, делаете ошибку, пытаясь перепрыгнуть через ступени, вы пытаетесь насаждать марксизм там, где он не может привиться. А привиться здесь может только ислам, как высшее социальное учение, которое шире и глубже социализма, ислам несет самую высшую социальную справедливость и т.д.». Спорить с ним, особенно учитывая его состояние, было, конечно, явно бесполезно.

Через пару дней я получил указание немедленно посетить Садата и попросить его помощи в том, чтобы он оказал свое влияние на Нимейри и добился бы прекращения белого террора, развернувшегося в Судане, жертвой которого становились не только участники переворота, но и все прогрессивные люди Судана. В частности, упоминались имена Махджуба – руководителя суданских коммунистов, и Шафеи – председателя профсоюза Судана, одного из руководителей Всемирной федерации профсоюзов, лауреата международной Ленинской премии мира, а также жены Шафеи.

Садат принял меня на борту шикарной прогулочной морской яхты короля Фарука, которая стояла пришвартованная к берегу в одном из протоков Нила на Барражах. Я изложил Садату просьбу советского руководства. Он заметил, что хорошо знает Шафеи и

будет жалко, если он погибнет. Садат вновь сказал, что район не созрел для марксизма и что нам это нужно понять. Говорил он так, как будто Советский Союз был участником всех драматических событий в Судане, хотя сам Садат прекрасно знал о нашей непричастности к ним. Садат пообещал переговорить с Нимейри, тут же вызвал адъютанта и приказал соединить его по телефону с Хартумом. Связь долго не давали, и я отправился в Каир. По прибытии в посольство мне сообщили, что звонил министр иностранных дел Риад и просил срочно позвонить, что я и сделал. Раид сказал, что по поручению президента он сообщает мне, что наша просьба поступила слишком поздно: и Махджуб, и Шафеи уже казнены. Пытался ли Садат сделать что-либо или нет, я не знаю, хотя Хейкал позднее уверял меня в том, что с Нимейри он сам говорил по просьбе Садата…

Для политического лица Садата характерно и его отношение к единственной политической организации страны – Арабскому социалистическому союзу, председателем которого он является. АСС было довольно аморфной организацией, можно сказать, первичной формой политической организации.

Разница в отношении к АСС со стороны Насера и Садата состояла в том, что Насер понял необходимость наличия в стране организации единомышленников – партии, которая была бы хранительницей идей национально-освободительной революции, была бы и организатором народных масс под лозунгами прогрессивного национализма, несла бы идеи национализма в массы. АСС был зачатком такой партии, из него должна была вырасти партия, которой Насер дал уже и название – «Авангард социалистов».

Садат же почувствовал, что в лице АСС он будет иметь не опору, как того хотел для себя Насер, а соперника, контролера его действий как президента, правителя Египта. В АСС могло случиться так, что он был бы в известном плане на «равном основании» с другими деятелями, а этого Садат допустить не мог. Он всегда с подозрением относился к общественной и идеологической деятельности. Он – «человек действия», идеология – это для других, организации – тоже.

Первые месяцы пребывания на посту президента укрепили его в убеждении, то АСС для него обуза. Действительно, собирался Высший исполнительный комитет АСС, председателем которого он являлся, но на нем выступающие критиковали его действия, говорили о неприятии того, что он уже решил, разве может такое повторяться? Примерно то же самое было и на заседаниях Центрального комитета АСС, только критика была помягче. И вообще ЦК АСС и все его губернские, городские комитеты АСС могут легко стать «центрами силы», направленными против него, президента страны, ведь недаром «заговорщики», которых ему пришлось посадить на длительные сроки, имели такую сильную опору именно в АСС и ее организациях.

Но совсем отказаться от АСС нельзя, это Садат понимал хорошо, Египет перед всем миром предстанет другим государством. Тогда пускай АСС существует, но Высший исполнительный комитет не нужен. ВИК распускается. Насер в свое время хотел превратить ВИК в Политбюро, во всяком случае, придать ему такие функции по аналогии с Политбюро ЦК КПСС, работа которого ему нравилась.

Во главе АСС он сначала поставил Азиза Сидки – человека, никогда политической работой не занимавшегося, а затем Абдель Саляма Зайята – своего бывшего секретаря, образованного, с марксистским уклоном в идеологии. Расчет был такой – смотрите все, с арестами насеристов Египет не идет вправо, он шагает далее влево. Хотя ВИК распущен, но во главе АСС стоят лица, всему миру известные как прогрессивные деятели.

Придя в АСС, Сидки и Зайят добились согласия Садата на то, чтобы для работы в органах АСС и в других массовых организациях можно было привлекать египетских марксистов. Садату было трудно в то время, он скрепя сердце дал согласие. Сидки и Зайят занялись АСС, но явно не в том направлении, как представлял себе Садат. Они выработали «Программу действий», которая представляла собой хорошее соединение прогрессивных идеологических лозунгов с конкретными делами – планами хозяйственного строительства Египта. Фактически это была хорошо продуманная программа широких социально-экономических преобразований в стране. Она базировалась не на добрых намерениях и благих пожеланиях, а на солидном экономическом расчете. Здесь было ясно видно сотрудничество прогрессивной идеологии, которую обеспечил Зайят, и экономики, где была видна рука талантливого и деловитого экономиста Сидки. Получился документ,

характерный соединением теории с практикой. И он должен был быть принят на конгрессе АСС в июле 1971 года.

Важным достоинством программы, разработанной Сидки и Зайятом, было то, что трудящиеся практически всех отраслей экономики страны получали как бы конкретную практическую задачу своей работы и жизни. Она наглядно показывала, что достижение того или иного уровня производства в конкретной отрасли экономики, а, следовательно, и на конкретном заводе, и любом предприятии, приведет к определенным шагам в материальном и культурно-бытовом обеспечении самих трудящихся. Программа намечала также конкретные шаги по дальнейшему ограничению влияния частного сектора, использованию его в интересах всех трудящихся. Это была программа движения вперед. Помню, как в ходе выработки программы Сидки и Зайят часто расспрашивали меня о первых советских пятилетках, об их организующем значении, о политической работе, которая развертывалась в нашей стране в те годы вокруг пятилетних планов, которые становились как бы планами жизни каждого трудящегося.

Программа была, конечно, принята конгрессом АСС, хотя я уверен, что сам Садат вряд ли ее читал полностью, к тому же она была весьма объемиста. Во всяком случае, когда при моих встречах я спрашивал его насчет основных направлений программы, которая тогда еще разрабатывалась, он ничего вразумительного ответить не мог, однако с интересом слушал то, что я рассказывал ему о мероприятиях, намечаемых в проекте программы.

Когда Садат на конгрессе делал доклад об этой программе, ему была подготовлена соответствующая речь. Однако начал он говорить не с вопросов программы, а сел на свой любимый конек – международное положение и конфликт с Израилем. На этот счет, по-моему, ему ничего не было написано, а если бы и было подготовлено, то он все равно не стал бы читать. Всегда было видно, как трудно ему читать что-то написанное другими и, следовательно, не выражающее тот склад мыслей и настроение, которые создаются у него в момент произнесения речи, а это для него – человека настроения – определяющее.

Садат увлекся экскурсом в область международных отношений и, казалось, не мог остановиться, у него явно появилось другое психологическое настроение, ему трудно было перейти к деловой части – к программе действий. Он все-таки остановился, долго молчал, глядя в разложенные перед ним на пюпитре бумаги, как бы не понимая, зачем они здесь лежат. Затем после долгой паузы сказал, что проект программы роздан всем делегатам и поэтому ему нет надобности его излагать. Он продолжал смотреть на бумаги, перелистывать их, явно машинально, но вроде бы с интересом, что-то ища, но явно не находя, на чем остановить свое внимание. Часть бумаг упала на пол. Садат этого не заметил, продолжая рассматривать одну бумагу за другой. Зайят, поднявшись со своего места председательствовавшего на конгрессе, подошел к трибуне, поднял бумаги, положил перед Садатом, удалился, сел на место. Садат вроде бы и не заметил ничего. Он рассматривал таблицу в тексте, поскольку перевернул бумаги прямо пачкой, затем сказал, что вот, например, производство электроэнергии должно будет увеличиться и назвал цифру. Опять пауза, снова часть бумаг летит с пюпитра на пол, и Садат ничего не замечает. Снова встает Зайят, подходит, поднимает бумаги, кладет их перед Садатом. И это повторилось еще раз. Было неясно, то ли Садат издевается над документом, то ли он просто пьян, поскольку во время своего пребывания на трибуне он вел себя не как нормальный человек. Все три тысячи делегатов, весь зал в тишине смотрел и следил за этими странными манипуляциями президента, всем был неудобно. Кое-как Садат закончил речь, заявив, что поскольку в программе все написано, а она роздана делегатам, то отсюда все ясно. У меня сложилось впечатление, что Садат нарочно разыграл эту сцену. Он чувствовал, что не он главный в этой программе, это не его детище. Кстати говоря, позднее он сменил Сидки, а затем Зайята с поста Первого секретаря ЦК АСС и поставил на этот пост Сеида Маррея – помещика, выразителя интересов крупной египетской буржуазии. Ни что не могло быть большей дискредитацией самой идеи наличия в Египте прогрессивной организации, чем назначение Маррея на этот пост. К тому же Маррей был личным противником Сидки и в идеологическом плане: Сидки выступал за индустриализацию страны, за всемерное развитие государственного сектора экономики, за ориентацию на Советский Союз, Маррей – за упор на сельское хозяйство, за процветание частного сектора, ориентацию на Запад.

Конечно, Маррей, с благословления Садата, начал «реорганизацию» АСС. Начали заседать многочисленные комиссии и подкомиссии, о боевой программе социальных преобразований быстро забыли, политическая работа в массах прекратилась. Но ее продолжали вести Сидки и Зайят другим путем: к тому времени Сидки был назначен премьер-министром, Зайят – заместителем премьер-министра. Они начали проводить выездные заседания правительства в крупных городах страны, там при открытой аудитории они рассматривали вопросы, относящиеся конкретно к определенному губернаторству или городу. Они наглядно показали, что правительство отражает интересы трудящихся, вскрывали скрытые резервы, таящиеся в самих губернаторствах, раскрывали бюрократизм местных властей и т.д. Эти заседания правительства были весьма популярны среди трудящихся, но, естественно, они возбудили ненависть у традиционной египетской бюрократии, на которую в значительной степени опирается сам президент.

Вскоре Сидки был снят с поста премьер-министра, а заодно и Заяйт, они стали слишком популярными, стали затмевать президента, их действия шли в разрез интересам крупной египетской буржуазии, на которую все больше стал опираться Садат. Первым секретарем АСС Садат поставил Хафеза Ганема, бывшего министра образования – преданного служаку, человека без своих убеждений, одним словом, послушного человека, которым будет делать то, что скажут. Ганем начал новую «реорганизацию» АСС и работу над так называемым «рабочим документом», который представлял собой практически отрицание всего того, что утверждалось два года назад. Он не только содержал неверные положения относительно международного положения, искажал политику нашей страны, но и звал к открытию дверей для частного капитала – в этом было предназначение этого, с позволения сказать, «документа». В организационном плане АСС превратилась в организацию «фасадного» характера, проводящую массовые митинги да информирующую власти о настроениях в стране. Это было, конечно, движение назад, но оно устраивало Садата, АСС стала подручной организацией президента. Институт социалистических исследований – научно-учебный центр, существовавший ранее при АСС, был, конечно закрыт. Он также не был нужен Садату. Слишком много «вольнодумия» и так уже развилось в стране…

Садат полагает, что для проведения задуманной политики хороши все средства. Сегодняшний враг может быть завтра объявлен лучшим другом, хотя в поведении этого врага, или новоиспеченного друга, ничего по существу не изменилось. При этом не имеют значения принципиальные стороны дела.

Вот, например, можно ли сегодня представить себе какого-либо мало-мальски уважающего себя деятеля, который хвастался бы тем, что сотрудничал с фашистскими нацистами? Видимо, нет. А вот Садат может. Уже долгое время поговаривали, что во время Второй мировой войны Садат был якобы на службе немцев или сотрудничал с ними. Советская армия и армии союзников по антигитлеровской коалиции ценой миллионов жизней спасали мир от коричневой чумы, которая несла порабощение всем народам мира и, не в последнюю очередь, народам Африки, Арабского Востока. Каково же должно было быть политическое сознание человека, чтобы в те годы сотрудничать с немцами, хотя и оправдывать это интересами борьбы против англичан, бывших тогда хозяевами Египта. Это были пока все слухи, которым можно было верить или нет, во всяком случае, было хорошо известно, что англичане посадили-таки Садата в тюрьму, но можно было думать, что лишь за антиколониальную деятельность, а сотрудничество с немецкими фашистами, дескать, попросту было приписано Садату, чтобы его скомпрометировать.

Но вот в 1974 году в Каир прибыл с визитом Вилли Брандт, бывший тогда канцлером ФРГ. Его принимали, разумеется, очень хорошо, как вообще хорошо принимают в Египте немцев, считая их противниками англичан и, следовательно, своего рода союзниками национально-освободительного движения в Египте. Состоялась пресс-конференция Садата, на которой он начал свою речь… по-немецки, заявив удивленным журналистам, что он гордится тем, что сотрудничал с немцами во время Второй мировой войны, за что его англичане арестовали, находясь уже в заключении, он смог выучить немецкий язык! Не думаю, что такое откровение Садата понравилось Брандту – антифашисту, который был по другую сторону баррикад во время войны.

Другая характерная для Садата метаморфоза произошла в отношении американцев. В своих многочисленных выступлениях Садат после прихода к власти неистово и довольно энергично по-

носил американцев, империалистическую политику американского правительства. Он справедливо подчеркивал, что США фактически являются соучастником Израиля в агрессии против арабских государств и должны будут ответить за свои злодеяния. Но стоило Никсону завязать переписку с Садатом, начать давать обещания, тонко льстить ему, сеять подозрения в отношении Советского Союза, как Садат начал меняться – сначала внутренне, а затем и наглядно для всех. Вообще ему всегда льстило обращение к нему «сильных мира сего», к которым он, несомненно, причислял и себя. Он иногда говорил мне с явным удовольствием о получении очередного послания Никсона, о своих ответах, с этаким оттенком небрежности, как бы давая понять, что эта переписка ему ничего не стоит, он разговаривает «на равных» и т.д. Характерно, что Садат так ни разу и не ознакомил хотя бы с одним текстом такого рода посланий. Обычно он говорил лишь несколько общих фраз. Однако позднее, в разговорах с советскими руководителями, он подчеркивал, что он ознакомил советского посла с этими посланиями и они, видимо, хорошо известны советскому руководству, поэтому ему нет необходимости повторяться и т.д.

Американцы быстро почувствовали это слабое место президента Египта. Вот один из примеров. После первой встречи между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном в июне 1972 года, когда наши товарищи в Москве все еще готовили информацию для Садата, Никсон на второй день прислал Садату личное послание, которое, собственно говоря, не содержало никакой существенной информации. В нем перечислялось лишь название вопросов, которые обсуждались на встрече. Это был как бы своего рода «дружеский отчет» о встрече, не больше. Самое характерное было в том, что там даже вообще не упоминалось обсуждение положения на Ближнем Востоке, т.е. вопрос, который более всего интересовал Садата. Однако в этом послании содержались слова похвалы в адрес советских руководителей. Создавалось впечатление, что, дескать, мы, американцы, наверно, сможем хорошо поладить с русскими, а отсутствие упоминания о ближневосточном вопросе как бы подсказывало мысль о том, что вот русские уже и согласились с нами о том, чтобы не придавать большого значения ближневосточным вопросам. Разумеется, эта информация противоречила нашей, в которой говорилось о том, как советская сторона

отстаивала интересы арабов. Однако наша информация произвела на Садата меньшее впечатление, хотя бы потому, что поступила позднее и в виде сухого заредактированного пересказа, в то время как Никсон сам (!) обратился к Садату. (Следует сказать, что наше посольство предчувствовало возможность такой игры американцев на личных качествах Садата, который придавал большую важность советско-американской встрече для судеб района Ближнего Востока. Хотя бы потому, что ему усиленно внушалась мысль о возможности советско-американского «сговора» за спиной Египта. Он верил этим измышлениям именно потому, что, считая допустимым для себя такого рода предательское поведение, считал такой шаг и с нашей стороны допустимым. Поэтому посольство вносило предложение о прибытии кого-либо в Каир, кто участвовал в переговорах в Москве и мог бы проинформировать Садата, так сказать, из первых рук. Как часто это бывало, на такие «детали» в Москве не обратили внимания).

Садату всегда очень льстило, когда к нему обращался за интервью для журнала «Ньюсуик» Арно де Борчгрейв – главный редактор этого американского журнала, известный разведчик, отнюдь не защитник арабских интересов. Таких интервью Борчгрейву он дал много, но не дал ни одного советским журналистам.

Когда Каир в мае 1971 года посетил тогдашний государственный секретарь США Уильям Роджерс, Садату он очень понравился, и в своих речах позднее, в том числе перед многочисленными аудиториями в Народном собрании и перед ЦК АСС он неизменно называл Роджерса простецки уменьшительно – Билл. «Я сказал Биллу…», «Билл мне заявил…» и тому подобные выражения постоянно фигурировали в речи Садата.

Садат любил принимать американских сенаторов, в том числе самого реакционного толка, в беседах с ними он, конечно, не высказывал тех резких оценок американской политики, которые приберегал для своих выступлений перед египтянами. И все американцы оставались довольны беседой, поскольку, как они говорили, они находили «понятливого» собеседника. Да что там сенаторы! Садат принимал и рядовых чиновников американского госдепартамента, в то же время многие иностранные послы, в том числе государств, которые полностью поддерживают Египет, так за все время своего многолетнего пребывания в Египте и не удо-

стоились быть принятыми Садатом, хотя и имели соответствующие поручения от своих правительств. Особенно не любил Садат принимать послов социалистических стран, да и для меня он устраивал «периоды» неудовольствия, во время которых также не принимал.

В госдепартаменте работал в должности заведующего сектором Египта некто Стернер, провокационного и развязного типа человек, настроенный абсолютно произральски. Побывал он в Египте, был принят Садатом. Объяснял Садат, что Стернер, видите ли, сопровождал его, Садата, в свое время, во время поездки по США, когда Садат занимал пост председателя Народного собрания! Дескать, старый знакомый, не более. Ну, уж, конечно, Рокфеллеры частенько бывали у Садата в Каире, гласно и негласно.

Наиболее разительное сальто-мортале Садат проделал в конце 1973 года, после так называемой «октябрьской войны», открыто в политическом плане переметнувшись к американцам. А ведь еще не были похоронены все египтяне, положившие свои жизни от американского оружия, которым щедро был снабжен Израиль и когда США так же, как и раньше, полностью стояли на стороне самого главного внешнего противника Египта – Израиля. Это, конечно, тема особая. Но поведение Садата весьма характерно для его отношения к американцам.

Киссинджер у Садата мгновенно стал просто «Генри», Садат называет его не иначе, как «мой лучший друг». Когда в … надцатый раз Киссинджер прибыл в Каир со своей супругой, Садат, галантно расшаркавшись, сказал: «Вы среди друзей, Генри», и это произвело, конечно, впечатление на американских журналистов.

Когда в декабре 1974 года Советский Союз опубликовал письмо А.А. Громыко Киссинджеру, посланное еще в октябре 1974 года, с изложением позиции Советского Союза относительно американского вмешательства во внутренние дела нашей страны, т.е. изобличающее Киссинджера, мягко говоря, в неправильном освещении советской позиции, Садат упрямо заявлял в своих новых интервью иностранной печати, что он, дескать, продолжает верить Киссинджеру. Это и не удивительно, ведь Киссинджер обещал кое-что Садату и тот терпеливо ожидал, когда могут быть исполнены обещания. По политической слепоте Садат не хотел видеть, что Киссинджер выполнял свою главную задачу – создание для Израиля безопасных условий существования путем договоренности об установлении нейтральных зон, зон с ограниченным вооружением, разведения войск и т.д. То есть путем принятия мер, которые гарантировали бы прекращение огня, невозможность для арабов военного давления на Израиль.

В том, что он открыто перекинулся на сторону американцев, фактически в политическом смысле предав своего верного союзника – Советский Союз, Садат не видел ничего плохого или нелогичного. Он считал, что для проведения его политики все средства хороши, важны результаты, которые он посчитает для себя приемлемыми, а остальное неважно.

Весной 1974 года он открыто заявил, что в урегулировании ближневосточного конфликта Египту следует полагаться на Соединенные Штаты, а не на Советский Союз, что, конечно, явилось сенсацией для печати всего мира. Во время долгожданного визита Никсона в Египет Садат устроил ему грандиознейшую встречу, которую не устраивал ни одному из иностранных деятелей, посещавших Египет. На улицы послушная полиция и АСС вывели около двух миллионов людей! Никсон был награжден высшим государственным орденом страны – «Ожерелье Нила» (что после этого стал стоить этот орден – другое дело). А когда Никсона дома прижали к стенке и потребовали отставки, Садат был единственным иностранным деятелем, который заявил, что смещение Никсона будет трагедией для США!

III

Для нас, конечно, понятный интерес представляет отношение Садата к Советскому Союзу. Говоря в общих чертах, это отношение было противоположным тому, которое было у Насера. Насер пришел от стремления использовать антиимпериалистическую политику Советского Союза в целях национально-освободительной борьбы, которую вели насеристы, до понимания необходимости быть вместе с Советским Союзом, быть своего рода политическим союзником. Известно, что в последний год своей жизни Насер думал о еще более глубоких и широких отношениях с нашей страной, о союзе с ней. Линия Садата, как теперь это видно, состояла в том, чтобы вернуться назад к тому, с чего начал Насер, т.е. отойти от глубоких связей и вернуться к полити-

ке использования Советского Союза в своих целях. Поэтому все концентрировалось им на двух вопросах – поставке оружия и экономической помощи, причем главным образом на оружии, поскольку здесь он хоть что-то понимал, или во всяком случае, считал, что понимал; в экономике же он ничего не смыслил.

Если, скажем, чисто гипотетически допустить, что Садат где-то нашел бы источник поставки современного оружия на таких же льготных условиях, какие предоставлял Советский Союз, и у него был бы выбор источника поставки, он не колеблясь избрал бы другой источник, не связанный с той идеологией, на которой базируется Советский Союз, хотя идеологические вопросы никогда не возникали в наших отношениях. Все дело было в том, что в силу самой природы вещей не могло быть в мире другой такой страны, которая могла бы относиться к национально-освободительному движению так, как Советский Союз. Отсюда и возможности для Египта получать оружие и экономическую помощь. Это Садат понимал с трудом. Он упрямо считал, что это Египет оказывает Советскому Союзу бóльшую помощь в его политических и военных целях!

Неудивительно, что первые же контакты Садата с Советским Союзом, как только он занял пост президента, начались с вопроса о поставке вооружения. Этот вопрос он поднял уже на первой встрече прибывшей на похороны Насера советской делегации, которая возглавлялась А.Н. Косыгиным. Тема звучала примерно так: Советский Союз по каким-то соображениям не хочет поставить Египет в смысле вооружения на одинаковый с Израилем уровень. Иными словами, США хорошо снабжают Израиль оружием, СССР снабжает Египет оружием недостаточно. При этом, конечно, не упоминалось о низком уровне технической подготовки египетского персонала, о малом количестве летчиков, но все время требовались самолеты, самолеты, самолеты, причем самые совершенные и даже опытные, экспериментальные…

Моя первая деловая встреча с Садатом после прибытия в Каир в качестве нового советского посла также была по вопросу о поставке вооружения. Садат пригласил к себе и передал «срочную» просьбу о таких поставках, хотя обстановка того явно не требовала.

Так начались мои контакты с Садатом. Должен сказать, что не было ни одной, буквально ни одной встречи с Садатом, а их было не менее пары сотен, когда бы президент не поднимал вопроса о военных поставках. Он поднимал его даже тогда, когда только что были заключены новые соглашения по этим вопросам, и с поставками дело обстояло как нельзя лучше.

Тему о вооружениях Садат избрал главной и в своих разговорах с советскими руководителями. Она была ему нужна потому, что он всегда мог показать свое **недовольство** Советским Союзом, а раз существует недовольство, значит, могут быть оправданы и любые его недружественные Советскому Союзу шаги. А таких шагов он делал много.

Если дело с военными поставками обстояло благополучно, придумывались новые поводы. Например, где-то узнавалось, что в Советском Союзе есть какое-то новое вооружение. Садат обращался с запросом и об этом вооружении, не смущаясь, цитировал в качестве источника своей информации заметку в каком-нибудь иностранном журнале. Был даже и такой эпизод, когда Садат попросил …. атомную бомбу. Видимо, больше уже нечего было просить.

В тот вечер я был у него дома, принял меня он в своей гостиной на втором этаже, так сказать, в частных покоях. После разговора по основному вопросу Садат начал вспоминать о своей только что состоявшейся поездке в Ливию, говорил о том, какое бодрящее «омолаживающее» на него действие производят встречи с ливийским руководителем – полковником Каддафи и т.д. Он упомянул, что у Каддафи много денег, Ливия богата, у нее много нефти, она готова помогать Египту и т.д. Далее Садат снова перешел к военным поставкам, а затем как-то незаметно спросил, как бы в Советском Союзе отнеслись к просьбе о передаче Египту технологии, необходимой для производства атомной бомбы. Нет, он не просит продать атомную бомбу, хотя если бы ее предложили, он купил. Вопрос идет лишь о передаче некоторой технологии, причем не всей, а части. Ну, скажем, заявил Садат, хотя бы в том объеме, которая вами в свое время была передана Китаю, ведь на основе ее Китай смог сделать атомную бомбу. При этом, конечно, он стал утверждать, что применять бомбу он будет только в том случае, если Израиль первым применит атомное оружие, по

данным египетской разведки, Израиль, кажется, не только располагает возможностями сделать свою атомную бомбу, но уже и имеет ее. Я, разумеется, немедленно отвел эту просьбу Садата, посоветовав ему более не поднимать этот вопрос.

Через четыре года, когда Египет посетил Никсон, было объявлено об оказании Соединенными Штатами помощи Египту в строительстве мощного атомного реактора. Это был, конечно, политический шаг Никсона, направленный на то, чтобы еще больше привязать к себе Садата, упорно пытающегося заиметь свою атомную бомбу. Всему миру было ясно, что такой реактор не нужен Египту для энергетических целей – ведь мощности Асуанской ГЭС еще долгое время не будут полностью использованы. Конечно, Садату хотелось «обмануть» американцев и получить возможность для создания атомного оружия.

Садат, разумеется, не представлял себе, что значит производство атомной бомбы, он вообще мало что знал о любых производственных процессах. Если у большинства арабов внезапное вступление в новый технический век вызывало своего рода психологический шок, то это также справедливо и в отношении к Садату.

В нашей стране индустриализация, приобщение к технике были, так сказать, выстраданы, пережиты и поэтому правильно поняты. Для арабов, пребывавших на низком уровне культурного развития, новая техника, техника вообще свалилась неожиданно на голову. Они не успели к ней привыкнуть, разобраться, что к чему. Большинство шоферов в Египте не сможет устранить простой поломки, они могут лишь нажимать на педали. Отношение к технике пренебрежительное, как к человеку или ослу. Если что-то не работает в машине, значит, на то воля Аллаха: «Бог дал, бог взял». Машину можно бросить, а не докапываться, что с ней случилось, и чинить. В армии, например, это было сущим бедствием, каких трудов стоило нашим советникам приобщить арабов к технике, привить им необходимые навыки «культурного» обращения с техникой. Ну, совсем как учат малых ребят чистить регулярно зубы. А ведь и без чистки зубов можно вроде бы обойтись.

В этой связи для представления о Садате характерна история с налаживанием производства самолетов в Египте. В свое время западные немцы взялись за строительство авиасборочного завода,

привезли кое-какое оборудование, надавали египтянам разных красивых обещаний, собрали один или два самолета. На этом все дело и кончилось – ведь нет в Египте ни сырьевой базы для производства различного рода металлов, которые требуются для самолетов, нет развитой химической промышленности, приборостроения и многих, очень многих отраслей, крайне необходимых для того, чтобы иметь собственную авиационную промышленность. Поскольку Садат все время выражал недовольство состоянием военных поставок из Советского Союза, кто-то подбросил ему мысль о том, не следовало ли бы освободиться от иностранной зависимости и иметь свое производство самолетов на базе оставшегося недостроенным завода. Конечно, никто кроме Советского Союза не мог бы оказать Египту помощь в этом деле, как по политическим, так и по экономическим соображениям. Садат обратился к нам. Дело было трудное, тем не менее несколько групп квалифицированных советских специалистов очень тщательно изучали на месте вопрос, подготовили необходимые данные и обоснования для принятия решения. Разумеется, эта работа требовала времени. Садат выражал большое неудовольствие работой советских специалистов, не понимал, почему они так медленно работают. Одним из любимых его аргументов, когда он жаловался мне, было: «Ведь во время Второй мировой войны Советский Союз развертывал производство самолетов буквально на пустом месте, в поле, за несколько недель, почему же вы не можете не только наладить, но и изучить вопрос о производстве самолетов за одну-две недели». Когда я ему рассказывал, с чем связана подобная работа, что нужно изучить, прежде чем даже составить себе представление о возможностях, Садат нетерпеливо прерывал и говорил: «Нет, все дело в принятии политического решения, если такое решение было бы вами принято, вы давно уже поставили бы здесь производство самолетов». Он просто-напросто не верил, что все это очень сложные вещи, что и в Советском Союзе налаживание какого-либо нового производства требует больших усилий, а ведь у нас есть практически все для этого – и сырьевая база, и мощная промышленность и, что очень важно, – подготовленные кадры. Ничего этого у Египта не было.

Садат при этом требовал налаживания производства таких самолетов, которые тогда еще только осваивались в Советском

Союзе – МИГ-23! Ему в ответ приводили пример Индии, где на освоение производства самолета МИГ-21 потребовалось 7 лет. Но Садат был непреклонен, к тому же его настраивали против нас некоторые его столь же сведущие, как и он, в технике и экономике «советники», не дремали англичане, американцы, подбрасывали мысль о том, что в Египте можно быстро наладить производство самолетов и при относительно небольших затратах. Они даже подбили Садата посетить этот завод, где ему продемонстрировали недостроенный самолет, который якобы может летать со скоростью в два раза быстрее скорости звука. И Садат после этого говорил мне: «Вот видите, мы уже можем строить самолеты с такой скоростью полета, почему же с помощью Советского Союза нельзя быстро наладить производство самолетов, которые летали бы в два-три раза быстрее? Все дело в политике, вы не хотите по-настоящему помогать нам, все время держите на голодном пайке, хотите, чтобы мы отставали от Израиля на одну ступень и т.д.».

Состоялось ответственное совещание у нас в ЦК КПСС с участием видных производственников и конструкторов, на котором я присутствовал. Было принято решение предложить оказать помощь в налаживании авиационной промышленности с предоставлением кредита, обучением персонала и т.д. При этом на первых порах завод мог бы начать лишь собирать самолеты из частей, которые поступали бы из Советского Союза. Был разработан очень трудный для нас вариант, который предусматривал поступление первых собранных в Египте самолетов МИГ-21 уже через год (!) после начала работ.

Когда доложили эти предложения Садату, он их не принял, его не устраивали ни тип самолета, который он считал устарелым, ни сроки – ведь еще англичане пообещали начало выпуска собственных конструкций через полгода! Садат не принял нашего предложения, не могло, конечно, ничего получиться из других вариантов, завод так и оставался в бездействии. А между тем прими он наше предложение, то к моменту Октябрьской войны в 1973 году Египет уже второй год производил бы собственные истребители МИГ-21, был бы заложен фундамент современной авиационной промышленности, завод мог бы думать о переходе на другие типы самолетов.

Азиз Сидки часто советовал мне в тех случаях, когда предстоит разговор с Садатом по какому-либо вопросу, связанному с экономикой или техникой, не пытаться разъяснять эти вопросы Садату, тем более если общий вывод может быть воспринят им как не удовлетворяющий его. В этих случаях он просил, чтобы я информировал обо всем его, Сидки, а уж он найдет способ и метод, каким следует изложить дело Садату с тем, чтобы не вызвать ненужную быструю отрицательную реакцию. Или же в таких случаях ссылаться на то, что все эти вопросы будут доложены Сидки, который уж разберется, что к чему.

Да и в военных делах, где Садат считал себя специалистом, он часто попадал впросак. Так, например, во время Октябрьской войны он требовал, чтобы Советский Союз поставлял Египту тяжелые танки Т-62... самолетами, требовал присылки понтонно-мостовых парков также самолетами!

Его часто обманывали люди из окружения, подсовывая неправильные данные о состоянии военных поставок, они «доказывали», что у Египта мало, например, боеприпасов, а их между тем было так много, что иногда негде было хранить. Они предлагали делать такие заявки на поставки из Советского Союза военной техники, которые превосходили все годовое производство нашей страны, т.е. были просто безграмотные. Садат их послушно повторял, в том числе и при встречах на самом высоком уровне. Когда ему отказывали, но не верил объяснениям, считал, что его обижают потому, что ему не доверяют.

Вообще тема о доверии наряду с вопросами поставки военной техники была главной в его разговорах со мной. Так же, как и на каждой встрече он затрагивал вопрос о военных поставках, так же часто фигурировала тема о том, что ему, дескать, в Советском Союзе не доверяют. Что он понимал под этим, сказать трудно. Ведь он сам прекрасно знал, что нам кое-что, если не многое, известно о его истинных настроениях в отношении Советского Союза, о его шагах в сторону американцев, наконец, о его некрасивом поведении в отношении советских руководителей. Конечно, он понимал, что ему никто в таких условиях доверять не может и не будет. Во всяком случае, если и есть такая проблема доверия в такого рода отношениях, то она, разумеется, не имеет

такого драматического характера, который все время пытался придать ей Садат.

Садат сам сознавал, что он неискренен в отношении Советского Союза и именно в виду этого обстоятельства он все время ныл, что ему в Советском Союзе не доверяют, рассчитывая, что, конечно, последуют отрицания, а ему этого только и надо. Он получит заверение о том, что ему «доверяют», значит, он опять может обвинять нас в том, что ему не доверяют. Это кажется странным, но такова логика его поведения, так сказать, «восточная логика».

Вместе с тем, будучи подозрительным по своей природе заговорщика, Садат проявлял во всю это качество к Советскому Союзу. Он не мог представить себе, что Советский Союз может честно выполнить свои обязательства, какими трудными для него они бы ни были. Он не мог поверить, что Советский Союз не пойдет на «сговор» с США, коль скоро Советскому Союзу обещают эру не конфронтации с США. Он сам ни в чем не верил нам. Твердя о недоверии к нему в Советском Союзе, сам Садат не только не доверял, но и не верил нам.

Он был, несомненно, рад, что на похороны Насера прибыла представительная советская делегация и что Советский Союз фактически поддержал его, когда решался вопрос, кому быть президентом Египта. В те дни Садат был откровенен, демонстрировал свою дружбу напоказ всем. Если поглядеть на него, не было в Египте человека, кто бы так не выступал за дружбу с Советским Союзом, не клялся в верности этой дружбе. Кстати, он тогда же выразил большое удовлетворение моим назначением послом в Каир и немедленно заверил, что хотел бы встречаться со мной как минимум каждую неделю, регулярно, «по понедельникам»(!). Садат ни на минуту не отходил от А.Н. Косыгина во время похорон и, взявши его за руку, вместе с ним встал в первый ряд участников траурной процессии.

Но вот он совершил свой первый визит в Москву, так называемый секретный визит в начале апреля 1971 года. Об этом стоит рассказать подробнее, поскольку именно с этого визита более ясно определился стиль отношения Садата к Советскому Союзу.

К началу весны 1971 годы требования Садата о поставке вооружения стали все более настойчивыми, причем характеристика

боевого состояния египетской армии все время подавалась им в темных тонах, говорил, что нет того-то, нет боеприпасов и т.д. Все выглядело так, как будто Насер оставил в наследство неоснащенные вооруженные силы, что, конечно, не соответствовало действительности. Все это раздувалось и падало на хорошо подготовленную почву, поскольку сам Садат решил сделать этот вопрос главным в своих отношениях с Советским Союзом. С тем, чтобы оказать еще более сильное давление, придать, так сказать, драматизм ситуации, он обратился с просьбой принять его в Москве с «секретным визитом». Не знаю, зачем ему понадобился именно «секретный визит». Может быть, сыграла роль аналогия с «секретным визитом» Насера в Советский Союз в феврале 1970 года, в результате которого Египет, действительно, получил новые противовоздушные ракетные установки. Насеру тогда удалось с трудом, но уговорить советское руководство на посылку в Египет на временной основе советских расчетов на эти ракетные зенитные установки, которые должны были находиться там впредь до подготовки в Советском Союзе египетских расчетов.

Согласие на такую «секретную» поездку Садату было дано. С нашей стороны были приняты меры, чтобы визит действительно носил «секретный» характер (однако уже через месяц или два Садат всем рассказал об этом «секретном визите»).

За Садатом был прислан по его просьбе самолет Аэрофлота, который был посажен на военном аэродроме в Кайро-Уэст. Время отлета было назначено на 5 часов утра. Садат прибыл на автомашине, за рулем которой сидел Сами Шараф, на заднем сиденье находились военный министр Фавзи и Шаарави Гомаа. У Садата был весьма комичный и потрепанный вид – в каком-то демисезонном пальто, в шляпе, которую он никогда не носит, да еще в темных очках. В таких же темных очках были и Сами Шараф, и Гомаа – чтобы не узнали, как шепнул мне Сами Шараф.

Самолет был отогнан на отдаленную, скрытую от любопытных взоров стоянку, за какими-то холмами. И, конечно, никто не подумал о такой «мелочи» – как взобраться в самолет, ведь на этом аэродроме никаких пассажирских трапов нет. Поэтому с помощью ящиков было сооружено некое подобие лестницы, да и то до входной двери самолета оставалось еще сантиметров сорок. Пришлось помогать втаскивать президента в самолет. Был, откро-

венно говоря, и смешно и грустно – зачем весь этот детский маскарад?

Когда самолет поднялся в воздух и Садат попросил позавтракать, оказалось, что нет не только его любимого сыра, но даже и молока. Пришлось самому делить со стюардессами все, что было на борту, чтобы организовать мало-мальски приличный завтрак. Садат лег спать.

В Москву прибыли часа в три дня, без всяких церемоний проследовали в Кремль, где начались переговоры. Описывать их дело трудное и долгое. Говоря кратко, Садат был явно не в духе. Ни на какие шутки не реагировал, раздражался по любому поводу, а поэтому ничего путного сказать, как он намерен сдержать свой лозунг о том, что 1971 год будет «решающим» в ближневосточном конфликте и вообще, что значит это выражение – «решающий год». Он говорил о невыносимости положения и требовал самого современного оружия для нанесения ударов по глубине Израиля. Каких-нибудь серьезных планов у него не оказалось. Он лишь твердил, что любые военные планы составить самое легкое дело, было бы принято «политическое решение» и т.д. Советским руководителям пришлось осторожно вести беседу, направлять ее в деловое русло.

Наконец, казалось, вопрос был улажен – было дано согласие на направление в Египет бомбардировщиков ТУ-16 с советскими экипажами, но, разумеется, под советским командованием. Это последнее, само собой разумеющееся условие, вызвало почему-то сильнейший припадок раздражения Садата. Он категорически отказался принимать эти бомбардировщики. Ему пытались рассказать, что и все советские военные в Египте находятся под советским командованием, что иначе и быть не может, поскольку они советские, а не египетские военнослужащие, и не наемники и не добровольцы – Садат не хотел ничего слушать. Он заявил, что сейчас же немедленно отправляется обратно в Каир, прямо из Кремля, ни о каком товарищеском завтраке и слышать не хочет, покушает в самолете и т.д. Он явно демонстрировал свою обиду, которая, откровенно говоря, была ничем не вызванной и большинству непонятной. Садат закусил удила, и его еле удалось все-таки уговорить пообедать в кругу советских руководителей. Обед немного сгладил у него настроение, но только внешне. Сидевший

со мной египетский посол в Москве Мурад Галеб сокрушенно разводил руками и все спрашивал: «Ну, что это такое, Владимир, ну, что его укусило, как можно так вести себя?» Галеб на своем веку повидал многое, но такого еще не видел.

Прямо из Кремля, действительно, пришлось лететь обратно в Каир. После скандала, учиненного мною Аэрофлоту за плохую организацию питания в полете из Каира в Москву, на этот раз на обратный рейс все было подготовлено по высшему классу. И я, конечно, решил попытаться хотя бы немного выяснить, в чем же было дело, что привело Садата в неистовство и сорвало наметившийся было отличный для него исход всех переговоров.

Садат в самолете сразу же прошел к себе в салон. Ко мне подошли Гомаа и Фавзи и начали перепроверять, действительно ли Садат отказался принять бомбардировщики, хотя они так оба настаивали передо мной об их присылке. Они пытались представить дело так, что якобы все-таки была достигнута договоренность об их присылке. Мне пришлось их разочаровать и напомнить, как сам президент категорически заявил, что он не примет эти бомбардировщики.

Через некоторое время Садат пригласил всех к себе в салон, чтобы вместе поужинать. Он, видимо, как и я, хотел поговорить, чтобы несколько прояснить обстановку. Поскольку было холодновато, я предложил выпить водки, что, разумеется, было принято.

После хорошего обеда с вином удалось навести разговор и на результаты визита. Садат вновь подтвердил, что он изменил свое намерение и не согласится никогда на пребывание в Египте советских военнослужащих, которые не подчинялись бы ему, а то, что Насер на это пошел – это дело прошлое. Такие высказывания президента повергли в изумление Фавзи и Гомаа – ведь советские военнослужащие находились на этих условиях в Египте. Но не это меня поразило.

Выпив изрядно, Садат вдруг сказал мне вне всякой связи с разговором: «Вот я к ним и приехал! Приехал как президент! Я хорошо помню, как однажды я был с Насером в Москве. В то время я занимал пост вице-президента. На завтраке в Кремле ваши руководители начали демонстративно расспрашивать Насера, а кто же в Египте, так сказать, второе лицо, после президента. А я

сидел тут же, рядом, они не могли не знать, что я второе лицо. Вот теперь я и приехал к ним как первое лицо, как президент!» Столько было обиды в этих словах, они шли откуда-то изнутри его, ему надо было высказать это мне: и его торжество, что он стал президентом, и неприязнь к советским руководителям, и мнимую обиду как причину того, что случилось во время переговоров.

Я, конечно, пытался всеми силами разубедить Садата, но напрасен был мой труд, он все повторял и повторял, усмехаясь и глядя в одну точку, куда-то в пространство: «Вот я к вам и приехал». Из этой поездки Садат вынес твердое убеждение, что ему в Москве «не доверяют».

Поведение Садата в Москве, конечно, обострило его отношения с насеристами, тем более, что их линия состояла в том, чтобы вовлечь Советский Союз как можно больше в ближневосточные дела, даже ценой конфронтации с США. Садат же повел линию на то, чтобы освободиться от насеровского наследства. Произошли известные события в мае 1971 года, которые также отражают и отношение Садата к Советскому Союзу.

У меня, например, нет сомнений, хотя и не имеется прямых доказательств, что одним из результатов этой акции Садата должна была быть компрометация Советского Союза как силы, якобы стоявшей на «заговорщиками». Что можно сказать по этому поводу?

Садат недаром посылал в Москву также с «секретным визитом» Шаарави Гомаа, а на XXIV съезд КПСС он послал делегацию в составе первого секретаря ЦК АСС Абу Нура и Сами Шарафа. Он настаивал, чтобы эти люди были приняты в «секретном» порядке Л.И. Брежневым. Вопросы которые Гомаа и Сами Шараф ставили, были те же самые – нужны дальние бомбардировщики для нанесения ударов по глубинным районам Израиля. Таким образом, создавалось впечатление о постоянных контактах Москвы с некоторыми лицами из его тогдашнего окружения. Как известно, все эти лица вместе с другими в середине мая были арестованы и приговорены к смертной казне, замененной каторгой на срок в 25 лет.

Почему-то вспоминается и другое. И об этом надо рассказать подробнее. После вручения президенту своих верительных грамот во время моей беседы с ним в качестве советского посла я напомнил о его пожелании еженедельно встречаться со мной, отметил, что это пожелание разделяется советским руководством и поэтому я всегда готов к этим встречам и жду сообщений от президента. Садат фактически ничего не ответил на это. Через некоторое время я в другой форме затронул этот вопрос, понимая, что в Москве ждут этих встреч, поскольку А.Н. Косыгин доложил Политбюро об этой договоренности с Садатом. Садат опять ничего не ответил, и я решил не беспокоить его.

Через несколько дней меня пригласил Сами Шараф, бывший тогда фактически начальником всех разведок – гражданских и военных. Он сказал, что знает о высказанной президентом идее о встрече с совпослом каждую неделю, но прежде, чем начать эти встречи, президент поручил ему, Сами Шарафу, ознакомить меня с некоторыми вопросами, ввести, так сказать, в курс дела по некоторым проблемам.

Далее Сами Шараф заявил, что незадолго перед смертью президент Насер пригласил к себе Садата, Сами Шарафа, Гомаа и Фавзи. Он сказал им, что этой группе поручается управление государством в случае каких-либо обстоятельств непредвиденного характера, им же поручается заботиться о дружбе с Советским Союзом, как главном звене всей внешней политики страны. Далее Сами Шараф сказал, что группа крепко держит власть и начал рассказывать о том, что у него есть данные подслушивания и другого характера на многих египтян, и что в Египте имеется очень много рук, которые хотели бы дотянуться до его, Сами Шарафа, горла. Все это меня насторожило, сия «откровенность» была мне немного непонятной, непонятно было и главное – зачем мне все это нужно говорить. Почудилось, что эти люди просто набивают себе цену.

Таких бесед с Сами Шарафом было три или четыре, это были, так сказать, своего рода лекции, а встреч с Садатом все не было. Наконец, когда состоялась первая встреча, мне удалось заметить Садату, что я усердно посещаю лекции, которые мне читает Сами Шараф. Садат сказал, что он это знает.

Обстановка в стране обострялась, становились видными противоречия Садата с окружавшими его насеристами. Это меня беспокоило еще и потому, что получалось так, что Садат меня не принимает, в то же время меня приглашают для бесед другие го-

сударственные деятели, от встреч с которыми я не могу уклониться в силу их служебного положения, но все эти деятели находятся как бы в оппозиции к президенту. Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы добиться новой встречи с Садатом. Конечно, для встречи было и серьезное дело, но в этот раз я задал ему вопрос: кого он считает своими лучшими друзьями, с кем я мог бы говорить так же откровенно, как с ним – президентом?

Садат внимательно посмотрел на меня и сказал, что его самыми лучшими друзьями являются Шаарави Гомаа, Фавзи и Сами Шараф.

Прошло некоторое время, положение с моими беседами не менялось, меня вновь это тревожило. Снова при встрече с Садатом задал ему вопрос о его самых близких людях, он вновь назвал те же фамилии. Я со своей стороны старался хотя бы в общей форме всегда информировать Садата о моих встречах с этими египетскими государственными деятелями. К моему удивлению, Садат неизменно отвечал, что он знает об этих встречах и о их содержании.

11 мая во время встречи с Садатом, когда в Египте уже чувствовалось беспокойство, как говорят, что-то носилось в воздухе, это «что-то» заставило меня вновь задать президенту вопрос – кто ваши лучшие друзья, с кем я могу быть так же откровенен, как с вами. Садат вновь назвал фамилии Гомаа, Фавзи и Сами Шарафа, однако на этот раз он спросил, почему я часто задаю такие вопросы. Я ответил, что хочу быть уверенным и осторожным, к тому же число близких к президенту людей, как известно, уменьшается. Садат сказал, что мне нечего опасаться.

Через два дня, 13 мая, он арестовал Гомаа, Фавзи, Сами Шарафа и остальных насеристов по обвинению в измене!

Летом того же года я случайно встретился с известным журналистом Хейкалом, для которого, казалось, не было никаких тайн в государстве. К этому времени уже стало известно, что Сами Шараф якобы писал из тюрьмы Садату покаянные письма, в которых утверждал, что его подстрекали против президента министр иностранных дел Риад, советский посол и главный советский военный советник! Я выразил свое возмущение Хейкалу и рассказал о своем поведении накануне тех драматических событий. Хейкала все это заинтересовало. Он предложил мне прослушать находящуюся у него магнитофонную пленку с записью моего разговора с Сами Шарафом 9 мая – последний раз, когда я виделся с Сами Шарафом и передал ему фотографии, сделанные на XXIV съезде КПСС и при встрече с Л.И. Брежневым. Я упомянул Хейкалу, что и об этой встрече я рассказал Садату, однако усомнился, действительно ли была встреча записана на пленку.

Хейкал напомнил о содержании этого разговора: во время беседы Сами Шараф утверждал, что нет уверенности в поведении президента в отношении американцев и их самих. «Мы не знаем, что сделает президент в ближайшие час – полчаса», – говорил Сами Шараф. Я подтвердил, что действительно Сами Шараф говорил это.

«А дальше, – сказал Хейкал, – Сами Шараф спросил вас – что нам делать с президентом». Действительно, Шараф задал такой провокационный вопрос, и я хорошо помню, как я весь насторожился. «А что же ответил я»? – спросил я Хейкала, желая окончательно проверить, достоверна или нет его версия о том, что все мои разговоры были записаны на пленку.

«А вы ответили следующее, – сказал Хейкал, – это ваш президент и вы должны его поддерживать, сплотиться вокруг него, быть вместе с ним».

Правильно, я действительно, сказал это.

«Садат, слушая это место из записи, – продолжал Хайкал, – а говорили вы ведь по-английски, – ударил с досады в ладоши и воскликнул: “Эх, не сорвался посол, по острию ножа ходил!”».

Меня это чрезвычайно тогда удивило. Я спросил Хейкала: «А чего же ожидал президент, каких моих слов он хотел слышать»?

«Не знаю, – сказал Хейкал, – у меня сложилось впечатление, что он ожидал с вашей стороны слов, поддерживающих “заговорщиков”».

«Но ведь этого не могло быть с моей стороны!» – воскликнул я.

«Да, вы правы, – ответил Хейкал, – но вы мало знаете Садата. Он хотел видеть в вас заговорщика, тогда все ему было бы понятно, к тому же письмо Сами Шарафа, несмотря на всю абсурдность его “обвинений”, оставило след где-то в голове президента».

Переведя позднее всю эту историю на другой язык, давая ей, так сказать, квалификацию, я понял, что Садату нужны были ком-

прометирующие Советский Союз данные. Он должен был любыми способами доказать, что Советский Союз против него, стоит за «заговорщиками». Тогда бы у него оказались развязанными руки для любых маневров с американцами.

После ареста «заговорщиков» Садат явно рассчитывал на охлаждение с Советским Союзом, ведь именно к этому времени относится начало его личных контактов с американским президентом, начало энергичных требований американцев об удалении «советского присутствия» в качестве «платы» за возможные шаги США в области ближневосточного урегулирования.

Однако Советский Союз сделал правильный дипломатический и политический ход. Дело было не в Садате, а в судьбе Египта – самой крупной арабской страны, судьбе его народа, его прогрессивных преобразований. Ослабления отношений Советского Союза с Египтом ждала прежде всего международная реакция, особенно США.

После майских событий Садат, скорее для маскировки, в беседах со мной подчеркивал желание побеседовать с кем-либо из советских руководителей, но только в Каире. Он, видимо, рассчитывал на то, что после событий, которые во всем мире были расценены как недружественные Советскому Союзу, советские руководители из чувства обиды не согласятся на приезд в Каир. Я, конечно, мог обещать ему лишь, что передам его пожелания в Москву. А в Москве, конечно, было нелегко решить этот вопрос, требовалось время на раздумье. Видя, что из Москвы немедленного ответа нет, Садат начал говорить мне, убеждаясь, видимо, в правильности своего расчета, что, вот, не мешало бы и заключить с Советским Союзом Договор о дружбе. Он хорошо знал, что идея о заключении Договора о дружбе была выдвинута еще Насером, который вообще предлагал, чтобы Египет был принят чуть ли не в систему стран Варшавского пакта, во всяком случае, просил, чтобы Советский Союз рассматривал Египет как одну из социалистических стран. Садат и здесь также рассчитывал на наш отказ.

Но решение в Москве было принято другое, не то, которое ожидал Садат. В Каир прибыл Н.В. Подгорный, который сообщил Садату, что его пожелания о заключении Договора о дружбе и сотрудничестве принимаются! Это было ударом для Садата, он никак не ожидал такого шага. Первоначально он начал было говорить, что лучше бы вроде подождать, но потом, поняв, что его игра раскрыта, сделал вид, как будто «ничего не случилось», попросил времени для совещания со своими новыми коллегами, и согласился. Я хорошо помню, как провожал его после беседы. Мы ехали вдвоем в тесном лифте после встречи с советской делегацией. В руке Садат держал свернутый в трубочку врученный ему только что проект договора. Глаза его были где-то далеко, смотрели невидяще. Я обратил его внимание на документ, ведь внизу его могут встретить корреспонденты. Садат суетливо сунул проект во внутренний карман…

Хотя Договор был заключен по просьбе, даже фактически по настоянию самого Садата, это не помешало ему позднее заявлять, что Договор ему был, якобы навязан путем обещания о посылке дальних бомбардировщиков! Он прямо говорил, что, дескать, русские боялись, как бы он не убежал к американцам и поэтому решили связать его Договором. Ну что ж, пусть интерпретирует как хочет, во всяком случае, Договор действительно явился большим ударом по планам американцев овладеть Египтом уже в 1971 году.

Когда до конца 1971 года в Египет оказалось невозможным по техническим причинам поставить все обещанные ему самолеты МИГ-21, Садат вновь стал разыгрывать старую пьесу о доверии, подозрительность его усилилась, он по-прежнему искал повода для ухудшения отношений. Тут были и многочисленные случаи провокационного поведения в отношении советских военнослужащих и компании в печати, и придирки в вопросах экономических отношений, и многое другое. Жизнь наша в Египте всегда была какая-то тревожная, вечно начеку, в ожидании новых провокаций, постоянно приходилось думать о том, как бы не дать ни малейшего повода для них. А советская колония-то была велика – более 15 тысяч человек, вместе с военными.

Решение Садата отказаться вообще от услуг советского военного персонала летом 1972 года, его решение об их немедленном отъезде, принятое в оскорбительной для нас форме, вполне укладывается в его характеристику. Можно смело утверждать, что Насер, например, никогда бы не принял такого решения, а если бы он счел необходимым отказаться от услуг советских военных специалистов, то сделал бы это так, как подобает союзникам, а не

врагам. А Садат так представил дело, как будто советские военные были чуть ли не навязаны нами Египту, хотя он хорошо знал, каких больших усилий стоило Насеру убедить советских руководителей принять решение в феврале 1970 года о направлении советского военного персонала в Египет.

Срок отъезда многотысячного коллектива Садат назвал в неделю. Более всего интересны, конечно, обстоятельства, в которых он не только принял, но объявил мне об этом своем решении, а оно, конечно, нанесло непоправимый при его правлении ущерб советско-египетским отношениям. Садат действительно показал, что ему ни в коем случае нельзя доверять!

В июне 1971 года Садат обратился к советскому руководству с рядом вопросов, которые были сформулированы весьма расплывчато, но сквозь туман которых все же проглядывался какой-то провокационный смысл, а именно: как мы оцениваем обстановку, которая может сложиться к осени года, и если возникнут военные операции на Ближнем Востоке, то до какой степени он может рассчитывать на Советский Союз; к тому же опять содержалась просьба об оружии «возмездия» и т.д. Конкретно эти вопросы сформулированы не были и никакой срочности собой не представляли, но заданы они были перед самым визитом Никсона в Советский Союз и наверно были рассчитаны на то, чтобы поставить Советский Союз в неудобное положение.

Садат несколько раз интересовался, не получен ли ответ, и я каждый раз отвечал, что как только он будет получен, я немедленно передам его президенту. Попутно мне пришлось уточнять, в чем же видит президент срочность своих вопросов, да и само существо их.

Наконец, было получено ответное послание президенту. Конечно, оно было не в том духе, в котором ожидал его Садат. Это было ясно после первого прочтения, и я выразил это моим товарищам, но исполнять поручение надо.

Я посетил Садата на этот раз во дворце Тахра. Внешне он был уже мрачен. Через переводчика содержание ответного послания было изложено президенту. Конечно, в нем были и места, которые он не мог хорошо воспринять, как например об антисоветской кампании в египетской печати, о действиях реакционеров

против прогрессивного строя Египта, о необходимости укреплять отношения не на словах, а на деле и т.д.

Садат выслушал послание без комментариев, и когда изложение его было окончено, он спросил ядовито вежливо: «Это все?». Я сразу почувствовал, что приближается гроза. Поскольку в послании ничего не говорилось о положении с рассмотрением его просьб относительно новых военных поставок, а лишь упоминалось, что они рассматриваются, я решил довести до сведения президента последние данные о военных поставках, которые я имел и которые показывали, что часть его просьб уже выполнена, часть выполняется, а в общем дела обстояли действительно неплохо.

Садат выслушал и это, а затем снова спросил тем же ледяным тоном: «Это все?». Это было, действительно, все, и я сказал, что да, это все, что у меня есть для президента.

Садат тогда после короткой паузы начал говорить четко и холодно. Он просит передать в Москву, что будет продолжать борьбу против Израиля, что он останется другом Советского Союза, несмотря на наше «поведение», но что он принял решение о немедленном прекращении миссии советских военных в Египте – советников и персонала в боевых частях.

Конечно, его заявление было как гром с ясного неба. Первая мысль, которая появилась у меня, состояла в том, не шантаж ли это. Если нет и он излагает свое решение серьезно, то когда же он принял его: сейчас или ранее – ведь он не мог знать содержание послания, которое я ему только что изложил. А если он принял свое решение ранее, то почему мы не могли об этом знать или во всяком случае догадаться? А если решение принято только сейчас – после ознакомления с ответным посланием, то каков же руководитель этого государства, понимает ли он, каковы будут последствия этого его решения, как оно будет воспринято в Москве, наконец, во всем мире. Ведь это не только ослабление вооруженных сил Египта, это удар по советско-египетским отношениям, такое бесцеремонное поведение, действительно, трудно простить. С кем он все это придумал, неужели один? Я решил дать возможность президенту отступить, поправить дело.

Я ответил, что, конечно, передам предложение президента в Москву, но хотел бы заметить, что советские военные находятся в Египте не по своей воле, они прибыли после удовлетворения на-

стойчивой просьбы Насера и исключительно на временной основе…

Садат перебил меня и сказал, что он не вносит предложения советским руководителям о прекращении функции советских военных в Египте, он сообщил свое решение о прекращении и оно обсуждению не подлежит. Было ясно, что президента опять «занесло».

Я снова в другой форме пытался навести Садата на мысль о необходимости предварительной консультации с советскими руководителями, не отрицая, конечно, неотъемлемого права Египта принимать любые решения, которые касаются его суверенитета, в данном же случае пребывание советских военных было делом совместного решения двух стран, результат согласованных действий и т.д.

Однако Садат вновь подтвердил, что возврата к прежнему положению нет, он принял твердое решение. Далее он начал в издевательском тоне говорить о советских военнослужащих в Египте, видимо, для того, чтобы разозлить меня, спровоцировать мою резкую реакцию. Я инстинктивно почувствовал, что именно сейчас мне нужно быть как можно спокойнее, не подавать виду, что у меня разыгрались эмоции, но и не уступать Садату в тех случаях, когда он издевается над нашей страной и ее людьми.

Я вежливо ответил президенту, что советские люди прибыли в Египет не по своей воле, они были посланы и выполняли своей интернациональный долг помощи египетскому народу в самое трудное для него время. Часть из них отдала свои жизни в борьбе против общего врага на египетской земле, многие утратили свое здоровье, но, тем не менее, все советские люди с честью выполняют свои обязанности перед своей родиной и перед братским египетским народом. Конечно, они не заслуживают тех унизительных оценок, которые им дал только что президент.

Садат решил еще больше накалить атмосферу – затронуть советских руководителей и меня лично. «Что же мне еще остается делать, – почти вскричал он, – когда вы принесли мне такую бумажку, которая годится лишь для того, чтобы подтереть ею пол?»

Я ответил президенту, что я принес ему не «бумажку» для подтирки пола, а послание советских руководителей, руководителей страны, которая является союзником Египта и его народа, и

поэтому я прошу не говорить мне таких вещей, которые могут быть оскорбительны для советских людей.

«Как вы думаете, что сделал бы Сталин, если бы английский посол во время войны принес ему послание аналогичное тому, которое принесли мне вы?» – вскричал он.

Я понял, что, конечно, никакого разговора не получится, президент зашел слишком далеко и может наговорить еще много такого, что будет совершенно напрасным и лишь затруднит все дело в дальнейшем.

«Господин президент, – ответил я, – я не английский посол и принес Вам послание не от английского правительства. Есть ли у вас еще вопросы для обсуждения или для передачи в Москву? Если их нет, то, видимо, мне можно удалиться».

Садат сказал, что у него нет больше ничего. Я поклонился и вышел.

Известие о решении Садата всполошило, конечно, его ближайшее окружение, в том числе и премьер-министра Азиза Сидки. Все те люди в руководстве страной, которые еще дорожили отношениями с Советским Союзом, ясно почувствовали последствия, к которым приведет этот шаг Садата. Садат делал явную уступку американцам, требовавшим удаления советского «присутствия» на Ближнем Востоке, особенно военного, он давал им аванс, показывал, что может пойти на крайние меры в отношении Советского Союза.

Последовавшие затем попытки Азиза Сидки несколько сгладить впечатление с помощью срочной поездки в Москву, во время которой он пытался уговорить нас представить все дело так, как будто решение об окончании миссии военных было предметам двусторонней договоренности, не имели успеха. Садат не соглашался на то, чтобы окончание работы советских военных было бы произведено постепенно, в согласованный с нами срок, примерно в два-три месяца. И конечно, на него не произвел впечатление наш основной довод в пользу такого решения, а именно: не давать пищу врагам Египта для злорадства. Ведь для него, видимо, в этом и заключался весь смысл этой акции: открыто просигнализировать американцам о том, что он готов к сотрудничеству с ними.

Что представлял собой этот шаг Садата: проявление неуравновешенности характера или глубокий расчет в своих действиях?

Я думаю, здесь были обе вещи: в первую очередь, конечно, принятое заранее решение о выводе советских военных из Египта, потому что без этого американцы и не обещали никакого своего вмешательства в ближневосточные дела. Они прямо говорили, в том числе новый государственный секретарь Киссинджер, что главная цель США на Ближнем Востоке состоит в «изгнании» русских.

С другой стороны, проявились и его специфические черты характера. Он посчитал, что именно момент получения им ответного послания от советского руководства является наиболее подходящим для объявления нам его решения о советских военных. Потому что это должно сильно задеть чувствительность советских руководителей, следовательно, его акция, как он задумал, будет более сильно ощущаться в Советском Союзе, и его могут даже за это больше уважать, за такую, так сказать, смелость.

Садат часто не стеснялся говорить исключительно грубые слова о советских руководителях в кругу таких людей, которые наверняка постараются сообщить нам об этом. Он прекрасно знал, что все это должно дойти до Москвы.

После решения о военных Садату пришлось, конечно, как то объяснять свое поведение перед разными слоями египетского общества. Конечно, перед различной аудиторией он говорил поразному, но общим в этих его выступлениях было одно. Советский Союз плохо относился к Египту, т.е. к нему, не держал своего слова, сговаривается с американцами и т.д. Одним словом, он переносил на нас все самые плохие черты собственного характера и поведения. При этом он пошел на разглашение конфиденциальных посланий, с которыми к нему часто обращались советские руководители! Весь смысл поддержания таких контактов тогда терялся, он как бы говорил нам, что он не хочет таких посланий.

Действуя в духе типично восточных царьков, Садат передал, что он больше не будет принимать советского посла, и если у посла будут поручения передать президенту какие-нибудь послания, то это посол может сделать, вручив их премьер-министру или министру иностранных дел. Он явно хотел и этим путем дать понять, что «обижен» (чем?) и перестает вести конфиденциальную переписку с советскими руководителями.

Постепенно отношения снова вроде бы выровнялись, хотя бы на поверхности, президент снова стал принимать посла и передавать и получать послания. Ларчик открывался очень просто: американцы «проглотили» аванс, данный им Садатом в виде удаления советского военного персонала из Египта, цена им показалось малой, они по-прежнему ничего не делали для разрешения арабо-израильского конфликта. Дело было в прогрессивном правительстве, возглавляемом Азизом Сидки, которое находилось тогда в Египте.

Тем временем Садат, а скорее военное руководство страны, ясно почувствовали, что отъезд советских военных привел к резкому ухудшению состояния вооруженных сил, большое количество современного сложного вооружения стало выходить без надлежащего ухода из строя. Скрепя сердце, Садат согласился со своими военными, которые предлагали обратиться к Советскому Союзу вновь за помощью…

Весной 1973 года Садат убрал Сидки с поста премьер-министра, совсем со всех государственных постов был уволен Зайят. Садат сам стал не только президентом, но и главой правительства, и «Верховным правителем».

Летом этого года он внезапно «потребовал», именно потребовал, иначе не назовешь его действия, приезда в Каир председателя Комитета госбезопасности тов. Андропова. Причин он не объяснял, просто так – поставил вопрос о приезде и все, как будто вызывал к себе на доклад. Поскольку ответа не приходило, Садат начал нервничать. Меня пригласил к себе военный министр Ахмед Исмаил Али, он также поинтересовался, почему нет ответа. Я ему ответил, что не знаю, но одновременно обратил его внимание на то обстоятельство, что приглашение было послано не как обычно через советского посла или египетского в Москве, а, как мне сообщили, в виде личного письма военного министра. Конечно, может быть ответ надо было и ускорить, для этого все-таки было бы полезным тов. Андропову знать, в связи с чем он приглашен в Каир. Министр сказал, что он хорошо это понимает, но в этом приезде заинтересован президент. Кое-что должно в ближайшее время произойти в Египте, сказал он, что может быть неправильно понято вами, коммунистами, в Советском Союзе, кроме того, есть ряд вопросов, относящихся к положению в Египте и

связанных с деятельностью того учреждения, которое возглавляет т. Андропов. Я, конечно, выразил свое удивление, но министр заметил, что он и так уже сказал больше того, что мог говорить. Разговор закончился.

Садат решил, видимо, провести большую провокацию: пригласить видного советского руководителя, объявить ему об отстранении со своих постов ряда прогрессивных деятелей в Египте, а заодно изложить ему свои выдуманные «претензии» по поводу того, что за многими выступлениями рабочих, студентов и прогрессивней интеллигенции якобы стояли «люди Андропова», как он любил говорить. Действия Садата для прогрессивных слоев были как бы освящены Советским Союзом, он всегда мог бы ссылаться на то, что он, дескать, заранее информировал Советский Союз.

Конечно, т. Андропов не прибыл в Каир, но Садат продолжал при встречах со мной напоминать, что вот он, мол, хотел встречи с одним из членов Политбюро ЦК КПСС, ему, дескать, нужны консультации с советскими руководителями, он жаждет встречи, но с ним отказываются встречаться. Он утверждал, что все это представляет собой новую недружественную политическую линию Советского Союза в отношении Египта и т.д.

Через несколько дней я получил из Москвы указание, что в связи с просьбами Садата в Египет прибудет председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. Получив это сообщение, я почему-то почувствовал, что будет что-то неладно и, уезжая к президенту, шутя сказал своим товарищам, что могу поспорить, что Садат откажется от этого визита. Товарищи рассмеялись, такой оборот представлялся им совершенно невозможным не только по соображениям чистой вежливости, но и по политическим мотивам. Дело в том, что этот визит имел бы место как раз накануне визита Л.И. Брежнева в Вашингтон, т.е. он сильно укрепил бы позиции Египта и Советского Союза в борьбе за ближневосточное урегулирование. Он показал бы единство в отношениях между Советским Союзом и Египтом, что было нужно и нам и египтянам перед этой встречей. Одним, словом с точки зрения формы (было приглашение Садата), существа дела (время накануне новой советско-американский встречи в верхах) и простой вежливости (визит главы государства) не было оснований сомневаться в том, что визит не только состоится, но и будет весьма своевременным и успешным. Однако к Садату на Барражи почти сорок минут я ехал, почему-то раздумывая, как мне вести себя, если Садат вдруг откажется от этого визита. Невероятно, но я думал об этом, видно, срабатывала уже интуиция....

Садат после моего сообщения о предстоящем приезде высокого советского гостя вдруг тяжело задышал. Изложив послание, я со своей стороны добавил, что, по моему мнению, такой визит явится хорошим ударом по всем тем, кто хочет затянуть решение ближневосточного конфликта, по всем противникам Египта, особенно накануне советско-американской встречи в верхах.

Садат всем видом своим начал выражать, что он страдает. И, наконец, он заговорил. Он даже не поблагодарил за сообщение и решение нашего руководства. Он прямо сказал, что просит передать в Москву, что он не может принять высокого советского гостя по той причине, что он, Садат, болен, т.е. не то, что болен, но плохо чувствует себя, у него слабость, а для бесед с советским гостем ему надо будет хорошо подготовиться. Вот видите, в каком я состоянии, сказал он, натянуто пытаясь жалобно улыбнуться.

Как я ни готовился к такому обороту дела, все-таки это для меня было неожиданностью, но уж не такой большой.

Я выразил сочувствие Садату, но сказал, что он должен беречь себя, лечиться, отдыхать и что для такого состояния переутомленности иногда бывает очень полезна встреча с хорошими друзьями, которым можно «излить душу», откровенно побеседовать. А решение сложных вопросов можно подготовить и исподволь, заранее, если это, конечно потребуется – ведь можно провести встречу и без каких-либо крупных решений. Я вновь представил себе мысленно, какова же будет реакция в Москве на мое сообщение о том, что Садат отказывается от визита! Думает ли он сам об этом, что он опять принимает решение и такое важное на ходу, а может быть, он заранее принял решение?

Садат опять жалко задышал и сказал, что он так слаб, так слаб, что нет никакой возможности принять высокого гостя.

Тогда у меня мелькнула другая мысль: я сказал Садату, а не следует ли прибыть в Египет профессору Чазову, который хорошо знает состояние президента и мог бы помочь ему.

Тут Садату было уже совсем неудобно отказываться – ведь вопрос вроде бы шел о его здоровье. Да, промямлил он, я, конечно, был бы благодарен, если советское правительство могло бы направить профессора Чазова ко мне. Я поинтересовался, когда наиболее удобное для этого время, Садат ответил, что готов будет в любое время...

Вот еще один пример отношения Садата к Советскому Союзу. Как его расценить? Ведь он не был болен. На следующий же день после описанной выше встречи он поехал на фронт, где лазил но окопам, затем встречался с военными, одним словом, вовсю демонстрировал завидное здоровье. Кстати говоря, и прибывший в Каир проф. Чазов, конечно, не нашел никаких признаков резкого ухудшения здоровья президента. Да и сама эта встреча больше напоминала водевиль.

Садат попросил, чтобы Чазов прибыл к нему в тот же день, сразу же после прилета из Москвы. Никакой срочности из-за состояния здоровья президента это не вызывалось, просто он хотел поскорее отделаться от того, на что ошибочно дал согласие. К приходу Чазова не были готовы никакие анализы, хотя было бы естественным ожидать предъявление кардиограмм, анализов крови и т.д. Чазову показали кардиограмму, сделанную 6 месяцев назад, а анализ крови трехмесячной давности!

Когда Садат решил начать военные действия против Израиля в октябре 1973 года, он, по-моему, рассчитывал на другое поведение Советского Союза, чем оно было в действительности. Он, наверное, полагал, что Советский Союз будет, конечно, поддерживать Египет, но постарается поскорее прекратить военные действия, пойдет на «сговор» с США, и тогда у него руки будут еще свободнее в отношениях с американцами. Но случилось по-другому. Позиция Советского Союза во время этой войны состояла в поддержке правого дела арабов. Выяснилось, к собственному удивлению Садата, что египетские вооруженные силы были хорошо подготовлены советскими инструкторами и советниками, но самым главным сюрпризом для президента было, конечно, высокие качества и способности советской военной техники, находящейся на вооружении египетской армии.

Начиная военные действия, Садат вовсе не имел намерений пытаться решить ближневосточный конфликт или заставить Израиль покинуть оккупированные арабские земли. Нет, цель у него была намного меньшая, более узкая. Об этой цели он сообщил мне через пару дней после начала войны.

В политическом плане цель военных действий состояла в том, чтобы, образно говоря, военным путем встряхнуть обстановку, привлечь внимание к затянувшемуся конфликту, заставить мир вспомнить о неурегулированности на Ближнем Востоке и прежде всего привести в действие две великие державы. В основном, этот шаг был рассчитан на вовлечение США.

Садат, судя по всему, не ожидал столь успешных действий своих войск, которые быстро и с малыми потерями, преодолев Суэцкий канал, встали и не знали, что делать дальше. 0ни так и не наступали, хотя перед ними одно время не было серьезного противника. Дело в том, как объяснял мне Садат; что у него не было намерения отбирать захваченную территорию. В военном плане цель состояла лишь в нанесении как можно большего материального и людского урона Израилю, в демонстрации того, на что способны египетские вооруженные силы сегодня и на что, следовательно, они будут способны завтра.

В, так сказать, территориальном плане целью был захват горных проходов на Синае (Митла, Гидди). Эта цель не была достигнута, более того, как известно, в последние дни военных действий египтяне допустили прорыв израильских войск на западный берег канала, и египетская победа повисла на волоске. Как и в первые дни войны, когда действия Советского Союза обеспечили успех египетских войск, так и в эти тяжелые дни именно решительные шаги Советского Союза спасли Египет от серьезного военного поражения. Но это – тема для особого анализа. Для характеристики президента весьма характерным является его поведение во все время военных действий.

Во время военных действий мне приходилось встречаться с ним не только каждый день, но иногда и по несколько раз в сутки, в самое различное время – днем, вечером, на рассвете, поздно ночью.

Садат, вопреки своим многократным обещаниям, начал военные действия без консультаций с Советским Союзом и даже практически без предупреждения. Лишь утром 6 октября он сказал мне, что очень хотел, чтобы я находился вместе с ним в ближай-

шие часы, поскольку «могут произойти крупные события». Но тут же, поправившись, сказал, что, к сожалению, мне, видимо, придется быть в посольстве, чтобы поддерживать связь с Москвой. Кстати говоря, за несколько дней до этого, когда Садат говорил о провокационных действиях израильтян и о том, что могут произойти крупные события, я спросил его, не мог бы он информировать советских руководителей о предполагаемом развитии обстановки и о тех действиях, которые могут произойди или произойдут. Садат тогда ответил, что он **своевременно** проинформирует меня. Но, как мы видим, никакой информации он мне не сообщил.

В тот же день 6 октября часа в три он позвонил мне по простому городскому телефону прямо в резиденцию. Это было совершенно необычным делом. Садат никогда не звонил мне по телефону, тем более по простому. Я сначала даже подумал, что это мистификация. Но нет, в трубке слышался столь знакомый голос, но ликующий, торжествующий: «Сафир[1], наши войска на восточном берегу канала! Египетский флаг водружен на том берегу!». Вот так и началась война.

Садат распорядился поставить мне в посольство телефон правительственной связи такого типа, который имелся лишь у небольшого числа особо приближенных лиц. Такого типа телефона не было даже у министра иностранных дел. Часто он звонил мне по делам, не считаясь со временем, иногда часа в три ночи. Я также наиболее срочные и короткие дела передавал по этому телефону, но большинство встреч было конечно личного характера, причем в эти дни он принимал меня безотказно, немедленно, при первой физической возможности.

С началом военных действий Садат перебрался жить во дворец Тахра в Гелиополисе, куда мне от посольства было не менее 25 минут скорой езды на машине. Носил он в это время военную форму, старался говорить четко, лаконично. Вообще Садат отличается тем, что умеет четко и выразительно формулировать свои мысли. От нетерпения он часто переходит на английский язык, хотя обычно он предпочитал вести со мной беседы на арабском языке через переводчика. Переводчики всегда были советскими –

[1] Сафир (арабск.) – посол.

просто у египтян не было надежных людей и с хорошим знанием русского языка. По-английски же мы, естественно, говорили без переводчика. У Садата хорошее четкое произношение, неплохой, хотя несколько и ограниченный, запас слов, но владеет он им хорошо. Однако от английского языка он быстро устает, его хватает только примерно на полчаса.

При первых встречах у него еще была большая сдержанность в отношении нас. Когда же он убедился в искренней и бескорыстной деловой и главное, существенной поддержке Советского Союза, его отношение стало очень хорошим и иногда стало даже казаться, что, действительно, начинается новая эра в отношениях между обеими странами, президент вроде бы совсем изменился. Он и сам несколько раз говорил мне, что начинается новая отличная страница в отношениях между обеими странами, что Египет бесконечно обязан Советскому Союзу, что «придет время» – и он во весь голос расскажет об этой доблестной позиции Советского Союза всему миру. Я, правда, не удержался тогда и спросил, а почему бы уже сейчас не рассказать всем об этой позиции Советского Союза. Садат ничего не ответил, лишь заметил: «Сейчас еще рано, придет для этого время». Видимо, поведение наше было для него в какой-то степени неожиданным, поскольку оно как-то путало его планы, хотя, конечно, ему нравилось.

Во время военных действий Садат информировал меня о тех контактах, которые сразу же установились у него с американцами. Правда, это была не документальная информация, а лишь пересказ переписки в его собственной интерпретации или изложении его помощников, но, во всяком случае, это была необычная информация. На такую откровенность Садат ранее не шел. В числе этой информации было и обращение американцев к нему с предложением посреднических услуг, несмотря на то, что США фактически являлись воюющей против Египта стороной!

Я обратил на это внимание Садата и посоветовал ему в ответе американцам предложить им консультироваться с Советским Союзом, поскольку к тому времени уже стала вырисовываться возможность совместных советско-американских действий в связи с военным конфликтом. Садат на это ничего не ответил.

Отношения были с ним настолько хорошие, что удалось получить много интересных трофеев. Садат иногда даже сам спра-

шивал мое мнение о тех или иных политических шагах. Мне передавали его приближенные, что президент очень «доволен» советским послом и об этом часто говорит тем, кто его посещает. Действительно, это было хорошее время, хотя спать нам приходилось три-четыре часа в сутки, а остальное время было исключительно напряженным.

Садат, судя по всему, все-таки мало знал, что действительно происходило на фронте. Часто в ответ на мои вопросы о последних данных он говорил, что пока ничего не знает, так как не получил еще сводки из командного пункта. Были случаи, правда, отдельные, когда я информировал его о некоторых событиях на фронте, поскольку нашим товарищам удавалось получить эти данные из генштаба раньше, чем они были переданы президенту. Да он очень и не заботился о том, чтобы быть постоянно и детально в курсе дела. Общий настрой был таков, что войны – это не всенародное явления, а так сказать, профессиональное дело, «работа» военных, и они знают, что делать или что нужно делать. Часто в ответ на мои вопросы о его соображениях Садат говорил, что все это дело военных, они составляют планы и знают, как их надо выполнять.

Так было дело с израильским прорывом в конце октября. Я с тревогой обратил внимание президента на прорыв израильтян, буквально просил его вмешательства с тем, чтобы немедленно бросить крупные силы на ликвидацию этого опасного события, пока оно еще не приняло угрожающих размеров, ссылался на мнение друзей в Москве. Напрасно – Садат успокаивал меня этаким покровительственным тоном: «Не волнуйтесь, пусть в Москве спят спокойно, наши военные знают, что надо делать».

Но зато я очень хорошо помню, как он вызвал меня ночью 21 октября и, заговорив по-английски, попросил передать немедленно просьбу Л.И. Брежневу об организации прекращения огня. «Я могу воевать с Израилем, но не могу воевать с США» – сказал он. Выглядел он жалко – в помятой военной форме, куда девался его самоуверенный вид, всезнающие формулировки, покровительственный тон. Невероятное, наверно, происходило в его душе. Ему ведь приходилось **просить**!

Конечно, я постарался быть весьма внимательным и участливым к президенту, поспешил в посольство, чтобы как можно

скорее передать в Москву это обращение. Мне было поручено снова немедленно встретиться с президентом для выяснения его мнения по ряду важных деталей. Когда я позвонил президенту, мне ответили, что он уже спит! Я был поражен: в Москве не спят, а президент спокойно спит. Адъютант отказывался было будить, но я настоял, заявив, что дело сверхсрочное.

Прибыл я к нему, когда уже вставало солнце. Садат вышел из спальни в халате, весь какой-то розовый, отдохнувший, свежий, ничего в его облике не говорило о катастрофе, которую он фактически потерпел. Он был даже весел, оживлен, соглашался на все, что я ему предлагал или спрашивал. Было ясно, для него война окончилась, пусть теперь другие расхлебывают, что он натворил.

Мне вспомнилось тут же, какое упорство Садат оказывал в беседе с А.Н. Косыгиным, когда тот прибыл в Каир 17 октября, еще в ходе военных действий, для того, чтобы убедить президента в необходимости пойти на прекращение огня и использовать выгодное военное и политическое положение, которое создалось после первых дней военных действий. Садат в силу своего характера, а может быть и по расчету, сопротивлялся, все более уверенно говорил о том, что у него собираются вытащить из под носа победу, одним словом, вел себя так, как будто никакого израильского прорыва не было, а египетские войска стоят у стен Иерусалима! Конечно, Садат об этом разговоре, в ходе которого он лишь настойчиво требовал советско-американских «гарантий» вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, сейчас не вспоминал.

А затем наши встречи с Садатом прекратились. Последний раз я виделся с ним 11 ноября 1973 года, когда он стремился загладить то, что было уже сделано им в отношениях с американцами, свой крутой поворот в сторону США. Он, видимо, понял, что более удобного момента для поворота у него не будет, уж слишком велик стал авторитет Советского Союза в Египте в и других арабских странах. И это в тех условиях, когда он еще не рассказал о благородной роли Советского Союза в военных действиях Египта в октябре! Что же будет дальше, ему ведь придется говорить правду, и Садат решил искусственно омрачить отношение. Резко, без всякого уведомления Советского Союза, он повернул в сторону США. Послал Фахми в Вашингтон, радушно принял Киссинд-

жера в Каире, дал согласие на американское посредничество и на восстановление дипломатических отношений с США, прекратил нас информировать о своих контактах с США… Одновременно с этим стал домогать нас просьбами о немедленной поставке крупной партии самолетов, причем обратился с этой просьбой уже после окончания военных действий. Звонил он мне по телефону каждый день, хотя никакой срочности не было, завел свою старую песню о том, что Советский Союз, дескать, меняет свою политику в отношении Египта и т.д. Когда я его спросил, какой же резон нам менять свою политику, коль скоро мы пошли на обострение отношений с США вплоть до того, что США объявили военную тревогу на своих заморских базах, Садат ничего ответить не мог. 0н просто ничего не ответил.

А дальше пошла полоса сотрудничества Садата с США, сотрудничества демонстративного, напоказ всем. Тут были и многочисленные вояжи Киссинджера в Каир, и визит Никсона. Все это не могло иметь места без шельмования Советского Союза, без потоков лжи и полуправды в расчете на то, что мы ведь не будем публично спорить с президентом Египта по такого рода вопросам. Тут были и прямые инсинуации в адрес советского посла, который якобы давал ему неправильную информацию о положении в Сирии и обращениях президента Сирии к советскому руководству. Ведь Садат, делая такие обвинения, рассчитывал на то, что широкая публика не догадается, что любой посол, делая информацию президенту, действует по поручению своего правительства, а не выдумывает ее сам. Дело дошло до того, что Садат открыто заявил, что в урегулировании ближневосточного конфликта Египту следует полагаться на США. Как говорили мне дипломаты в Каире, президент решил «положить все яйца в одну корзину», он действовал уже как азартный, зарвавшийся игрок. А в этих делах у него порядочности нет никакой.

За время почти четырехлетнего пребывания послом в Каире мне пришлось, конечно, нелегко. Пришлось видеть президента и веселым, и грустным, и правдивым, и говорящим явную неправду, и собранным, и пьяным – разным. Был я свидетелем всех его переговоров с советскими руководителями, свидетелем его политики приближения людей, а затем расправы с ними. Садат знал также, что наше посольство хорошо осведомлено о настоящем

положении в стране и что, наверно, оно так и информирует Москву. Он видел компетентность посольства в различных вопросах – политических, экономических и, не в последнюю очередь, в военных. В виду этого ему трудно было лгать нам и еще больше советским руководителям. Поэтому в силу его характера ему не нравилось наше посольство.

Его отношение ко мне лично не было плохим и то, что пишут на этот счет американские журналисты, является их собственной фантазией. За исключением лишь того разговора, когда Садат в оскорбительной форме сообщил мне о своем решении изгнать советских военных из Египта, и мне пришлось дать хотя и сдержанный, но твердый ответ, у меня не было ни одной неприятной с ним беседы. Не всегда, наверно, эти беседы нравились Садату, это, видимо, так, поскольку Садат не мог говорить мне какую-нибудь неправду о советско-египетских отношениях или по другие вопросам. Он это инстинктивно чувствовал. Одним словом, я его знал может быть **слишком** хорошо, недозволительно для посла хорошо. Если бы президент был другой человек по образованию, развитию, может быть, и по характеру, такая характеристика советская посла могла бы быть ему, наоборот, удобной, но не для Садата.

Не любил Садат общаться и с другими советскими людьми. Мне, например, так и не удалось уговорить его принять хотя бы раз с докладом главного советского военного советника. Между тем Насер очень часто встречался с советскими военными, он правильно понимал преимущество этой независимой, но дружественной информации о положении в вооруженных силах. Ни разу Садат не дал и интервью советским журналистам, хотя с большой охотой принимал западных, особенно американских, корреспондентов.

О личных качествах президента я немного коснусь позднее. Из сделанной выше попытки описать его политическое лицо видно, насколько трудно иметь дело с руководителем такого типа. Садат пытается плыть по поверхности явлений. Говоря об интересах народа, он потворствует врагам трудового народа – египетской буржуазии. Сидение между двух стульев, между тем, никогда не было устойчивым положением. Поэтому он будет стараться продлить то, что сулит ему личную безопасность.

IV

Личные качества любого государственного деятеля, конечно, играют большую роль в характеристике его действий, придают им особое нюансы, которые также важно учитывать. Там, где существует хотя бы какое-либо подобие коллективного принятая решений, т.е. даже при любой буржуазией демократии, личные черты государственного деятеля, хотя и играют известную роль, однако их значение сглаживается тем, что в принятии решений тем или иным образом принимают участие другие деятели, они же разделяют и часть ответственности за решения.

В таком сугубо авторитарном государстве, каким является современный Египет, президент обладает практически неограниченной властью, которую он ни с кем не делит и практически может уходить от ответственности за принятые им решения. Если все обходится благополучно, значит, проявилась «мудрость» президента, если была крупная ошибка, то будет найден кто-то другой, на которого свалят всю ответственность. Вот почему личные качества египетского президента, пока эта страна не перешла хотя бы к какому-либо подобию демократии, играют преувеличенно большую роль, весьма выдающуюся роль. Ведь практически египетский президент сам решает – советоваться ему с кем-нибудь или нет, а если решает, что надо советоваться, то сам и выбирает, с кем ему советоваться.

Конечно, ни парламент, ни АСС не осуществляют сейчас никакого контроля за действиями президента. Достаточно вспомнить, как Садат поступил с теми насеристами, которые хотели давать ему советы, влиять на него. По нынешним египетским порядкам, любое проявление критики действий президента представляет собой государственную измену. Как-то раз, когда репрессивные действия президента против молодежи вызвали большое волнение в стране, Садат выступил с речью, в которой говорил о наличии... демократии в стране. Он с серьезным видом, в качестве доказательства своего тезиса, говорил о том, что ведь в стране не запрещается думать о чем угодно. Другое дело, сказал он, действия, действия должны быть только такие, которые поддерживают президента, а все, что было придумано, пусть остается

под черепной коробкой каждого, кто не согласен с властью! Вот это демократия по-садатовски.

Мы уже говорили о политических воззрениях Садата. Это, разумеется, главное в его поведении и линии, которую он проводил.

Теперь о некоторых чертах характера, имеющих значение для президента как государственного деятеля.

У меня сложилось глубокое убеждение, что на Садата большое влияние оказало то отношение, которое он испытывал к себе со стороны других его, так сказать, «товарищей» по революции. Известно, что это было всегда несколько пренебрежительное, насмешливее отношение, порожденное может быть и дружеским расположением, но мне многие люди в Египте говорили, что именно от этого отношения больше всего страдал Садат. Видимо, это обстоятельство лежит в корне того психологического желания Садата всегда быть «над собеседником», быть наверху, коль скоро он может это себе сейчас в своем нынешнем положении позволить.

У него в связи с этим велико чувство подозрительности, недоверия, даже мнительности, он быстро и бурно обижается тогда, когда, например, не поймет шутки. Вообще Садат не относится к числу людей, которые любят шутить, рассказывать анекдоты. Я, например, не слышал от него ни одной забавной истории, смешного сравнения, просто шутки. Не было этого и при встречах с советскими руководителями. Практически Садат не умеет смеяться, он лишь широко раскрывает рот и громко произносит звуки «ха-ха-ха!», а когда улыбается, то раздвигает рот в улыбке и шевелит усами, в глазах его нет искорок смеха или улыбки.

Отсюда стремление Садата всячески избегать таких положений, когда он может оказаться, так сказать, «не на высоте». Именно этим объясняется его боязнь откровенного разговора с советскими руководителями, особенно если при этом присутствуют другие люди. Он держит себя так, что поневоле понимаешь его ощущения, ощущения человека, находящегося под перекрестным обстрелом. Поэтому по важным вопросам Садат любит говорить наедине. Без ненужных свидетелей.

В моих беседах с ним, которые он строил, конечно, совсем по-другому, чем с советскими руководителями, я был для него лишь посол, низкий чин. Главная задача, которую всегда ставил

перед собой президент, состояла в том, чтобы как бы наложить свою мысль сверху, навязать свое мнение. Не убедить, а именно навязать.

Президент, например, очень не любил, когда ему приводили контраргументы, которые, может быть, и не противоречили тому, что он сам имел в виду, а были высказаны для обсуждения и, следовательно, для лучшего понимания его же собственной мысли. Он совершенно не был расположен поспорить, и даже не из-за противоречий, но для уяснения существа дела. Вступания в пререкания он старался не допускать, поскольку воспринимал контраргументы как недружественный выпад против него. Следовательно, он был упрямым.

Насер также не любил, чтобы ему перечили, однако он допускал возможность дружественного с ним спора. В марте 1970 года меня послали к Насеру со щекотливой миссией – попытаться уговорить его пойти на прекращение огня, который тогда усиленно велся египтянами во время так называемой «войны на истощение». Израильтяне практически потерь от этой громадной траты египтянами снарядов не несли, зато египтяне получали сильные ответные удары израильской авиации по египетским тылам, которые египтяне с нашей помощью только начали прикрывать. Для всех этих работ, а также и в интересах самой египетской армии было целесообразным прекратить эту бездумную стрельбу, но никто не решался предложить этого Насеру. Другой сложный вопрос состоял в том, чтобы попытаться убедить Насера дать согласие на ряд формулировок окончательных условий мира, когда будет достигнуто всеобщее ближневосточное урегулирование, о чем мы тогда вели переговоры с американцами. Некоторые формулировки Насеру было, действительно, трудно принять. Не спроста А.А. Громыко, давая мне напутственное слово перед отлетом, сказал, что если я выполню поручение хотя бы на 10%, и это будет хорошим результатом.

Поручение было полностью выполнено, Насер согласился и на прекращение огня, и на формулировки о наступлении состояния мира при достижении первой стадии отвода израильских войск. Разумеется, при условии, что окончательный вывод войск будет произведен в относительно короткие сроки, на формулировку в итоговом мирном договоре о недопущении с территории

Египта враждебных действий против Израиля в случае окончательного урегулирования (конечно, с аналогичным обязательством Израиля в отношении Египта) и т.д. Это были интересные и сложные переговоры. Но дело сейчас не в них.

Во время беседы с Насером мне пришлось поспорить. Не знаю, нарочно ли Насер вызвал меня на спор или пытался излагать свои подлинные мысли. Он стал развивать тезис о том, что весь ближневосточный конфликт представляет собой не конфликт между арабами и Израилем, а фактически конфликт между СССР и США, вроде бы арабо-израильский конфликт является производным от этого основного конфликта.

Конечно, принятие такого тезиса немедленно повело бы к неправильным выводам не только теоретического, но и сугубо практического порядка. Я сказал Насеру, что я не согласен с этим утверждением. Насер удивленно посмотрел на меня, сказал: «Вот как?» и предложил мне высказаться. Он внимательно выслушал мои аргументы, пытался выставить некоторые дополнительные соображения, но в конечном итоге согласился: арабо-израильский конфликт отражает борьбу сил национального освобождения с силами империализма, колониализма, и в этой борьбе Советский Союз не может не быть на стороне сил национального освобождения, а США на стороне сил реакции, Израиля.

Возразил, помню, ему и по другому вопросу – о ценности «войны на истощение» так, как она велась тогда египтянами. Хотя эти вопросы задевали некоторые коренные воззрения Насера, он не погнушался пойти на спор, дружеский спор, с таким небольшим деятелем, как я[1]. Позднее мне говорили из окружения Насера, что он был доволен, что разговор наш имел характер спора. Сам он, конечно, не любил, когда ему перечили, но окружавшие его люди, зная это, старались не спорить, а всегда поддакивать ему. А это вызывало у неге раздражение.

Общаясь с Садатом, я часто вспоминал совсем другую манеру Насера.

Можно ли считать, что Садат был откровенным? Я думаю, что нет. Он **формулировал** свою позицию, или свои просьбы, или соображения. Формулировал так, что именно в такой формули-

[1] В.М. Виноградов занимал тогда должность заместителя министра иностранных дел СССР.

ровке они должны быть правильными, поэтому чтобы его соображения были приняты, он заботился о том, чтобы произвести при этом нужное впечатление. Он мог подчеркнуто сказать: «А сейчас я скажу вам то, чего вы не знаете». Между тем, хотя это, возможно, и была весьма доверительная информация, однако не такого характера непостижимости, которую ей придавал президент. Чаще всего в таких случаях оказывалось, что такая информация мне известна, но я, конечно, при этом не показывал вида.

Мне также 6росилось в глаза, что Садат часто примерялся к поведению «сильных личностей», каковыми он считал Сталина и Черчилля. Не знаю, как о Черчилле, но о Сталине его познания были какие-то искаженные, односторонние, видимо, такие, которые ему лично нравились. Он часто говорил мне, что Сталин в такой-то обстановке делал то-то, а в другой то-то. Ему импонировало поведение Сталина во время битвы за Москву. В то же время, когда после ареста насеристов в мае 1971 года он на второй день, все еще бледный и смертельно перепуганный, излагал мне свою версию происшедшего, он почему-то решил утверждать, как бы в качестве доказательства правоты своих действий, что ведь Сталин «ради дела» расстрелял половину членов ЦК. Я был вынужден прервать президента и попросить его в соответствующей, конечно, форме, не говорить того, что он где-то от кого-то слышал.

Хейкал как-то мне сказал, что подражание Сталину у Садата сказывается и в том, что Садат по ночам любит смотреть у себя дома кинофильмы, причем более всего ему нравятся американские ковбойские фильмы, а также любовные мелодрамы. Хейкал рассказывал мне это во время военных действий в октябре, удивляясь, зачем Садат тратит ночами время и здоровье на фильмы, в то время как требуются громадные усилия и концентрация в связи со сложным положением на фронте. «Там израильтяне прорвались, а он смотрит кино! Ну где это видано?» – восклицал он.

Действительно, все его многочисленные резиденции оборудованы киноустановками, а если он останавливается в тех местах, которые редко посещает, то за ним следует кинопередвижка. Я видел такую, например, когда однажды Садат принял меня почему-то в здании бывшей гостиницы в Хелуане.

Во время разговора Садат пытается воздействовать на собеседника и показом своих эмоций. Он может говорить совершенно ровно, хорошо и четко формулируя мысли, но может прямо-таки наглядно показать, что он обижен, обижен как мальчик, и тот, кто его обидел, заслуживает немедленного наказания.

Во время военных действий в октябре мне 6ыло поручено в качестве зондажа как бы мимоходом сказать Садату, что, отправляясь к нему на встречу, я мельком успел проглядеть телеграмму, которая пришла ко мне от одного из отделов МИДа. В ней говорилось, что, якобы, по сообщениям из Нью-Йорка (чьим сообщениям, я прочитать «не успел»), египетские представители вступили в контакт с американцами и намекают на возможность пойти на компромиссное решение относительно прекращения огня, которое предлагают американцы (как известно, Садат в первые дни войны категорически отводил любые возможные формулировки относительно прекращения огня, требуя в качестве непременного условия полный вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, что было, конечно нереальным требованием). Садат мгновенно понял, что речь свою завел неспроста – фактически это был вопрос о доверии: ведут или нет египтяне переговоры с американцами за нашей спиной. Он мгновенно сообразил, что каковы бы ни были факты (сейчас, например, я считаю, что эта информация была недалека от истины), ему надо все это отрицать и в самой категоричной форме. Как он рассердился! 0н покраснел, махал на меня обиженно рукой, как бы отмахиваясь от дьявола. Я, конечно, стал извиняться за то, что вообще упомянул об этом клочке бумаге, присланном к тому же «неавторитетным» товарищем. Садат же тогда вскричал: «Нет, нет! Вы правильно поступили, сказав обо всем этом мне, а тот, кто вам сообщил об этом, заслуживает наказания. Да, да, самого серьезного наказания». Я так все это и передал в Москву.

Бывают с ним и странности, так сказать, чисто восточного порядка. Он может показать свое нерасположение тем, что сделает соответствующую рассадку в комнате, где принимает. Когда отношения хорошие, он принимал меня обычно в своем кабинете, гостиной, рабочей комнате дома. Садился сам в кресло, приглашал сесть рядом на диван, был вежлив.

Но вот однажды пришлось посетить его в один из тех моментов, когда президент высказывал впечатление, что был сердит на Советский Союз. Нас провели в большую залу, где по стенам стояли диваны и кресла со столиками. Однако посреди этого большого помещения сиротливо находился небольшой стол, по одну сторону которого кресло с высокой спинкой, а по другую два простых стула. Вся эта декорация так не вязалась со всей остальной обстановкой, с большим и высоким залом. Я сказал моему товарищу: «Неужели он будет принимать нас столь официально? Стоит ли нам подчиняться этому?»

Но вот вошел президент. Он шел с папкой подмышкой, сразу по его лицу я догадался, что будет он сажать нас на эти специально приготовленные места. Так и произошло. Президент важно сел по одну сторону высокого стола в кресле с высокой спинкой (оно жалобно при этом затрещало – было слишком старое, я никогда еще не видел таких старых кресел), по другую сторону стола на стулья – мы. Откуда-то выскочил фотограф, что также было неблагоприятным признаком. Сделал снимки, которые появились в газетах на следующий день: за столом в кресле важно развалился президент, палка сбоку, нога на ногу; по другую сторону на стульчиках, выпрямившись (иначе-то и не сядешь) советский посол со своим советником. Все очень по-мещански импозантно и многозначительно.

Любопытная деталь. Следующая встреча с Садатом состоялась в том же помещении, но, кажется, через месяц, отношения за это время наладились, Садат принял в том же большом зале, но уже чрезвычайно запросто. Сел на одном из кресел у стены, мне предложил сесть на диван. Посреди зала уже не стояло специально приготовленного стола, кресла и стульев.

Мне уже приходилось отмечать, что Садат очень подозрителен, а отсюда уже небольшой шаг и до коварства. За прошедшие четыре года в этом отношении набралось много примеров. Он не только убрал из жизни страны, но и лишил свободы всех тех людей, которые стояли вокруг него и, собственно говоря, помогли стать ему президентом. Затем, позднее, он убрал тех, кто заменил посты этих насеристов. Были убраны Азиз Сидки, Зайят, Риад, Садек, Хафез Исмаил, Мурад Галеб, даже Хейкал и другие. А ведь эти люди искренне поддерживали Садата как президента, уж у

этих-то людей и помыслов не было ограничивать его власть, наоборот, они стремились быть вместе с ним. Но они становились слишком заметными, они имели свое собственное мнение, они просто были умными людьми. Можно не сомневаться, что в случае надобности президент и не посчитается с теми, кому он нынче доверил бразды правления в различных областях и которые сейчас ревностно проводят его собственную линию. Если ему нужно будет повернуть, он повернет, куда захочет, а свалит все беды на головы тех, кто сейчас так послушно выполняет его указания.

Есть ли у Садата друзья? Если есть, кто они?

Это трудный вопрос, на который в Египте никто, пожалуй, не даст ответа. Говорят, что его друзьями являются те, кто окончил с ним вместе военное училище, причем не те, кто стал известен, а те, кто остался в тени по тем или иным обстоятельствам. Может быть, и так. Но у меня создалось определенное впечатление, что Садат одинок в человеческом смысле. Хотя бы, наверно, потому, что очень он уж трудный человек по характеру. К таким людям трудно приблизиться, потому что они не хотят быть простыми в обращении, в обхождении с другими людьми, потому что такие люди не столько уважают других и признают за всеми право на собственные мысли, сколько боятся, как бы кто-нибудь не составил заговора, не подрывал авторитет.

Садат мнителен не только в отношении людей, но и в отношении своего здоровья. Он часто говорил мне, что у него неважное здоровье, ссылался на плохое сердце. В Москве его несколько раз осматривали, однако нет у него таких заболеваний, которые позволяли бы действительно говорить о плохом здоровье.

Но свое здоровье он не щадит курением гашиша. Хотя это занятие в Египте не считается уж таким порочным, тем не менее интеллигентные египтяне с неприятным чувством воспринимают эту привычку президента. При мне он гашиш курил не стесняясь, закладывал периодически белые шарики в трубку. Когда во время военных действий в Каир приезжал А.Н. Косыгин, Садат во время беседы непрерывно дымил трубкой, также не стесняясь закладывать гашиш.

Я заметил, что обычно президент быстро устает от разговора, который вызывает у него возбуждение, особенно если это серьезный разговор, во время которого президент ставит себе задачу

произвести нужное впечатление на собеседника и убедить его в своей точке зрения. От этого первоначального возбуждения Садат быстро устает, взор его становиться мутным, и разговор ведется вяло. Тогда Садат вынимает трубку, заправляет ее гашишем, делает несколько глубоких вдохов – и картина через некоторое время меняется. Президент снова бодр, глаза блестят, речь идет живо, образно. Он в форме,

О любви к выпивке также известно в Египте. Вообще-то впервые я встретил Садата в Москве, когда он посетил Советский Союз в качестве специального представителя Насера зимой 1970 года. Он был здорово пьян в посольстве Египта и непрерывно целовался почти со всеми, в том числе со мной, хотя я встретился с ним впервые. Во время визита в Москву, уже будучи президентом, весной 1972 года он «перебрал» во время завтрака и поэтому с трудом справился с церемонией представления иностранных послов, перепутав, в частности, послов Индии и Пакистана. Этот случай был комичен тем, что именно в это время шла война между Индией и Пакистаном!

Алкоголь помогает Садату, видимо, снять какую-то душевную тяжесть, он становится более откровенен и более искренен.

Летом 1971 года я, как обычно, отбыл в отпуск в Советский Союз, который пришелся на не совсем приятную обстановку в Египте и особенно в Судане. В это время поползли слухи о появлении в советско-египетских отношениях «облачка», хотя с нашей стороны не было сделано ничего такого, что могло бы дать повод утверждать это. Это был очередной шаг врагов наших и Египта, но тем не менее слухи муссировались, подавались президенту за правду, как охлаждение отношения Советского Союза к Египту. Хотя отпуск совпосла был обычным делом, тем не менее президент заподозрил в отсутствии советского посла в Египте что-то другое. Посольству нашему дали понять, что президент хотел бы встретиться с послом, но его почему-то нет в Каире, спрашивали, что означает такое долгое отсутствие совпосла и т.д. Меня, конечно, отрядили побыстрее обратно в Каир.

Разумеется, первую встречу по прибытии я имел с президентом. Он пригласил меня в свою резиденцию в Маамуре близ Александрии. Прибыл я к нему в 11 часов утра. Никогда я не видел более довольного человека. Несмотря на жару, он приказал

подать водки, сардин и тут-то он впервые и сказал, что он сожалеет, что посол непьющий и поэтому он будет пить один. Разубеждать президента мне не хотелось – на улице была страшная жара, и он налегал на бутылочку один. Разговор был весьма откровенный, но и, конечно, с оттенками обычной хитрости Садата. Он говорил, что готов отдать Советскому Союзу все побережье Средиземного моря для общих целей, он готов на одно, на другое, на третье и т.д. Фактически он укорял Советский Союз в непонимании Египта и того, что происходит в арабских странах, явно проводя мысль о необходимости изменения нашего подхода, большей щедрости и т.д. Многое из этого, процентов на пятьдесят, он тогда говорил, на мой взгляд, искренно, по убеждению, другая половина, конечно, состояла в расчетливом разговоре на впечатление.

Президент один выпил так много, что мне стало не по себе, не случилось бы что. Я даже предложил выпить «за компанию».

Разговором остались довольны оба собеседника, потому что он на редкость был откровенный. Продолжался разговор более четырех часов.

После моего приезда на работу послом президент часто шутливо говорил советским руководителям, что, вот, всем хорош новый посол, да никак не может ублажить президента и жалеет присылать ему водку. Я сначала воспринимал это в шутку, но президент повторял свою шутливую обиду снова и снова, хотя я и «старался» – посылал ему при удобном случав по три-шесть бутылок. Однако от наших посольских старожилов я узнал, что до своего президентства Садат был частеньким гостем моего предшественника и что ему часто приходилось помогать при отъезде домой. Тогда я решил посылать ему по ящику водки. И вскоре «жалобы» прекратились, даже наоборот, при встречах президент шутил, что теперь все в порядке – «трубопровод» с водкой работает.

Домашнюю жизнь президента я знаю плохо, в его семью я не был вхож, хотя был, конечно, знаком с его супругой, которая, как говорят, оказывает на него определенное влияние (чему я не верю), и с детьми. Его дочери были у нас в Артеке, но замуж он их выдал за отпрысков египетских богатеев, конечно, это были браки по расчету. Особенно президент любит младшую дочь Джихан – очень симпатичную и красивую девочку. Мы ее приглашали на

новогодние детские праздники в посольство, она с удовольствием и азартом танцевала с советскими и арабскими ребятами, пела, играла, одним словом, вела себя исключительно непринужденно. Какая ее ждет участь?

Садат заслуженно гордится своими дочерьми и сыновьями. Они, действительно, вроде бы хорошо воспитаны. Не один раз, будучи в хорошем настроении, когда он принимал дома, он вдруг хлопал в ладоши и просил, чтобы пришли дети. Дети входили, здоровались, приказывал им петь, они пели по-русски «Подмосковные вечера». Это доставляло удовольствие не только гостям, но и хозяину.

Как и всякий президент, Садат оброс, конечно, челядью, которая вечно снует в его доме, отчего весь дом кажется неуютным, несемейным, а каким-то казенным.

Вообще президент не любит сидеть на одном месте. Он часто, практически непрерывно, меняет резиденции.

Есть официальная резиденция президента – дворец Кубба, где он бывает очень редко, встречает там глав государств.

Неподалеку в Гелиополисе имеется другая резиденция – женский дворец Тахра, там он часто останавливается, когда занимается военными делами.

В Гизе расположена новая официальная резиденция, которая была переоборудована из музея изящных искусств, а для канцелярии президентства было использовано строившееся здание местного дома культуры. Строительство этого культурного учреждения прекратили, оставили три этажа, превратили его в служебное здание. Перед резиденцией несколько месяцев срочно строили глубокое, этак с пять этажей в глубину, бомбоубежище.

Официальная резиденция выходит на Нил и выбрана на этом месте потому, что напротив, через переулок, находится личный дом президента, купленный им, когда он еще не занимал своего нынешнего высокого поста (мне невольно подумалось – официальная резиденция приспосабливается к месту жительства, значит, президент рассчитывает занимать свой пост вечно).

Ранее в Гизе это была самая приятная и чистая набережная, которая так и манила для прогулок и была, собственно говоря, единственным приличным местом в Каире, где можно пройтись. Там можно было гулять и первые месяцы после занятия Садатом

поста президента. Однако после мая 1971 года набережная была перегорожена, проход закрыт фортификационными укреплениями. Зато перед резиденцией на реке была пришвартована баржа, на которой по вечерам любит в уединении размышлять президент.

Есть у президента резиденция в 35 минутах езды от Каира, на так называемых Барражах, т.е. на шлюзах у рукавов Нила. Прекрасный дом, принадлежавший ранее управлению водным хозяйством страны, расположен на небольшом зеленом острове, небольшой сад, достопримечательностью которого является огромное дерево с воздушными корнями, которые, достигнув земли, вросли и составили уже колонны. Рядом протока Нила, где пришвартована королевская прогулочная яхта Фарука. На ней летом отдыхает президент.

В пустыне, примерно в ста километрах от Александрии по направлению к Ливии, есть местечко Бург аль-Араб. Там также находится одна из резиденций президента. Приходилось ездить и туда, и неоднократно. Особняк стоит совсем одиноко в пустыне. Маленький оазис и все. Тишина необыкновенная, особенно по ночам.

Немного восточнее Александрии находится курортное местечко Маамура. Там на берегу моря еще одна резиденция Садата, рядом с аналогичным домом, построенным в свое время для Насера. Красивый парк из олеандр и рододендронов окружает двухэтажный дом.

У Садата есть и свой дом в деревне, где он родился. Эта деревня расположена в дельте Нила, ехать до нее из Каира не менее часа. Там президент принимает особо близких гостей. Мне пришлось там бывать несколько раз. В первый приезд это был скромный двухэтажный дом с небольшим садом, многие деревья выросли из саженцев, привезенных из Советского Союза. Все было очень скромно, даже слишком скромно и немного неряшливо.

Примерно через год мне пришлась там побывать снова. Теперь внутри все 6ыло переделано; кругом где только можно блестел мрамор, бронза, декоративная лепка, барельефы из меди. Появился шикарный камин, отличная, хотя и громоздкая, по египетскому вкусу мебель и т.д. Странно все это контрастировало с грязной, такой же, как и была, деревенской улицей, жалкими до-

мами соседей, убогим инвентарем, валяющимся на улице, самим видом трудящихся крестьян.

Дважды Садат принимал меня в таких местах, где я никогда и не побывал бы – в реквизированной специально гостинице в Хелуане и бывшем офицерском клубе в Гелиополисе.

Обстановка у него дома в Гизе, как и в других местах, на мой взгляд, явно безвкусная, какая-то смесь эпох – середины девятнадцатого века Франции с началом двадцатого века в США. Много каких-то лепных украшений, драпировок, ковров, гобеленов, тяжелой мебели, картин непонятного достоинства, сразу же видно, что случайных. Все выглядит не как настоящее, а как подделка под что-то «настоящее», а главное, «богатое». Впрочем, в Египте я ни у одного крупного деятеля не видел хорошо и со вкусом обставленной квартиры, всюду видно стремление хозяев поразить гостей своим мнимым богатством в виде ли фарфоровых статуэток, каких-то подарков из Китая, других восточных стран, всюду, одним словом, что-то показное, а значит, не настоящее.

Одевается Садат просто, но изящно, видно, что любит удобную, хорошо сидящую одежду, которая не стесняла, была бы модной. Он тщательно следит за своим весом, всегда подтянутый, стройный, завел привычку ходить с палкой подмышкой. Может быть, это подражание поведению английских офицеров, которых в свое время было так много в Египте. Они носили под мышкой стеки, однако эту привычку отменил Насер.

Одно из достоинств Садата – это умение выступать на митингах и собраниях. Он хорошо чувствует вкусы арабской, скорее египетской, аудитории, говорит перед ней на египетском разговорном, следовательно, простонародном, диалекте. Речь свою он строит умело – концентрическими кругами. Начнет тему, вроде бы изложит, хотя и кратко, ее существо. Но нет, он снова к ней возвращается, может быть, и повторяется, но это не беда: ведь он беседует с народом. На глазах происходит процесс творчества, процесс создания речи, изложения мысли. Это всегда сильно действует на любую аудиторию, поэтому содержание воспринимается, как само собой разумеющееся. Он не заставляет слушателя думать над тем, что он сказал. Он излагает мысль как непреклонную истину, то есть уже существующую, которую он лишь старается получше, повыразительнее, подоходчивее донести до слушателей.

Он никогда не читает речей, хотя часто имеет написанный текст, а то, что он читает, он читает весьма выразительно.

Дикция у Садата отличная, можно сказать, образцовая. Он понимает, что от бубнящего оратора толку мало. Недаром ему поручили в 1952 году, когда «свободные офицеры» под руководством Насера совершили революцию, сделать заявление о революции по радио. Это была, кстати говоря, и компенсация Садату за его неучастие в революции, на которую он «опоздал», был в кино с сыном и не получил вовремя предупреждения Насера о начале восстания.

Однако публичные выступления сильно изматывают Садата. Он потеет, вынужден все время обращаться к носовому платку, после речи он выглядит страшно усталым, но дело сделано и сделано хорошо, тут уж ничего не скажешь: для арабской аудитории он отличный оратор.

* * *

На этом можно было бы поставить и точку. Однако хотелось бы сказать еще одно очень важное.

Садат обладает исключительно большой интуицией, он как бы нутром чувствует, что ему выгодно сделать в тот или иной момент, разумеется, исходя из той генеральной линии, которой он придерживается, держа власть в самой крупной и древней арабской стране, в Египте. Его главная тактическая линия состоит в том, чтобы всегда иметь руки свободными в отношении и со своими друзьями, и с врагами Египта.

Он не хочет быть связанным никакими обязательствами ни с кем, отсюда его стремление использовать в максимально возможной степени противоречия между его партнерами. Поэтому для него не свято никакое слово или обещание. Он сам так поступает, поэтому верит, что и другие ведут себя подобным же образом. Высшим примером этому является его крутой поворот в сторону США, следовательно, прочь от Советского Союза, сразу же после октябрьских военных действий в 1973 году, когда авторитет Советского Союза, казалось, находился на самой высокой, недося-

гаемой точке. Он повернул к США еще и потому, что в силу своего склада мышления понял, что честные, бескорыстные действия Советского Союза принесут всему советскому слишком большой авторитет, а все, что слишком большое, ему неприемлемо, он сам как бы попадает в зависимость от Советского Союза. Садат почувствовал, что ему придется быть вместе с Советским Союзом. А его линия – это политика свободных рук. Поэтому он и мог решиться на такой крутой и для многих неожиданный поворот. Это вполне укладывается в его характер, соответствует личным чертам, присущим ему как индивидууму, как главе – диктатору государства.

Может ли Садат совершить такой же легкий и внезапный обратный поворот? Конечно может, все дело в обстоятельствах. Но не это важно. Нам важно всегда знать, зачем совершит он поворот, какие расчеты будут стоять за этим поворотом. Ведь такой поворот не будет означать изменения Садата как человека, как президента. Это будет тактический шаг, продиктованный обстоятельствами. Поэтому, когда эти обстоятельства, приведшие к шагу, перестанут существовать, нужно ожидать других шагов президента, в других направлениях.

Если конечно, он все еще будет президентом и если он будет чувствовать, что он может нас по-прежнему водить за нос.

Если....

Январь 1975 г.
Москва

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ М. Х. ХЕЙКАЛА «ДОРОГА К РАМАДАНУ»

Книга видного арабского политического журналиста о самом значительном за последнее время событии в арабском мире – военных действиях арабов Египта и Сирии против Израиля в октябре 1973 г. привлекла к себе внимание, и не только в арабском мире.[1]

Октябрьские события на Ближнем Востоке 1973 г. дали возможность проявиться различным сторонам политики арабских государств, Израиля, США, западноевропейских стран. Они показали и громадную роль Советского Союза, его международной политики, выявили роль разрядки в международных отношениях, ее преимущества для дела мира и побочные явления, которые она вызывает.

Всего около двух десятков дней длились военные действия на Ближнем Востоке, но они показали очень многое, ярко осветили различные стороны жизни и политики многих государств. Оценки этим событиям даются разные. Израильтяне, допуская, что совершили «промахи» в начальный период, когда инициатива принадлежала арабам, громко трубят о своей военной победе в последний период, утверждая, что если бы не принятие резолюции Советом Безопасности ООН о прекращении огня, то Израиль нанес бы полное военное поражение арабам.

Египтяне гордятся своей военной победой, превосходной подготовкой своих вооруженных сил, стыдливо умалчивая о том,

[1] *Heikal, Mohamed.* The Road to Ramadan. London, 1975. Книга хорошо известна исследователям, она является одним из основных источников по предыстории Октябрьской войны 1973 г. – *Прим. ред.*

что в последние дни они были на волосок от почти полного военного разгрома, поскольку не предпринимали, сознательно или по какой-либо другой причине, нужных мер для ликвидации израильского прорыва на западный берег Суэцкого канала, прямо в Африку.

Сирийцы, понеся наиболее серьезные потери, утверждают, что если бы не прекращение огня, на которое пошел президент Египта Садат без консультаций с Сирией, то Сирия была готова на следующий после объявления прекращения огня день начать мощное контрнаступление.

Американцы, как всегда, ханжески утверждают, что их единственной заботой было прекращение кровопролития, мир и спокойствие на Ближнем Востоке. Они предпочитают не упоминать о немедленных громадных поставках Израилю вооружения, самого нового, прямо с американских военных складов, даже вместе с экипажами, на египетскую территорию, занятую израильтянами (Эль-Ариш на Синае), не говоря уже об открытой политической поддержке Израиля.

Правда о позиции Советского Союза состоит в том, что он помог арабам добиться внушительной демонстрации своих потенциальных возможностей, т.е. победы в военно-политическом смысле, и спас арабов, когда военное счастье повернуло против них; Советский Союз в духе разрядки пытался сотрудничать с США в деле разрешения ближневосточного конфликта, но и не побоялся пойти на риск конфронтации, когда вырисовывалась реальная угроза военного разгрома арабов, главным образом ввиду пособничества Израилю со стороны США.

То, что существуют разные оценки явлениям – неудивительно. Для любой книги важно, чтобы факты соответствовали действительности.

В книге Хейкала есть и оценки, и факты. Поэтому, уделяя в настоящих комментариях основное внимание фактам, все же придется высказаться и по поводу некоторых оценок, даваемых автором, тем более что оценки эти часто проистекают из незнания фактов или неточного их изложения.

(Комментарии даются в соответствии с порядком текста книги).

Предисловие

С. 8. В самом начале книги автор выступает с утверждением о неизбежности новой войны на Ближнем Востоке.

Вряд ли стоило делать столь категорическое суждение. Ведь может случиться и так, что в ближайшем будущем, в пределах, скажем, 10 – 15 лет, войны может и не быть. Все дело в политике, которую будут вести Израиль и Египет.

Война по инициативе арабов возможна, если в ней будет со всей решимостью участвовать Египет. Без участия Египта другие арабские страны вести войну против Израиля не будут, потому что побоятся реальности – поражения от Израиля, поэтому они, надо полагать, будут подходить реалистически к возможному исходу военных действий без участия Египта.

Египет в ближайшее время, во всяком случае, при нахождении Садата у власти и его политике сотрудничества с США, не захочет вести военные действия против Израиля т.к. это противоречит курсу на сотрудничество с США. Кроме того, трудно представить себе, как могут вестись военные действие при работающем Суэцком канале. Недаром и израильтяне, и американцы так часто говорили, что лучшая линия обороны для Израиля – это работающий Суэцкий канал. Во всяком случае, ни о каком элементе внезапности для Израиля арабского наступления теперь и речи быть не может.

Проявление Израилем инициативы и начало им широких военных действий против Египта в нынешних условиях маловероятно, т.к. Израиль заинтересован в продолжении Садатом уступчивости в отношении США. В чисто военном плане такая «военная кампания» ничего не даст Израилю, поскольку США не заинтересованы в том, чтобы на Ближнем Востоке велись военные действия, ибо это мешало бы им проводить свою генеральную линию проникновения в арабские страны.

Ведение Израилем военных действий против Сирии под тем или иным предлогом более вероятно, но при этом Израилю нужно не забывать о все еще сохраняющихся, хотя и ослабленных, узах межарабской солидарности, т.е. возможности вовлечения в войну других арабских стран, может быть даже и против их воли (например, того же Египта), а это в конечном счете противоречило бы нынешним интересам США и Израиля.

Поэтому, на наш взгляд, трудно говорить так категорично о «неизбежности» новой войны на Ближнем Востоке в ближайшем будущем. Но, конечно, в историческом плане нельзя ничего предугадать. Могут измениться и характеры арабских государств, самого Израиля, политика США, наконец, возможны и случайности.

Замечание автора о неизбежности новой войны следует скорее рассматривать как выражение досады тем, что октябрьские военные действия не привели к разрешению конфликта, даже отдалили его решение, как выражение того, что на Ближнем Востоке, действительно, накопилось достаточное количество горючего материала.

«Благодарность автора»

С. 9. Благодарить некоего Джона Барри за «окончательную проверку фактов и цифр» явно не следовало бы, поскольку в книге содержится очень большое число неточностей и даже грубых ошибок именно в фактах.

Глава I. «Неожиданность»

С. 15. Заявление начальника разведслужбы египетских вооруженных сил о том, что Израиль будет знать о времени военной операции Египта против Израиля за 15 дней до ее начала, коль скоро подготовка к ней начнется, звучит вполне резонно. Такую серьезную подготовку в египетских условиях скрыть практически невозможно не только ввиду характера местности, размаха подготовки, но и вследствие хорошо поставленной израильской разведывательной службы, о чем; кстати, говорит сам автор.

К сожалению, автор далее не развивает мысль о невозможности «внезапной» атаки египтян, а зря. Ведь если утверждать, как это правильно делается, что израильтяне не могли быть застигнуты врасплох и знали за 15 (!) дней о времени начала военных действий, то не только другими должны быть оценки событий, но и само освещение фактов, подход к ним.

С. 16. Утверждение о том, что можно было уменьшить срок обмана израильтян с 15 до 4 – 5 дней, звучит наивно. Даже если допустить, что это и удалось сделать, то все равно останется в силе утверждение о том, что израильтяне **знали** о начале наступления арабов минимум за 4 – 5 дней! А этот срок был достаточным для принятия ими соответствующих контрмер политического и военного порядка. Если, конечно, они хотели бы предпринимать такие меры.

С. 18. Заявление о том, что американцы знали о плане военных действий Египта еще в мае 1973 г., весьма примечательно. Автор, приводя данные о том, что планы военных действий арабов, в том числе и время их открытия, были заранее известны американцам и, следовательно, и израильтянам, как-то смущается, когда делает свои выводы. Почему? Последуй он логике в своих рассуждениях – не миновать ему и логичных выводов о том, что не все было чисто в политической стороне дела. Из этого положения Хейкал пытается выйти весьма наивно: с помощью утверждений о том, что американцы, дескать, не поверили планам египтян! Уж так и не поверили? А где же пресловутые постоянные контакты между египетскими и американскими разведывательными службами, о чем многократно говорит автор, которые никогда, даже во время военных действий, не прекращались? Странно, почему же тогда американцы по этим каналам (и другим) не проверили достоверность «плана Бадр»?

Из всего этого следует одно: США **знали** о плане предполагаемых военных действий и, надо полагать, как минимум сообщили о нем Израилю.

С. 22. Хейкал прав формально: Садат, действительно, демонстрировал всячески, что эта «война», дескать, профессиональное дело военных, как и всякая другая работа есть дело людей соответствующих профессий. За этим крылась простая хитрость Садата: в случае неуспеха операции свалить вину на военных. А в неуспех ее он верил. Он не ожидал такого военного успеха, который имел место, все говорит об этом. Этот успех был для него больше, чем для кого-либо, неожиданен. Положительные итоги президент всегда имеет возможность приписать себе. Что и было на самом деле: Садат позаботился о том, чтобы все заслуги во всем положительном, что выявили военные действия, были отнесены на его счет. А неудачи, просчеты, вернее, прорыв израильтян на западный берег канала, были списаны на счет... начальника генерального штаба Шазли, вся беда которого состояла в том, что он, видимо, не был посвящен в политически затхлые уголки планов

Садата и поэтому доложил об истинном положении дел с переправой израильтян. Он был просто тем человеком, который принес известие о беде, и поэтому, с точки зрения Садата, было естественным выставить Шазли в качестве «козла отпущения». Что и было сделано. Шазли назначили… послом в Англию.

С. 24. Странные рассуждения Садата (в изображении Хейкала): информировать или нет Советский Союз о предстоящем начале военных действий? Почему же Хейкал ни разу не вспомнил другое: многочисленные заверения Садатом советских руководителей о том, что Египет не начнет военных действий без консультаций с Советским Союзом (не говоря уже об обязательстве информировать в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между обеими странами). Решение Садата не информировать Советский Союз было вызвано причинами, далекими от честной политики в отношении Советского Союза. Можно предположить, что Садат понимал, что, не информируя Советский Союз, он, во всяком случае, не улучшает отношения с ним, скорее наоборот, понимал, что удовлетворения такой шаг в Советском Союзе не получит. Видимо, Садату была безразлична отрицательная реакция Советского Союза (нарушение Договора о дружбе, неизвестные последствия для арабского мира, всеобщего урегулирования, для дела разрядки советско-американских отношений и т.д.).

Даже нужно предположить, что Садат **рассчитывал** на такую отрицательную реакцию в Советском Союзе, она, следовательно, была ему нужна. Для чего? Не для сближения же с Советским Союзом, на который Египет должен был бы опираться во время военных действий. Недружественный жест в отношении СССР являлся в то же время весьма как дружественным жестом в сторону США (вспомним о постоянных египетско-американских контактах и о том, что США **знали** о плане военных действий Египта).

Решение Садата не информировать Советский Союз о начале военных действий было, следовательно, дружественной демонстрацией в отношении США, которые в свое время «оценили» своего рода его «порядочность».

Вот примерно о чем должен был бы писать Хейкал вместо легковесных рассуждений, которым якобы предался Садат, рассматривая вопрос – информировать или нет Советский Союз.

Не исключено, что Садат делал это перед Хейкалом преднамеренно, чтобы ввести того в заблуждение, поскольку знал о некоторых сильных высказываниях Хейкала в пользу дружбы с Советским Союзом, что уже тогда шло вразрез с намерениями самого Садата.

С. 24. Беседа совпосла с Садатом накануне войны переврана, особенно высказывания совпосла, которые, кстати, в тот вечер никем из египтян не фиксировались. Любой совпосол **никогда** не скажет, что он заранее знает, какой ответ дадут высшие советские руководители на то или иное обращение главы иностранного государства. Следует также заметить, что Садат на этой встрече не говорил «пророческих» слов о том, что предстоящие дни будут «реальной и практической проверкой советско-египетского договора». Все это наводит на мысль о том, что версия этого разговора была подброшена Хейкалу Садатом или частично сочинена самим Хейкалом.

На этой встрече Садат лишь **мямлил** о «невыносимости» положения для Египта, о том, что не исключается «взрыв» обстановки.

С. 26. Любопытное заявление Садата на заседании Национального совета безопасности 2 октября 1973 г. о том, что СССР и США, по-видимому, готовы к достижению соглашения по всем вопросам, включая Ближний Восток, и поэтому, дескать, у Египта остается лишь последний шанс для активных действий.

Садат прекрасно знал, что у Советского Союза нет никакой договоренности с США по Ближнему Востоку, но Садату нужно было создавать об этом впечатление лишь в том случае, если он собирался переводить свою политику на проамериканские рельсы.

С. 27. Нет ничего противоречивого в том, что генерал Гонен посетил израильские позиции на Синае, и египтяне после этого не заметили изменений в расположении израильских войск, если предположить, что израильтяне **знали** о предстоящем египетском наступлении и для достижения «высших политических целей» были готовы пожертвовать своими бойцами на линии Барлева. Кстати говоря, их там оказалось почему-то не очень много, все

израильские вооруженные силы были сосредоточены на севере – нацелены на разгром сирийцев в одиночку, поскольку, как и ожидалось, Египет и не собирался им помогать.

С. 27. Красноречиво признание о том, что израильтяне, по крайней мере, были информированы о видимых приготовлениях египетских вооруженных сил на земле. Хейкал называет поведение израильтян «странным». Ничего «странного» не было, если предположить, что израильтяне не **хотели** видеть то, что было видно, поскольку все пока шло по заранее разработанному плану. Одним словом, не надо считать израильтян такими дураками, а египтян сверхгениальными хитрецами.

С. 28. Вновь наивное объяснение Хейкалом поведения израильтян – напрасно отмобилизовавшись единожды, они затем стали уделять меньше внимания тому, что делается на другой стороне канала. Это легковесное «объяснение» может быть годится для самых неискушенных читателей в арабских странах статей Хейкала, таких, которые захлестнуты волной «ура-патриотизма».

Факты говорят о том, что Израиль никогда не прекращал разведывательной деятельности в Египте, и сам Хейкал неоднократно об этом толкует.

С. 28. Опубликование 2 октября 1973 г. египетским информационным агентством извещения о приведении в боевую готовность второй и третьей армий было, конечно, не «случайностью», и Израиль **не** мог **не заметить** этого сообщения. Если ничего Израилем в связи с этим сообщениям не было предпринято, значит, таково было сознательное решение израильского руководства.

С. 29. Любопытны приводимые Хейкалом детали заранее разработанной программы подготовки общественного мнения к началу по инициативе Египта военных действий – ведь само это событие подавалось в том плане, что инициатива военных действий исходила от Израиля!

С. 30. Возражения сирийцев против одностороннего решения египтян, не учитывавших их интересы, причем весьма важные, были резонными. Позднее, через полтора года, сирийские руководители в частных беседах открыто говорил, что Египет «использовал» Сирию в своих интересах и несколько раз. То, что египтяне не обратили внимания на просьбу сирийцев дать им время опорожнить нефтехранилища в Хомсе, является одним из примеров

подобного поведения. Действительно, нефтеперегонный завод в Хомсе и резервуары были подожжены израильтянами в один из первых же дней военных действий. При этом, кстати говоря, не было **ни одного** налета израильский авиации **ни на** одно египетское промышленное предприятие, хотя центр арабской военной промышленности находится именно в Египте. Странно, не правда ли?

С. 30. Если египтяне, действительно, убеждали сирийцев относительно времени начала военных действии так, как это описывает Хейкал, то это весьма наивные аргументы. Ясно тогда одно: египтяне и в этом важном вопросе не посчитались с мнением сирийцев, настояли на своем, невыгодном для сирийцев решении, хотя и знали, что вся израильская армия была сосредоточена против Сирии и именно сирийцам придется нести бремя израильских контратак, хотя бы и в первое время,

С. 32. Утверждение о том, что израильтяне 3 октября якобы считали отдаленной возможность египетско-сирийского наступления, противоречит другим противоположным утверждением самого Хейкала. Не следует также забывать, что к этому времени американцы, как утверждается в книге, имели у себя египетский план. Более того, египетские вооруженные силы уже вели широкие «маневры», офицеры даже в генштабе стали носить полевую форму, военные училища в Египте были закрыты, понтонно-мостовые парки были убраны с тренировочных позиций на Ниле. И еще очень важный факт – началась массовая эвакуация членов семей советских работников в Египте и Сирии. Не следует и забывать о приводимых в книге заявлениях египетских военных о том, что, по крайней мере, Израиль должен был узнать **о времени** начала военных действий за 4 – 5 дней! Здесь же говорится о событии 3 октября, т.е. за три дня до наступления. Либо израильтяне делали вид, что не знают о конкретных, видимых приготовлениях египтян, либо доклад комиссии Агранат попросту скрывает факты, т.е. является фальшивым.

С. 33. Странно: Хейкал приводит многочисленные факты, прямо-таки выдающие конкретные приготовления египтян к началу военных действий, говорит об эффективности израильской разведки. Все это противоречит утверждениям о внезапности египетского нападения. И тем не менее автор бездействие израильтян

(и, следовательно, американцев) относит за счет... высокомерия израильтян, якобы не желавших видеть и верить в то, что они видели и слышали! Разве это серьезно?

Подумалось: не «эзоповский» ли язык это автора – говорить о фактах, но интерпретировать их по-другому или попросту не интерпретировать?

С. 34. Хейкал явно не был ознакомлен Садатом с посланием советского руководства от 4 октября. Там, в частности, не испрашивалось **разрешения** на эвакуацию советских «гражданских советников и их семей» из Египта. Было сказано, что в виду сложного положения нами было принято решение разрешить выехать **членам** семей советских работников в Египте. Речь шла только о членах семей работников т.е. о женах и детях, а не о специалистах. Кстати, всего из Египта за несколько дней было эвакуировано более 2700 жен и детей.

С. 35. Опять Хейкал пишет об отозвании советских гражданских советников, чего на самом деле не было. Отсюда и явно надуманные «страдания» Садата относительно того, что бы это могло значить в позиции Советского Союза. Это выдумка Хейкала. В нашем послании говорилось не только о поддержке Египта, но и об ускорении военных поставок! Так что Садату нечего было раздумывать – будет ли ему оказана помощь или нет.

Такие многочисленные противоречия с фактами можно объяснить незнанием автором действительного положения вещей и отсюда – его фантазией литературного свойства о «муках сомнения» Садата. Либо тем, что Садат сам подбросил Хейкалу свою версию послания – и об эвакуации советников, а не членов семей, и о его «сомнениях», умолчав, разумеется, о поддержке, которая была выражена в советском послании.

С. 36. Ну, вот и опять невольное доказательство того, что израильтяне не только в 9.30 утра 6 октября, но и 5 октября наблюдали концентрацию переправочного оборудования египтян. Да и как же было его не заметить? Как же можно тогда говорить о «внезапности» египетского нападения? Сколько раз автор противоречит сам себе!

С. 36. Опять доказательство того, что израильтяне должны были хотя бы насторожиться. Только у Хейкала опять «неточности»: советские советники не эвакуировались, а за членами семей прибывали не туполевские, а ильюшинские самолеты.

С. 36. Опять неправдоподобное утверждение Хейкала о том, что израильское руководство не могло верить все увеличивающемуся потоку информации о передвижениях египетских войск. Слишком уж глупы израильтяне в изображении Хейкала!

С. 38. Ничего Садат не говорил на встрече 6 октября об эвакуации советских гражданских лиц и недовольства относительно советских поставок не выражал (это, видимо, опять результат направленной информации, исходящей от Садата).

На этой встрече Садат, наоборот, рассыпался в любезностях, даже сказал, что в 14 часов должны произойти «события» – какие, не сказал, выразил пожелание, чтобы совпосол неотлучно находился при нем, но потом «спохватился» и сказал, что совпослу ведь нужно доложить в Москву о беседе и поэтому он должен поехать в посольство. Одним словом, Садат «крутил» до последнего момента.

С. 39. Никакого разговора с Хафезом Исмаилом совпосла в тот день не было, поэтому автору не следует и делать многозначительного вывода о «быстроте связи» между Вашингтоном, Каиром, Иерусалимом и Москвой. Это уже журналистский блеск!

С. 40. Садат позвонил совпослу не в 15.30, а в 14.30 и телефонную трубку взял не «слуга», каковых у посла нет, а секретарь – Вафа Гулизаде.

С. 41. Ахмед Исмаил никаких сообщений о ходе форсирования канала совпослу не делал, он лишь кратко (и уныло) повторил то, что восторженно сказал совпослу Садат – египетские войска пересекли канал. В ответ на стандартно-вежливое пожелание победы Ахмед Исмаил довольно грустно ответил: «Иншаалла!», т.е. «Дай-то бог!».

С. 41. Хейкал зря с пренебрежением говорит о предостережениях советских военных советников относительно трудностей форсирования водной преграды – канала. Это, действительно, правильное предостережение, и советские военные специалисты усиленно тренировали египтян в преодолении водных преград.

Почему же египтяне так легко и с небольшими потерями форсировали канал (говорят, потери составили всего около 150 человек, один пулеметчик мог бы положить гораздо большее число

солдат). Ответов на этот вопрос может быть много. Здесь, конечно, и выучка, которой добились советские военные советники, и качество советского оружия, в которое многие в Египте не верили, здесь и высокий порыв египетских войск, имевших четкую и долгожданную цель. Но можно предположить и другое – недостаточное сопротивление противника. А может быть, здесь имело место сочетание всех этих факторов?

С. 41. Никаких совещаний совпосол, да еще «поспешных» с «двумя генералами» из штата посольства для «помощи ему в подготовке доклада в Москву» не проводил. Чистейшая выдумка – беллетристика автора.

С. 42. Если Киссинджер после начала военных действий заявил египтянам, что следует ожидать массивной контратаки Израиля, причем американцы были уверены в победе Израиля, но заявили, что не допустят захвата Израилем новых территорий – то о чем все это может говорить? Если бы США были уверены в антиамериканской позиции Египта, каковой она выглядела, хотя бы на поверхности, могли ли они делать такого рода заявления, когда терпит (пока) поражение их «друг и союзник», вернее, ставленник – Израиль! Это заявление Киссинджера может быть подтверждением того, что существовали заранее разработанные «правила игры» в эту войну, переступать через которые участники ее – Египет и Израиль – не имели права. Дирижером, арбитром запланированной игры были США, отсюда и правомерность этого странного заявления Киссинджера египтянам о том, что Израиль нанесет удар по Египту заранее запланированной силы, т.е. что США не позволят Израилю оккупировать новые территории.

С. 43. Слова Киссинджера, обращенные к египтянам: «Я надеюсь, что вы не будет вести себя таким образом, что события выйдут из-под вашего контроля», были сказаны **после** начала военных действий. Если бы они были сказаны до начала, то смысл их мог бы быть иной. Сказанное после того, как на восточный берег покатились тысячи египетских солдат, орудий, танков могло означать лишь напоминание о заранее установленных правилах, призыв к их соблюдению, одним словом, **к контролю** военных действий. Приведенное Хейкалом выражение Киссинджера лучше всего подкрепляет имеющую хождение мысль о заранее произведенном согласовании воюющими сторонами и США не только самого факта, но и характера военных действий в октябре 1973 г.

С. 43. Хейкал ставит резонный вопрос – как же все-таки получилось, что израильтяне были захвачены врасплох как стратегически, так и тактически, однако ответ дает наивный: они, дескать плохо понимают ход истории. Мелко. Так не годится. А может быть, Хейкал не хочет дать правильный ответ?

С. 44. Неверно утверждение Хайкала, будто израильтяне готовились залить Суэцкий канал... напалмом! Были слухи о возможности разлива мазута, дизельного топлива или каких-либо других нефтепродуктов, которые создали бы горящую пленку. Однако эти данные оказались неподтвержденными.

Глава II. «Последние дни Насера».

С. 48. Хейкал грубо искажает характер переговоров с Насером. Советский Союз никогда не требовал передачи ему какой-либо египетской собственности, в том числе и земли. А уж упоминание о советском требовании поднять «красный флаг» явно сделано ради красного словца. Хейкал иногда почему-то страшится говорить правду о советской позиции. Иногда он нарочито бравирует – смотрите, я не за Советский Союз. Этим приемом он как бы стремится внушить уважение к достоверности того, что описывает.

С. 49. Правильно сделал Хейкал, что не побоялся отметить заслуги Фавзи – бывшего военного министра, осужденного Садатом по нелепому обвинению в «государственной измене». Действительно, его преемники пожали плоды того, что посеял Фавзи.

С. 50. Зря Хейкал приписывает маршалу Захарову черты, которыми тот не обладал, особенно чрезмерную грубость. Ведь далее он приводит хорошую и справедливую оценку той деятельности, которую вел маршал по восстановлению почти полностью разбитой и деморализованной в 1967 г. египетской армии.

С. 54. Выражение Сиско о том, что Египет не может рассчитывать на возврат всех территорий и иметь мир, весьма характерно для Сиско и лучше всего говорит о позиции США – верных защитников израильских интересов. Садат однажды даже говорил совпослу, что египтяне не пустят Сиско на территорию Египта.

Это, однако, не помешало позднее Садату считать Сиско своим «другом».

С. 54. Хейкал слишком увлекается красивой риторикой, не имеющей, однако, смысла. Он вкладывает в уста Насера вроде бы красивые слова, но фактически оглупляет его образ, во всяком случае, представляет тем самым Насера несерьезным человеком. Как Насер мог сказать, что просит у Советского Союза переправочные средства с обязательством немедленно вернуть их после переправы через канал с тем, чтобы у тех, кто переправится на восточный берег, не было пути назад?

Если и предположить, что в риторическом пылу Насер и мог сказать такую вещь, как красивый оборот речи, то необязательно было Хейкалу с серьезным видом цитировать Насера. Удивительно, как у Хейкала часто уживается дурной вкус с талантливостью в изображении событий.

С. 56. Хейкал правильно замечает, что цель Насера состояла в том, чтобы как можно больше вовлечь Советский Союз в ближневосточный конфликт. В беседе со мной, например, в марте 1970 г. Насер пытался развивать мысль о том, что этот конфликт представляет собой по существу советско-американский конфликт, конфронтацию СССР и США. Разумеется, ему было дано разъяснение о неверности такого подхода.

С. 56. Хейкал создает неправильное впечатление, будто Советский Союз сбрасывал Ярринга со счетов, не придавал ему значения. Как раз наоборот, Советский Союз был, пожалуй, единственной страной, которая наиболее сильно поддерживала миссию Ярринга, делала на нее ставку, пыталась всеми средствами содействовать ей. Конечно, в то же время была видна и работа сильных противников миссии Ярринга, прежде всего США, которые хотели сами стать посредником, и единоличным.

С. 65. Хейкал повторяет выдумку Садата о том, что содержание советских военных советников Египет якобы должен был оплачивать твердой валютой. Это провокационный слух, который распускался с целью вызвать недовольство решением Насера пригласить советских советников.

С. 65. Очередная выдумка Хейкала о том, что К.Т. Мазуров «отвечал» за вопросы национально-освободительного движения.

С. 88. В то время (1970 г.) и речи не могло быть о поставке самолетов М-500. Этот вопрос возник лишь после смерти Насера (в 1971 г.).

С. 90. Хейкал слишком много «теоретизирует» о простых вещах. Русские пилоты просто не могли переговариваться ни на каком другом языке, кроме как на русском.

С. 90. Хейкал явно измышляет относительно демонстрирования Советским Союзом прибытия советский военных в Египет. Наоборот, делалось все, что было разумно и возможно, чтобы не афишировать наличие советских военных в Египте. В тоже время Насер и Хейкал хотели, чтобы пребывание советских военных всем бросалось в глаза. Это соответствовало их линии на максимальное втягивание Советского Союза в ближневосточные дела. Так что об участии Советского Союза в так называемой «игре сверхдержав» на Ближнем Востоке говорить не приходится. Советский Союз никогда в подобного рода «игры» не играл и к военным делам всегда относился осторожно и с большой ответственностью.

С. 94. Описанный Хейкалом случай с «бумагой» в Кремле не припоминается. Если же это, действительно, имело место, т.е. вопрос шел о предупреждении Садата относительно готовящегося переворота, то разве это пустяковое дело, чтобы называть его, как это делает Хейкал, «кусочком бумаги»? Вряд ли Насер счел бы это дело «слишком бюрократичным».

С. 95. Хейкал ошибается. В то время советская сторона даже советовала Насеру принять так называемую «инициативу Роджерса», она в тех условиях была выгодной египтянам. Роджерс рассчитывал на отказ египтян от нее. Египтяне ничего по существу не теряли, но израильтяне обязывались принять активное участие в «миссии» Ярринга, чего они не хотели делать. Хейкал, видимо, путает вопрос с так называемым «планом Роджерса», появившимся позднее, который предусматривал отвод израильских войск от восточного берега канала примерно до горных перевалов, открытие Суэцкого канала для всех стран, включая Израиль, и начало египетско-израильских переговоров. Египтяне этот план, выдвинутый в 1971 г., отвергли, а в 1974 г. приняли значительно более худший его вариант (это после успешной военной демонстрации в октябре).

С. 96. Хейкал неуклюже пытается оправдаться за грубую ошибку, которую допустил именно он, когда исполнял обязанности министра иностранных дел. Что значит «нам было сказано, что все должно быть завершено в течение часов»? Кем было сказано? Что за диктат? Между тем Хейкал в беседе с совпослом признавался, что, не будучи достаточно компетентным, он «просмотрел» упоминание американцами в тексте их предложения «прекращение огня с оставлением войск на занимаемых позициях» (standstill ceasefire). Действительно, такая терминология, насколько известно, не встречалась ранее в международных делах. Вообще это условие провокационное, потому что оно бессмысленно. Что вообще оно может означать при точном исполнении: все до одного солдаты должны замереть и не двигаться ни вперед, ни назад? Американцы, видимо, «поймали на крючок» египтян.

С. 104. Из всей драматично описанной сцены смерти Насера остается неясным: кто и зачем вызвал временного поверенного в делах Советского Союза в Египте В.П. Полякова в 18 часов в дом президента. Поляков прибыл туда, находился долгое время без всякого внимания, ему никто ничего не сказал и он покинул дом незамеченным.

В описании Хейкалом также остается неясным, приехал ли Хейкал, когда Насер был еще жив, или он вошел в спальню Насера, когда тот был уже мертв. Ясность здесь была бы уместной.

С. 107. Исключительно странное заявление Садата **сразу же** после смерти Насера о необходимости обсудить вопрос относительно продления прекращения огня, которое истекало лишь 9 ноября. Насер умер 28 сентября, до 9 ноября оставалось почти полтора месяца. Разве у Садата не было других мыслей в голове сразу же после смерти Насера?

Кстати, зачем об этом упоминает Хейкал? Какую черту Садата он хочет проиллюстрировать?

С. 112. Беседа совпосла с Хейкалом, действительно, имела место и почти так, как описана Хейкалом, кроме, разумеется, ссылок совпосла на Политбюро.

Зачем этот эпизод Хейкал решил включить в книгу?

С. 112. Хейкал принимал участие в беседах А.Н. Косыгина с руководящими деятелями Египта сразу же после похорон Насера. Он, правда, многое путает: слова Али Сабри приписывает Фавзи, то, что говорил А.Н. Косыгин, приписывает М.В.Захарову. Точность содержания беседы также приблизительная, но основное – призыв руководства Египта к единству – отражено правильно.

С. 113. Действительно, А.Н. Косыгин много говорил о необходимости единства среди руководства страны.

С. 113. Хейкал хорошо и правильно кончает главу о Насере справедливыми словами относительно крепости и искренности отношений, существовавших между Насером и советскими руководителями. Эти слова служат большим контрастом к тому, как вел себя в отношении советских руководителей преемник Насера – Анвар Садат.

Глава Ш. «Садат идет против ветра»

С. 115. Хейкал объясняет свои контакты с американцами и даже тяготение к ним его сознательными попытками «нейтрализовать» США в качестве одной из предпосылок предстоящего сражения с Израилем. Хейкал выступал вроде бы за «заигрывание» Египта с американцами, но до известных пределов (в этом он признавался, например, совпослу). Можно ли было рассчитывать таким путем «нейтрализовать» США, т.е. заставить их прекратить поддерживать Израиль (не становясь и на сторону арабов) или хотя бы ослабить эту поддержку? Думать так и проповедовать означало бы вводить в заблуждение собственный народ и не только себя.

Чем же тогда отличаются взгляды Хейкала от взглядов Садата в отношении США? Выходит, лишь, так сказать, количественной стороной, а не качественной: Садат слишком далеко пошел навстречу США и слишком далеко отошел от Советского Союза. Что же, Хейкал рассчитывал на возможность такой ситуации, когда Египет пойдет навстречу США, но отношения с СССР улучшатся или, в крайнем случае, не ухудшатся? Это несостоятельный расчет хотя бы потому, что США могли бы пойти на улучшение отношений с Египтом лишь при выполнении твердого заранее выставленного условия: свертывания связей Египта с СССР. И Киссинджер с присущей ему циничностью прямо и открыто говорил об этом тому же Хейкалу.

Хейкал рассказывал, что в первый приезд Киссинджера в Каир 6 ноября 1973 г. он имел с ним беседу, во время которой Кис-

синджер откровенно изложил Хейкалу три условия американского вмешательства в арабо-израильский конфликт:

1) США не могут гарантировать, что Израиль выведет свой войска со **всех** оккупированных в 1967 г. территорий.

2) Не должно быть вновь никакого эмбарго на поставку нефти арабскими странами США и другим союзникам Израиля.

3) Египет должен освободиться от советского «присутствия», т.е. резко ослабить свои связи с СССР.

Если же Хейкал искренен в своих писаниях, то, как минимум, можно сказать: вот к каким нелепым выводам приводит «бесклассовая», националистическая идеология.

С. 115. Весьма любопытное замечание Хейкала о том, что Насер был против даже «заигрывания» с США, а также дважды отмечаемое автором обстоятельство, что Садат, став президентом, не был связан «антиамериканским наследством» и поэтому мог пойти на улучшение отношений с США, совершить поворот во внешней политике страны. Характерно, что, говоря об изменении после смерти Насера характера египетско-американских отношений, автор нигде не говорит о том, **что же изменилось в позиции США** в отношении Египта и Израиля. Да и сказать здесь нечего: не США повернулись к Египту, а Египет повернулся к США со всеми необходимыми для этого уступками.

С. 116. Таким образом, уже через два-три месяца после вступления на пост президента Садат повел активную политическую игру **за спиной** СССР. Это обстоятельство весьма важно подчеркнуть, поскольку на протяжении более трех лет с начала своего правления Садат постоянно подчеркивал в заявлениях советским руководителям (и совпослу), что он никогда не пойдет на какие-либо контакты США за спиной Советского Союза, не информируя его.

Описываемый Хейкалом случай, когда ему было поручено Садатом **секретным образом** передать американцам, что инициатива Садата от 4 февраля 1971 г. ни в коем случае не была инспирирована Советским Союзом, является первым из ставших известными примером сотрудничества Садата с американцами. Ведь Садат ни слова не сказал советской стороне об этих контактах.

С. 117. Садат не информировал советскую сторону об этом важном послании к нему Никсона. В этой связи припоминаются

бурные сцены, которые Садат устаивал совпослу, когда с нашей стороны даже в деликатной форме намекалось на необходимость постоянных советско-египетских контактов, обмена информацией и координации действий. Садат горячился, кричал о недоверии к нему в Кремле и т. д. Книга Хейкала, между прочим, составляет некоторую ценность в том, что позволяет уличить Садата во лжи – в неискреннем отношении к советскому руководству, в том, что все его вопли о недоверии к нему были (и, вероятно, будут) искусственными. Хейкал, попросту говоря, разоблачает Садата, может быть, сам того не желая.

С. 118. Хорошо, что Хейкал говорит, что Садату было далеко до Насера, он ни по каким статьям не мог тягаться с ним. Примечательно то обстоятельство, что у Садата были «развязаны руки» для отношений с Западом. Чего же тогда удивляться «русской подозрительности» в отношении его?

С. 118. В освещении «секретного» визита Садата в Москву в первых числах марта 1971 г. все напутано. Видимо, никто не дал Хейкалу достоверной информации. С египетской стороны помимо Садата участниками переговоров были генерал Фавзи и Шаарави Гомаа. Оба они через пару месяцев были осуждены за «государственную измену», да и к тому же относились к Хейкалу с явной антипатией, считая его проамериканцем, врагом прогрессивного развития Египта. Они не могли информировать Хейкала. Садату же не было нужды распространяться об этом визите: он его сам провалил, его поведение в Москве было настолько несолидным и просто глупым, что он, естественно, никому эту правду и не рассказывал.

У Хейкала здесь лишь отражены крохи информации, которой он питался «с чужого стола».

Важный формальный момент, который отражен Хейкалом, использованный Садатом для срыва переговоров, действительно, состоял в том: может ли Садат командовать находившимися в Египте советскими самолетами с советскими экипажами, составлявшими часть советских ВВС!

Все это имеет свою предысторию. В свое время Насер (а не Али Сабри, как пишет Хейкал) попросил размещения в Египте советских самолетов-ракетоносцев (разумеется, под египетскими опознавательными знаками) с советскими экипажами с тем расче-

том, чтобы израильтяне **знали** о наличии в Египте возможностей для удара по глубине Израиля в случае необходимости, т.е. в случае нанесения израильтянами первыми удара по глубине Египта. Это было, так сказать, «оружие сдерживания». Никогда речь и не шла о передаче этих самолетов египтянам и о службе советских летчиков у египтян. И Садат должен был это хорошо знать. Да и подготовленных египетских экипажей для работы на этих самолетах не было. Одним словом, вопрос для всех всегда был ясным. Однако Садат использовал его для нарочитой ссоры с советскими руководителями.

На переговорах в Москве Садату было дано согласие на присылку самолетов ТУ-16, разумеется, на условиях, согласованных ранее с Насером, хотя по так называемому вопросу о «единой стратегии» обнаружилось, что у Садата не было **никаких** вразумительных соображений о действиях Египта. Садат лишь твердил о том, что ближневосточный кризис «надо решать», требовал оружия и еще раз оружия, каких-либо конкретных планов, в том числе и военных, как выяснилось, у него не было.

Когда дело дошло до самолетов ТУ-16, Садат «занесся» и стал возражать против того, чтобы советские экипажи находились под советским командованием. Он начал горячиться, разжигая себя еще больше (или делал вид, что нервничает) и в конце концов **отказался** от получения этих самолетов – к великому удивлению Фавзи и Гомаа.

Всех диалогов, относящихся к этой встрече, которые приводятся Хейкалом даже в кавычках, в действительности не было.

С. 119. Странное утверждение Садата, сделанное Хейкалу, о том, что он должен был разыграть в Москве сердитость с тем, чтобы в конце концов получить то, что он хотел. На самом деле Садат **ничего не получил** в результате своего поведения, хотя, конечно, весь характер встречи не мог не вызвать озабоченности советской стороны. Однако реплика Садата о том, что он разыгрывал сердитость, интересна в другом плане. Ведь Садат «рассердился» (будем так говорить) после получения согласия на поставку самолетов ТУ-16! Может быть, он испугался того, что просьба, которую он все время выдвигал и которая была камнем преткновения (созданным им же) в отношениях с Советским Союзом, была удовлетворена? Может быть, у него расчет был как раз на то,

что в просьбе вновь будет отказано», тогда рушилась его тактика игры? Ведь получение таких самолетов уже к чему-то обязывало Садата перед СССР.

С. 120. Заверение Садата американцам в начале ноября 1970 г. (!), т.е. через полтора месяца после смерти Насера и громких клятв Садата в верности и дружбе с Советским Союзом, о том, что он «удалит русских из Египта» после выполнения первой фазы отвода израильских войск на Синае – это, пожалуй, наиболее важное откровенное признание факта предательского отношения Садата к Советскому Союзу. Кое-что в то время было известно о действиях саудовцев, направленных на отрыв Египта от Советского Союза и на его сближение с США, об их попытках играть посредническую роль между Египтом и США. Но таких размеров вероломства Садата вряд ли кто-либо мог себе представить в то время.

С. 122. Весьма показательно признание Хейкала о том, что если бы была создана Федерация арабских республик (Египет, Сирия, Ливия), то в Объединенном парламенте федерации и ЦК Социалистического союза большинство не поддержало бы Садата! По каким причинам, Хейкал не пишет, но и так ясно: из-за линии Садата на сотрудничество с американцами, отсутствия у него авторитета как прогрессивного деятеля, коварного и вероломного человека.

С. 123. Хейкал испытывал такую личную неприязнь к так называемым «заговорщикам» (в значительной степени это была обратная реакция, т.к. насеристы подозрительно относились к заигрыванию Хейкала с американцами и его попыткам играть роль единственного интерпретатора взглядов покойного Насера), что одно из главных его обвинений в их адрес является то, что они... «слепо следовали за Насером», «слепо поклонялись ему». Почему такое поведение неизбежно должно было повести их к «заговору» – остается неясным. Даже если и предположить, что эти люди, окружавшие ранее Насера, «слепо» шли за ним, а после его смерти по **этой причине** вступили в «заговор», то возникает вопрос – против кого и чего был тогда «заговор». Ясно – против тех, кто был против Насера и кто хотел покончить с насеризмом! А «заговор»-то их был против Садата. Значит, это была попытка предотвратить отход от насеризма?

Хейкал своими некоторыми формулировками вызывает весьма неожиданные мысли.

С. 126. Значит, Садат чувствовал к себе недоверие со стороны насеристов сразу же после смерти Насера! Интересное утверждение Хейкала и, по-видимому, правильное. Только оно еще раз показывает, насколько коварным и вероломным был Садат, поскольку он всегда заверял в своем доверии к окружавшим его одно время насеристам. Заверял вплоть до пары дней до их ареста 13 мая 1971 г.!

С. 128. Утверждение автора о том, что Садат хотел союза с Сирией и Ливией, поскольку в этом случае будут образованы новые органы власти и проведены новые выборы (и тем самым он избавится от насеристов) – весьма примечательно. Однако это утверждение противоречит тому, что было сказано автором немного ранее на с. 122. Там утверждается обратное.

С. 129. Хейкал вновь приводит эту невероятную историю насчет спиритических сеансов, которые якобы проводили насеристы, разговаривая с «духом» Насера. В свое время она была опубликована в газете «Аль-Ахрам» и, надо сказать, многие египтяне сомневались в ее подлинности. Зато вся сцена прямо в духе Садата, для которого были хороши любые средства, чтобы скомпрометировать своих политических оппонентов.

С. 131. Хейкал оказался на заседании ВИК АСС, конечно, не случайно. Он пришел (или его пригласили), чтобы помочь Садату и поддерживавшему его тогда Махмуду Фавзи, с которым Хейкал был всегда в наилучших отношениях. Хейкал, как он пишет, якобы упомянул, что Насер в свое время информировал советских руководителей о предполагавшемся союзе с Сирией и Ливией. Этот аргумент, видимо, должен был обескуражить противников объединения. Получалось, что Москва вроде бы одобряла такой шаг.

Если Хейкал, действительно, говорил то, что написал, то он поступил нечестно. Да, Насер действительно говорил советским руководителям в июне 1970 г. о предполагавшемся объединении. Однако в ответ ему были высказаны резонные и хорошо аргументированные соображения о том, насколько важными в таком шаге являются осмотрительность, неторопливость и т.д. Одним словом, Насера не только не поощряли, наоборот, скорее давали совет не

торопиться с идеей союза. Хейкалу следовало бы помнить этот факт.

С. 132. Таким образом, Садат начал фактически переговоры с американцами как с посредниками о «промежуточном» соглашении» с Израилем **еще в начале** 1971 г.! Советскому же Союзу Садат заявлял, что никаких переговоров с американцами не ведет.

С. 132. Переговоры египтян в начале мая 1971 г. протекали не совсем так, как описывает их Хейкал. Если ему известны факты, то он должен был бы описать нелепую сцену, когда Садат разговаривал с Роджерсом **наедине**, а в это время министр иностранных дел Риад сидел в приемной. Риад, как и никто другой, не был информирован, о чем же был разговор у Садата. По словам самого Риада, он принимал участие в переговорах лишь формально.

Видимо, Садат уже тогда начал давать далеко идущие навстречу пожеланиям американцев обещания.

С. 133. Хейкал не упоминает о том, что с Сиско, который слетал в Иерусалим и вернулся обратно, вел переговоры Садат лично и наедине.

С. 133. История с молодым полицейским офицером, который якобы ночью принес Садату магнитофонные пленки с записью телефонных разговоров, не была принята даже самыми доверчивыми египтянами, она была высмеяна, в том числе и в анекдотах. Хейкал зря приводит ее как серьезную версию. Здесь сильно пахнет сценарием, написанным и разыгранным самим Садатом. Кстати говоря, имя этого «героя» до сих пор неизвестно.

С. 133. Автор не пишет (и, наверно, благоразумно поступает), что же такое услышал Садат при просушивании принесенной ему пленки, почему он сидел до утра с магнитофоном. Да и на суде не было никаких «потрясающих разоблачений» с помощью магнитофонных пленок. Недаром языкатые египтяне недоуменно спрашивали: зачем Садату понадобилось потом сжигать на костре магнитофонные пленки с записями телефонных разговоров, якобы найденных в министерстве внутренних дел: ведь записи стереть очень просто, а пленки – дорогие. Костер же был устроен во дворе министерства внутренних дел, и сам Садат перед телевизионными камерами швырял в него коробки, потом вся эта комедия показывалась и в кинохронике.

Но из событий, приводимых в книге, которые начались рано утром 10 мая 1971 г., следует, что Садат пытался сознательно дезинформировать совпосла или даже устроить ему провокацию. Вечером 11 мая совпосол имел длинную и дружественную беседу с Садатом, в конце которой спросил, кто сейчас его самые лучшие друзья, с которыми совпосол мог бы говорить так же откровенно, как с ним. Садат спросил в свою очередь, чем вызван этот вопрос. Совпосол ответил, что после увольнения в отставку Али Сабри ходят самые различные слухи и, естественно, имея в виду исключительно глубокие связи между обеими странами в самых различных областях, в том числе и конфиденциального характера, совпослу очень важно быть осторожным и не ошибиться в собеседниках. Садат, не задумываясь, ответил: «Мои лучшие друзья – Шаарави Гомаа, генерал Фавзи и Сами Шараф, с ними вы может быть так же откровенны, как со мной». Это было сказано, когда Садат, выходит, уже имел «пленочки», а 13 мая, через два дня, он всех их арестовал.

Позднее посол рассказал об этом случае Хейкалу и спросил, чем можно было объяснить именно такой ответ президента на вполне резонный в то время вопрос. Хейкал прямо ответил, что Садат всегда с подозрением относится ко всем советским людям и он хотел «проверить» советского посла – не стоит ли он за «заговором». Когда при прослушивании каких-то еще пленок с записями разговоров совпосла с египетскими должностными лицами, к которым совпосла направлял сам Садат, никаких «доказательств» причастности совпосла к «заговору» не выявилось, Садат, по словам Хейкала, был весьма раздосадован. Весьма показательная черта отношения президента к Советскому Союзу.

С. 134. Автор дает больший простор своему воображению, заявляя, что генерал Садек дал понять Садату о своей лояльности к нему 12 мая 1971 г., сказав лишь одну фразу. Это более чем сомнительное изложение. Ни для кого не было секретом, что начальник генерального штаба Садек, будучи весьма честолюбивым человеком, рвался к власти и терпеть не мог военного министра генерала Фавзи. В этом сказывалось и различие в социальном положении и политическом мышлении: Садек — представитель состоятельного высшего офицерства, богатый по египетским понятиям человек, даже владелец какой-то фабрики, ориентировался,

разумеется, на запад. Генерал Фавзи представлял ему во всех этих отношениях противоположность. Садек плохо относился к Советскому Союзу, связи с нами по военной линии воспринимал как неизбежное зло. Впоследствии, став военным министром, он был, как оказалось, организатором ряда гнусных провокаций против советских военнослужащих.

Фавзи, наоборот, выступал за теснейшее и самое добросовестное сотрудничество с Советским Союзом.

Садек **не мог не знать** критического отношения Фавзи, Гомаа и Сами Шарафа лично к Садату и тем более к его проамериканской линии. Более того, по какой-то до сих пор неизвестной причине Садек был приглашен однажды в апреле 1971 г. на ужин в доме Гомаа, где присутствовал также Фавзи, Сами Шараф, совпосол и главный советский советник генерал Окунев. Во время этого ужина Гомаа, Фавзи и Сами Шараф критически отзывались о линии Садата на сотрудничество с американками. Садек молчал, он только слушал...

Совершенно не исключено, что никакого «молодого полицейского офицера» с магнитофонными пленками и не существовало, но был генерал Садек, который информировал в соответствующем духе Садата, за что после ареста Фавзи и был назначен Садатом военным министром. А это ожидалось всеми.

Хейкал также несколько по-другому описывает ход майских событий 1971 г. по сравнению с тем, что рассказывал об этом совпослу сам Садат. По словам Садата, он якобы предложил Гомаа выбор – уйти «добровольно» в отставку или Садат сам уволит его. К тому времени, как говорил Садат совпослу, он уже позаботился о том, чтобы подобрать замену на два ключевых в данном случае поста: военного министра (Садек) и министра внутренних дел (Мамдух Салем). Так называемые «заговорщики» после того, как Садат уволил Гомаа, действительно заявили о своей коллективной отставке и... разошлись по домам спать. Именно эта ночь была бессонной для Садата, ведь он ожидал переворота, т.е. открытых против него действий. А «заговорщики» спали в своих постелях дома.

Жалко, что Хейкал не описывает этого странного поведения «заговорщиков». Если бы они хотели действовать и совершить переворот, в чем их впоследствии обвинял Садата и в чем они не

признались, т.е. если бы они захотели отстранить Садата силой, для этого не было бы проще дела – ведь все эти люди стояли во главе вооруженных сил, полиции, службы безопасности, парламента, АСС, всех средств информации. Хейкалу не мешало бы и высказать свое отношение к тому, как было обосновано обвинение «заговорщиков» в «государственной измене», и что они были приговорены сначала к смертной казни, которую Садат «милостиво» заменил пожизненной каторгой.

С. 135. Автор неправ – отдельные выступления в защиту арестованных были, но массовых волнений, действительно, не было – ведь «заговорщики» не готовили массы для государственного переворота.

С. 136. Слова генерала Фавзи о том, что «наступает распродажа Египта американцам», оказались вещими. А Садек знал, что он должен стать министром, поэтому он и посоветовал Фавзи пойти домой «отдохнуть». Тем временем дом Фавзи был взят под охрану, т.е. Фавзи был фактически арестован своим же начальником генерального штаба.

С. 137. Совпосол во время беседы с Садатом 16 мая никак не был смущенным: не с чего было смущаться. Кстати, Хейкал на этой беседе не присутствовал, поэтому информацию о ней мог получить только от самого Садата, которому надо было выставить кого-то «смущенным»...

Садат во время беседы был совершенно растерянным, был не то, что бледным, а каким-то серым, мокрым от пота, который, казалось, непрестанно катился по его лицу. Так всегда бывает с Садатом, когда он испытает сильное волнение. Садат признался, что он не спал уже три ночи. Так что замечание Хейкала о том, что нервы у Садата не сдали, отдает неумной лестью. В более растерянном виде совпосол Садата за 4 года службы в Египте не видел.

С. 137. Хейкал неточно излагает беседу Сами Шарафа в Москве. И делегацию на XXIV съезде КПСС возглавлял не он, а Абу Нур – первый секретарь ЦК АСС. А встречу с Л.И. Брежневым Сами Шараф просил по **прямому поручению Садата**!

Шараф не говорил, что Насер сделал именно его ответственным за сохранение дружбы между Египтом и Советским Союзом. Сами Шараф говорил, что эта задача была поручена Насером Садату, Гомаа, Фавзи и ему.

С. 138. Откуда Хейкал черпает информацию, совершенно не соответствующую действительности? Сами Шараф не обсуждал вопрос о договоре с Советским Союзом, не говоря уже о том, что текст такого договора был якобы подготовлен Сами Шарафом. Это, видимо, опять дезинформация Садата.

Далее: речь шла не о создании военно-морской академии в Мерса-Матрух, а об организации там военно-воздушного египетского колледжа. И эта просьба была не советской стороны, а самого Садата!

С. 138. Никакой договоренности во время беседы Сами Шарафа о визите одного из советских руководителей в Каир не было. И речь об этом не шла.

Дело было по-другому. Садат после ареста «заговорщиков» неоднократно просил, чтобы в Каир приехал один из советских руководителей, одновременно Садат выдвигал идею о заключении с Советским Союзом договора о дружбе.

Вероятно, обе эти просьбы были лишь тактическим ходом Садата. Он не рассчитывал ни на высокий визит из СССР в Каир, ни на согласие на заключение договора в таких условиях. Иначе почему же он так растерялся, когда ему было сообщено о согласии с обоими его предложениями?

С. 138. Сами Шараф никогда не только не пытался убедить совпосла не иметь прямых контактов с президентом, он вообще не подымал такого вопроса. Так что все это, включая описание реакции совпосла, чистая фантазия самого Хейкала. Дело имело другой оттенок: Садат просил, чтобы совпосол больше контактировал с Сами Шарафом, которому он вроде бы поручил «ввести в курс дела» только что прибывшего совпосла.

С. 138. Садат, конечно, дал Хейкалу искаженную версию своих переговоров с Н.В. Подгорным. И главное – не упомянул, что на договоре Садат ранее настаивал сам. Здесь же дело представлено так, будто бы Советский Союз был инициатором заключения договора.

С. 138. Политический ералаш в голове автора отчетливо виден на этом примере, когда он пытается провести параллель между англо-египетским договором 1936 г., который закабалял Египет, и советско-египетским договором о дружбе, который делал

его сильным, укреплял независимость Египта. Странная «близорукость» автора!

С. 138. Действительно, египтяне попросили установить срок действия договора в 15 лет, что, к удивлению всех, не помешало Садату впоследствии, когда ему было нужно, утверждать, что он, дескать, настаивал на тридцатилетнем сроке, а русские согласились только на 15 лет!

С. 139. «Восторженный прием», оказанный советским гостям в Каире, был хорошо организованным властями мероприятием. И это никого не удивило. Никаких вопросов относительно симпатий народа к группе Али Сабри ни у кого не возникало. Слишком часто фантазирует автор. С чьих слов?

С. 139. Новое послание Никсона Садату с предложением продолжать контакты «по спокойным дипломатическим каналам» является свидетельством продолжения двуличной в отношении Советского Союза политики Садата. Советский Союз об этих контактах с американцами не был, разумеется, информирован.

С. 139. Хейкал, надо понимать, с иронией описывает, как Никсон поверил утверждениям короля Фейсала о том, что большевизм – это детище сионизма! Хейкал явно кокетничает своим знакомством с Фейсалом, а между тем он не раз «жаловался» совпослу, что Фейсал запрещает публикацию его статей в Саудовской Аравии и вообще считает его своим врагом.

С. 140. Одно из самых поразительных откровений в книге Хейкала – признание, и даже подчеркивание, того факта, что, несмотря ни на какие антиамериканские заявления, встречи с советскими руководителями, во время которых Садат прямо-таки клялся в том, что не ведет никаких закулисных дел, и т.д. – между Садатом и Никсоном поддерживалась постоянная переписка по каналу связи, существовавшему между ЦРУ США (!) и египетской разведкой! Значит, можно допустить и наличие сотрудничества между разведслужбами обеих стран. Ничего подобного, вероломного в отношении Советского Союза при Насере, конечно, не могло и быть.

С. 141. Садат не информировал Советский Союз и об этих контактах с американцами, когда они интересовались возможным влиянием советско-египетского Договора о дружбе на отношения Египта с США – фактически на дальнейшее продвижение по

«плану Роджерса». Как следует из описания, Садат продолжал не только поддерживать надежды американцев, но и проявил открытую готовность к сотрудничеству с ними – за спиной Советского Союза, хотя публично и отвергал «план Роджерса».

Ошибка, видимо, состояла в том, что не допускалась такая низость в поведении Садата.

С. 143. В изложении советской реакции на суданские события летом 1971 г. Хейкал опять допускает много вольностей, основываясь на том, что говорил ему Садат (например, об отношении к Махджубу). Становится все более ясным, что Садат не просто неточно информировал Хейкала, но во многих случаях явно сознательно в нужном ему направлении (в любом случае для компрометации Советского Союза) **искажал** факты. Откуда, например, эта чудовищное по глупости утверждение, что телефонный разговор Садата с Нимейри был подслушан «советами»?

С. 143. Хейкал очень болезненно относится к критике, особенно если чувствует, что у него «рыльце в пушку». Поскольку он наряду с правильными и полезными вещами писал и провокационные статьи о Советском Союзе, доходящие иногда до недружелюбия, Хейкала часто критиковали, в том числе при личных встречах, обращали внимание египетских руководителей на его выступления, но никогда, конечно, не доходило до того, чтобы давать понять египтянам, как он пишет, о необходимости «избавиться» от Хейкала. Другое дело, каким образом Садат передавал Хейкалу то, что могло говориться о его статьях, Садат наверняка настраивал Хейкала против Советского Союза любыми способами и самым верным – дезинформацией, поскольку Хейкал после смерти Насера перестал иметь доступ к личным бумагам нового президента.

С. 144. Разговор во время обеда с Б.Н. Пономаревым передан Хейкалом явно искаженно, здесь автор бесстыдно использовал свое положение гостя с тем, чтобы показать себя умным, а его собеседников глупцами. Хейкал держался на этом обеде, мягко говоря, не лучшим образом. Он хотел на этом обеде как-то реабилитировать себя в глазах советских людей. Это точно. И это ему не удалось.

С. 146. Грубое искажение фактов. Бергус был не у Мохаммеда Риада, а у министра – Махмуда Риада и он, действительно, ос-

тавил ему памятную записку. Будучи честным в отношениях с Советским Союзом, министр немедленно после ухода Бергуса пригласил совпосла и передал ему с возмущением копию так называемого «меморандума» Бергуса.

С. 147. Выдумка Хейкала о разговоре относительно «группы Али Сабри» и т.д.

С. 149. Опять любопытное признание о контактах египетской и американской разведок, на этот раз и с упоминанием имени американского резидента Юджина Троне (о его деятельности было известно).

Египтяне, конечно, ничего не сообщали своим советским друзьям о контактах с американцами, хотя дело касалось советских военнослужащих. По советско-египетскому соглашению, египетская сторона была обязана предпринимать все необходимые меры контрразведывательного порядка для обеспечения их нормальной работы.

С. 150. Рандопуло был, наверно, убит.

С. 150. До того нравятся египтянам немецкие имена, что Хейкал даже выдумал советского генерала по имени... Шварцкопф!

С. 151. Хейкал пишет, что совпосол пригласил его для беседы по вопросу, который он хотел затронуть в «чисто личном и конфиденциальном порядке». Ну, а дальше Хейкал не стесняется описывать сам разговор. Есть ли у него совесть?

С. 151. Никакого доклада о результатах расследования египтяне так и не представили.

С. 152. Опять подчеркивание связей США с Египтом по линии разведывательной службы. Американскую шпионку Садат отпустил лишь для того, чтобы держать этот канал открытым.

С. 154. Расхождение во взглядах Садата и министра иностранных дел Риада не было иллюзией, как заявляет автор. Это, действительно, имело место. Риад, будучи честным патриотом и имея богатый опыт контактов с американцами, хорошо видел их цели, знал и повадки. Он был **против** сговора с США (к тому же за спиной Совестного Союза), ничего, видимо, не знал о секретных контактах Садата через ЦРУ, во всяком случае, о содержании этой оживленной переписки. Неудивительно, что вскоре, когда Садат взял более открытый курс на сотрудничество с США. Риада сняли с поста министра иностранных дел.

Садат же гнул свою линию и поэтому относился к Риаду с известным подозрением, чему еще способствовало то, что Риад симпатизировал Али Сабри, считая его одним из умнейших людей в стране.

С. 157. Замечание Хейкала о том, что Советский Союз не имел никакого отношения к египетским военным планам – правильное. Американцы некоторое время даже не хотели этому верить.

С. 156. Садат, действительно, позволял себе подобного рода бестактные высказывания в адрес советских руководителей. Он вообще часто любил сравнивать себя то со Сталиным, то с Черчиллем. Одним словом, лавры славы не давали и не дают ему покоя.

С. 157. Характерная позиция Хейкала – он боится сказать что-либо определенное в положительном плане о прогрессивных деятелях типа Азиза Сидки. Он никак не оценивает факт замены Фавзи д-ром Сидки на посту премьер-министра. Видимо, Хейкалу, который находился всегда в весьма близких отношениях с д-ром Фавзи, стало известно о расхождениях между Фавзи и Садатом именно в отношении американской стороны внешней политики Египта. Последовавшие через два года события показали, что хотя Фавзи всегда выступал за контакты с американцами и **использование** их в интересах Египта, он не мог согласиться с тем безудержным флиртом, который Садат повел с США. Фавзи ушел с поста вице-президента именно по этой причине. Об этих разногласиях Фавзи с Садатом Хейкал рассказывал совпослу.

С. 158. Совершенно бездоказательно утверждение Хейкала, наверняка услышанное им от Садата, об уязвимости бомбардировщиков ТУ-16. Эту версию усиленно раздувал Садат после того, как добился получения этих самолетов из Советского Союза. Надо вспомнить, что в свое время наше несогласие на их поставки Садат делал чуть не ключевым вопросом в советско-египетских отношениях. Получив самолеты, он лишился вроде бы повода для обвинений Советского Союза. Тогда им была выдвинута версия о том, что эти самолеты некачественные! К тому времени египтяне уже имели экипажи для работы на самолетах ТУ-16. Как и всякая машина, наряду с положительными качествами, ТУ-16 имел и недостаток – был относительно тихоходным. Однако он предназна-

чался для ракетных ударов с воздуха по дальним целям. Учитывая небольшие расстояния египетского театра военных действий, этим бомбардировщикам для выполнения своих задач и не требовалось выполнения скоростных полетов, которые могли бы оказаться опасными. ТУ-16 был, скорее, «оружием сдерживания» Израиля от нанесения им ударов по глубинным районам Египта.

Дело было в другом. Именно при Садеке, когда тот был военным министром, резко активизировалась кампания в Египте по дискредитации советской техники, находившейся на вооружении египетской армии. Каких только не выдумывалось небылиц, которые перепевались на все лады не только в армии, но и в кофейнях, автобусах и т.д. Садат повторял выдумки в беседах с совпослом, он их использовал для обвинений Советского Союза в плохой помощи Египту, когда Садату надо было оправдаться за какие-то свои промахи внутриполитического и внешнеполитического свойства, для восхваления помощи США Израилю. Неудивительно, что, получив, наконец, бомбардировщики ТУ-16, о которых просил еще Насер, Садат сразу же начал кампанию по их дискредитации с тем, чтобы оправдать свое бездействие. Ведь по-настоящему воевать-то он, как оказалось, и не собирался!

С. 158. Интересный пример того, как делается политика на Арабском Востоке. Если Хейкал опять не выдумывает, Садат заявил Фейсалу, что во время его, Садата, пребывания с визитом в Москве египетская армия будет получать указания от... короля Фейсала (если, конечно, в этом возникнет необходимость). Конечно, никогда ничего подобного не случилось, да и никто в Египте и не вздумал бы подчиниться Фейсалу. Но вот – красивый жест сделан. Но не это главное. Действительно, Фейсал пообещал Садату английские истребители-бомбардировщики «Лайтнинг», и Садат пытался шантажировать Советский Союз этим фактом. Но он ни на кого впечатления не произвел. В Москве Садату сказали: хочешь брать «Лайтнинги» – бери, но мы знаем их невысокое качество. И решение о поставке самолетов ТУ-22 никак с «Лайтнингами» связано не было (кстати, египтяне отказались получать ТУ-22). А «Лайтнинги» не были поставлены саудовцами потому, что они были в плохом состоянии.

С. 160. Харуби совершил намаз в Кремле в кабинете А.Н. Косыгина прямо под портретом Карла Маркса. Это было, действительно, невиданное до сих пор в Кремле зрелище.

С. 160. История с провокацией, связанной с золотыми вещами, изложена Хейкалом неправильно. Это была именно провокация, так сказать, классического типа. Никаких больших количеств золота советские специалисты никогда не вывозили. Это были обычные сувениры, которые **навязываются** дотошными египетскими торговцами **всем иностранцам**, посещающим Каир.

За годовое или двухлетнее пребывание в Египте советские специалисты, разумеется, накапливали некоторое количество средств и тратили их на сувениры, выбор которых в Египте не так уж богат. Советские представители неоднократно просили египетские власти организовать специальный киоск для продажи под контролем египтян советским военнослужащим, отправляющимся на родину, различных сувениров, но каждый раз египтяне отвечали отказом. Никогда наши люди не вывозили золота в слитках, как пишет с чьих-то слов Хейкал.

Следует также напомнить, что по советско-египетскому соглашению советские военнослужащие не должны были подвергаться таможенному досмотру. Однако по указанию Садека это положение было нарушено: египетские власти пытались не выпускать очередную партию советских военнослужащих, отбывающих на родину, требовали полного таможенного досмотра, включая и личный обыск. Возникло недоразумение. Египтяне вызвали автоматчиков, которые окружили здание военного аэропорта. Провокационный характер затеи стал еще более ясен, когда совпослу не удалось связаться ни с Садеком, ни с Хигази (тогдашним министром финансов, в ведении которого находились таможни), ни с министром иностранных дел, ни с Садатом. Все они вдруг в один день оказались «вне Каира». А день-то был рабочий. Пришлось обратиться к советнику президента по вопросам национальной безопасности Хафезу Исмаилу, который обещал «разыскать президента» и прямо назвал действия властей провокационными, просил не поддаваться на провокацию, заранее рассчитанную на взрыв возмущения советской стороны.

По указанию совпосла советские военнослужащие предъявили для таможенного досмотра все имевшиеся у них вещи. Оказа-

лось, что в среднем на каждого отбывающего приходилось примерно по **одному** (!) небольшому сувениру, сделанному из золота, типа брошки, колечка и т.д.

Не упоминает Хейкал и о том, что позднее, когда вся эта затея провалилась, Садат в телефонном разговоре с совпослом извинился за инцидент, заявив, что «ему стыдно, что в Египте есть люди, которые так неблагодарны к русским».

Кстати, вопреки утверждению Хейкала, совпосол на аэродром не выезжал.

С. 161. Историю с предложением о замене советских расчетов на египетские Хейкал также излагает недобросовестно, начиная хотя бы опять с того неверного утверждения, распространявшегося Садатом, что пребывание советских военных в Египте якобы оплачивалось Египтом в свободной валюте. И маршал Гречко прибыл в Египте не в связи с историей с заменой советских расчетов.

В действительности сначала Садек, а затем Садат заявили, что хотели бы немедленно заменить половину (затем треть) советских расчетов на зенитно-ракетных комплексах на египетские, только что подготовленные в Советском Союзе. Спешка не вызывалась никакими практическим соображениями, более того, к египтянам должны были прибыть новые ЗРК, для которых тогда расчетов вообще не оказалось бы. Принятие предложения египтян означало бы резкое ухудшение состояние ПВО страны, за которую в известной степени отвечал Советский Союз, и на это обстоятельство было обращено внимание Садата.

Но была и политическая сторона дела. Садат спешил провести демонстрацию отправки большой группы советских военнослужащих <u>накануне приезда Никсона в Москву</u> для переговоров, во время которых видное место должен был занять и вопрос о положении на Ближнем Востоке. Советская сторона, как оказалось, правильно разгадала тогда замысел Садата как демонстрацию перед американцами своего недружелюбия к Советскому Союзу, выдачу Никсону своего рода векселя.

На это обстоятельство было обращено внимание Садата во время его последнего визита в Москву в апреле 1972 г. Садат тогда заявил, что он повременит с отводом советских военных из

Египта. Советская сторона **никогда** не настаивала на нахождении советских военных частей в Египте.

С. 162 . Не знает Хейкал истории с поставкой самолетов МИГ-23. Он явно слушал чьи-то искаженные версии. Можно сказать лишь одно: ни за один самолет, поставленный из Советского Союза, Египет не платил ни цента свободной валюты. Все поставки были на условиях сверхльготных кредитов, весьма длительных и за полцены, с оплатой по советско-египетскому клирингу, т.е. в конечном счете египетскими товарами. Поскольку кредиты были весьма длительными, египтяне, можно сказать, еще и не приступали по-настоящему рассчитываться за все эти поставки. Они пока как бы записывались в долг.

С. 163. Очередная неправда, излагаемая Хейкалом и опять по версии, которую распространял Садат. Никакого коммюнике или проекта заявления «от имени» Центрального комитета (?!!) Советского Союза» не было.

После посещения Садатом вместе с маршалом Гречко военно-воздушной базы Кайро-Уэст, где Садату были продемонстрированы самолеты М-500, СУ-7 и СУ-17Б (которые египтяне хотели купить), <u>с согласия</u> Садата было опубликовано краткое информационное сообщение, составленное на месте. В нем просто говорилось о том, что Садат и Гречко посетили одну из баз египетских ВВС, где им были продемонстрированы современные боевые самолеты, в том числе, летающие почти с трехзвуковой скоростью; Садат и Гречко пожелали успеха египетским пилотам в деле защиты неба своей родины. В сообщении не упоминалось, что <u>египетские пилоты</u> умеют летать на таких самолетах или что они ими владеют. Заявление было нужным, оно говорило <u>о наличии в Египте современных самолетов,</u> и Садат без каких-либо колебаний согласился на такое информационное сообщение для печати.

Характерно другое: Садат **с трудом** согласился посетить эту военно-воздушную базу вместе с Гречко, а в Александрию на осмотр советских военных кораблей ехать отказался – по его мнению, это была бы слишком большая демонстрация в пользу Советского Союза накануне визита Никсона в Москву.

С. 164. Хейкал, действительно, опубликовал какие-то данные о том, что Советский Союз в некоторой степени заинтересован в продолжении состояния «ни войны – ни мира». Как и всякий че-

ловек, не сведущий в технике, он считает, что все высказанное ЭВМ и есть непреложная истина, не зная о том, что эта «истина» зависит от того, какие и каким образом направленные данные были вложены в ЭВМ.

Вообще сомнительно, был ли проведен даже такой эксперимент. Во всяком случае, неизвестно, где и кем он был произведен, какая «программа» была заложена в машину.

С. 167. Нужно же Хейкалу повторять нелепицы, распространявшиеся врагами Египта об использовании русскими египетских аэродромов! Действительно, нужно ли было Совестному Союзу тайно ввозить свои войска в Египет? Ведь Хейкал-то хорошо знает, как долго пришлось Насеру **просить** советских руководителей прислать свои расчеты на установках ПВО!

Конечно, большие контейнеры, которые, возможно, и прибывали в Кайро-Уэст, можно назвать чем угодно. Поди проверь, прибывали ли вообще такие контейнеры.

С. 167. Хейкал вновь повторяет ложь Садата об оплате услуг советских специалистов «твердой» валютой. Не было и послания Л.И. Брежнева, о котором он упоминает.

С. 167. Правильное замечание Хейкала о том, что египтяне (Садат) сводили все переговоры с советскими руководителями и даже в целом отношения между обеими странами к вопросам поставки оружия из Советского Союза. Правильно также, что египетские запросы всегда были завышенными, видимо для того, чтобы оправдать атмосферу недовольства Советским Союзом, которую всегда усиленно пытался создать Садат.

С. 168. Хейкал не замечает гнусности, которую пишет. Действительно, положение было странное: в полной боевой готовности, относясь со всей серьезностью к порученному делу, советские солдаты жили в подземных казематах в голой пустыне, зорко оберегая египетское небо – они **несли службу** ПВО страны.

И каким контрастом для них было беспечное гуляние болтающейся беззаботной египетской молодежи по вечерам в ярко освещенной Александрии! Очень трудно было объяснить нашим солдатам и офицерам все эти вещи и, главное, ответить на вопрос: зачем их прислали, коль сами египтяне с такой беззаботностью относятся к военной службе и вообще в войне.

А что касается заявления Садата об автоматической «самомобилизации» народа, «когда прозвучит первый выстрел», то эти петушиные крики, к сожалению, часто подменяли серьезную подготовку населения к последствиям военных действий. В Каире для народа не было выстроено ни **одного** бомбоубежища, не были развернуты и пункты первой помощи. Счастье египтян в том, что ни одна израильская бомба или ракета не упала на Каир. Уверен, что вместо «самомобилизации» была бы невиданная паника, не говоря уже о неизбежных пожарах, жертвах и т.д. Египетский народ не испытал по-настоящему, что такое война. И, может быть, пусть и минет его такое трудное испытание.

С. 170. Напрасно Хейкал набрасывает тень таинственности на решение Садата о прекращении миссии советских военных в Египте. Вот он ссылается на то, что нельзя ничего сказать с уверенностью, если сам Садат не решит рассказать. Ну, а Садат? Что за бормотание: он, видите ли, «в течение предыдущего месяца чувствовал себя несчастным, ощущал, что что-то созревает в тайниках его мозга, но не мог решить точно, что же это было»?

Такие «объяснения» годятся разве что для популярных религиозных брошюрок. А ведь Хейкал в более сложных вопросах излагает свое мнение, хотя иногда и ошибочное.

Думается, что Хейкал чувствует (если не знал об этом ранее точно), что решение об удалении советских военных из Египта, введенных с таким трудом Насером, было принято для того, чтобы сделать большой шаг навстречу США, если не в сговоре с ними.

Как ни рассуждай – это решение Садата **ослабляло** Египет и в самый, казалось бы, неподходящий момент – когда Советский Союз ставил вопросы ближневосточного урегулирования на встречах с американцами на самом высоком уровне. Оно ослабило Египет не только в военном плане, но, что особенно важно, – политически: выбивало из наших рук большой козырь при давлении на США.

Американцы всегда ссылались на то, что, дескать, Израилю трудно пойти на мир с арабами ввиду советского «военного присутствия» в Египте. Мы отвечали, что при достижении подлинного мира «можно ожидать» просьбы арабов о прекращении миссии советских военных на Ближнем Востоке. Одним словом: будет

вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, будет и вывод советских военных.

Более того, советское «военное присутствие», коль скоро оно уже имело место, заставляло Израиль и США осторожнее относиться к возможности военных действий против Египта, поскольку сразу же появлялся риск прямой конфронтации с Советским Союзом в военном плане.

Теперь же Садат в угоду американцам решил выбить из наших рук этот козырь.

Все дело было, видимо, в том, что, хочет того Хейкал или нет, став президентом после смерти Насера, Садат установил контакт с США и повел курс на отрыв от Советского Союза. Хейкал, видимо, чувствует это, но сказать открыто боится.

С. 172. Хейкал путает технических военных специалистов с военными советниками. Садат решил избавиться от советников, но просил оставить технических специалистов.

С. 172. Если Хейкал здесь точен, то формулировка Садата: «Мы порвали с Советским Союзом», весьма красноречиво говорит о намерениях, лежавших в основе решения Садат о советских военных.

С. 173. Хейкал зачем-то повторяет ложь Садата относительно «группы Али Сабри», контактов совпосла и далее – о военных поставках из Советского Союза. Неужели он не видит, сколько тут нелепостей.

С. 174. Почему Садат мог «догадываться» о содержании послания из Москвы, которое ему привез совпосол? Странно. И встреча была не на Барраже, а во дворце Тахра.

С. 174. Похоже на издевательство, когда Хейкал приводит слова Садата о том, что «в течение четырех лет сперва Насер, а затем и я, страдали от их поведения» (Советского Союза, который оказал Египту многомиллиардную помощь, не говоря уже о политической поддержке!).

С. 174. Садат не информировал нас о получении им очередного секретного послания американцев за день до того, как совпосол посетил его и когда Садат объявил ему о решении относительно прекращения миссии советских военных. Видимо, это американское послание и сыграло решающую роль в принятии Садатом антисоветского (практически и антиегипетского) решения.

С. 174. Садат сознательно искажает существо послания, пытаясь притянуть Хейкала на свою сторону, и поэтому говорил ему, что якобы послание подвергает личной критике его, Хейкала. Ничего этого в послании не было. Отсюда ясно, что Садат не показывал Хейкалу текста послания.

С. 175. Садат не говорил совпослу ничего подобного. Если бы он посмел сказать о том, что советские руководители ему «лгали», он немедленно получил бы надлежащий отпор. Садат рисуется перед своими слушателями, а Хейкал повторяет ложь Садата.

С. 176. Ответ советской стороны Сидки во время его визита в Москву 13 июля 1972 г. приводится точно: Советский Союз не будет участвовать в ослаблении Египта. Однако тут же содержится и выдумка – относительно письма советской стороны, якобы врученного Сидки, в котором содержится отказ от поставок вооружения. Наоборот, Сидки увез предложения о создании военных предприятий в Египте, на что Садат, кстати говоря, так и не пошел.

С. 177. Хейкал неточен, когда безапелляционно утверждает, что в Египте решение о прекращении миссии советских военных было «хорошо воспринято». Это справедливо лишь в отношении буржуазных, реакционных элементов общества. Было много данных (и Хейкал наверняка о них знает, он сам разделял это мнение), что многими думающими людьми, не говоря уже о прогрессивной части общества, трудящихся, военнослужащих, решение Садата было воспринято как наносящее ущерб прежде всего самому Египту, как его ослабление. Разве такое ощущение можно назвать хорошим принятием проамериканского решения Садата? И разве стал более популярен Садек, если его через три месяца Садат был даже вынужден убрать с поста военного министра?

С. 177. Что за утверждение – «советское оружие не показало себя хорошо, хотя, говоря по справедливости, оно не прошло настоящей проверки»? Что же, Хейкал хотел иметь оружие, которое само сметало бы с лица земли израильтян, стоит только в Каире нажать кнопку?

С. 178. Египетские вооруженные силы после катастрофического поражения в 1967 г. нужно было не «перестроить», как говорит автор, а воссоздать заново: армии практически не существовало, и задачей советских военных была не перестройка, а

создание ее **заново**. И в том, что она была создана – в этом неменкнущая заслуга советских офицеров.

С. 178. Автор опять показываем свое невежество в военных делах, выдумывая, что советские танки были сконструированы «для арктических условий»(!). Конечно, в Советском Союзе не было танков с кондиционированием воздуха, ваннами, мягкими перинами и охлажденным лимонадом, который подавался бы прямо в рот, стоит только захотеть! Впрочем, таких танков, о которых, видимо, кое-кто мечтал в Египте, нет и не будет ни в какой другой армии.

С. 179. Вздорное утверждение автора о том, что египетские офицеры, видите ли, имели преимущества перед советскими военными советниками – первые, якобы, имели боевой опыт, а вторые – нет. Справедливости ради надо сказать, что первые – египетские офицеры – имели, в основном, один опыт – бега от израильской армии. Советские офицеры, как правило, имели настоящий боевой опыт, полученный на фонтах Великой Отечественное войны. Поэтому замечание Хейкала по меньшей мере бестактно.

С. 180. Опять автор не знает фактов. Все было по-другому: адмирал Горшков прибыл в Александрию, сообщил, что **хочет нанести** визит главкому ВМФ Египта адмиралу Фахми, однако тот счел форму обращения советского адмирала недостаточно учтивой **и не принял его**. Фахми затем прибыл в Каир, но теперь советский адмирал не пожелал с ним встречаться.

С. 180. В вопросе смещения Садатом с поста военного министра
Садека (несмотря на то, что еще почти год тому назад именно Садек выручил Садата, когда тот удалял насеристов) решающую роль, видимо, сыграло довольно независимое поведение Садека, которое могло показаться Садату **излишне** независимым. Известны были и симпатии к Садеку со стороны богатой офицерской верхушки общества, которая никогда не принимала Садата «на равных», ставила его ниже себя, хотя тот и стремился угождать. Садек при таких обстоятельствах легко мог стать «центром» государственного переворота против Садата, а тот интуитивно это чувствовал. Поводов для смещения Садека было достаточно, и реальных: нежелание воевать, слабая дисциплина в армии и т.д. Не следует также сбрасывать со счетов и тот факт, что Садек в

июне месяце совершил официальный визит в СССР, где был **очень** хорошо принят. Садат в своей дикой подозрительности мог подумать, что Советский Союз «делает ставку» на Садека.

С. 183. Снова автор напускает туман на поведение Садата в отношении Советского Союза. Он лишь упоминает о получении Садатом послания из США «под столом» в том смысле, что «ключ к решению ближневосточного конфликта в руках США». Совпадение с поездками саудовцев не случайное: они действовали как адвокаты американцев, призывая Садата занять более откровенную антисоветскую позицию.

Решение Садата об удалении советских военных было, конечно, результатом его фактического сговора с американцами, это был своего рода «кредит» Садата американцам, который они должны были оплатить позднее.

С. 184. Киссинджер, как всегда, выразился весьма цинично. Видимо, даже в глазах американцев Садат перестарался, удалив советских военных и не получив ничего взамен от США. Значит, наши предположения, доложенные в свое время в Москву, были правильными. А тогда мы, естественно, еще не знали об этом циничном заявлении Киссинджера («Я получил все за ничто»).

С. 191. Автор неправильно относит трудности в вопросе слияния Ливии с Египтом за счет бюрократии. Он либо не знает, либо не хочет откровенно поведать, в чем было дело. Садат прекрасно понимал, что при слиянии с Ливией (что значительно усилило бы Египет экономически) ему придется дать какой-либо пост Каддафи, и не номинальный, а реальный пост, скажем – главнокомандующего объединенными вооруженными силами, на что претендовал Каддафи, или премьер-министра объединенной страны, или даже президента. Весь вопрос состоял в том, чего не отдавать Каддафи. Садат по своей натуре вообще не может допустить и мысли, что кто-то будет действовать самостоятельно, не только вопреки, но и параллельно ему. Именно поэтому, чтобы сдержать пыл Каддафи, египтяне и придумали хитроумную систему совместных египетско-ливийских комиссий, комитетов и подкомитетов с тем, чтобы разработать основные положения совместной жизни двух государств (система государственного управления, экономика, политические институты и т.д.). На самом же деле для того, чтобы, формально не отталкивая ливийцев, уг-

робить по существу их идею объединения обеих стран. Об этой тактике совпослу доверительно говорил Хафез Исмаил.

Как известно, ливийцам осточертели бесплодные и бесконечные заседания, они поссорились с Садатом, причем последним жестом был известный марш тысяч ливийцев на Каир летом 1973 г. с петицией к Садату, подписанной кровью и требующей немедленного объединения обеих стран. Садат игнорировал и это мелодраматическое обращение ливийцев.

С. 192. Драматический случай с ливийским самолетом гражданской авиации, который был хладнокровно сбит вместе с пассажирами израильтянами при полном бездействии египтян, весьма показателен в том смысле, что он отражает уже достигнутый к тому времени сговор Садата с американцами не обострять раньше времени обстановку. Все уже было запланировано на октябрь, когда должен был разыграться спектакль, сценарий которого готовился еще в феврале. Ливийцы были тогда Садату лишь помехой.

С. 189. Автор зачем-то вновь подчеркивает связи Садата с ЦРУ США.

С. 199. Здесь мы, конечно, дали промашку, поскольку по какой-то традиции (т.е. версии, передававшейся от одного лица к другому) считали Заки Хашема чуть ли не прогрессивным деятелем, едва ли не «бывшим коммунистом»! А он, оказывается, работал на американцев!

Хейкал раскрывает закулисные детали новых секретных американо-египетских контактов, о которых нам египтяне ничего не сообщали, более того – Садат неоднократно клялся, что у Египта нет таких контактов.

С. 200. Лгал нам, выходит, не только Садат, но и Хафез Измаил. Ведь об этих секретных переговорах с Киссинджером Хафез Исмаил нам ничего не сообщал.

С. 200. Поразительные ошибки Хейкала в фактах! В то время Хафез Ганем был первым секретарем ЦК АСС, а не советником президента. Садат не доверял и Хафезу Исмаилу – своему советнику по вопросам национальной безопасности («моему Киссинджеру», как называл его совпослу Садат), и поэтому в виде контролера и соглядатая вместе с Х. Исмаилом всюду посылал Х. Ганема – по-собачьи преданного президенту человека, абсолютно без

собственного мнения и даже лица. Такая система – обычное дело для Садата. Даже когда он посылал Азиза Сидки в Москву – своего премьер-министра, его сопровождал Мамдух Салем – верный слуга Садата, бывший тогда министром внутренних дел.

С. 201. Если Хафез Исмаил, действительно, говорил Никсону, что удаление советских военных из Египта было проявлением решимости Египта «находиться вне сфер влияния», то это было просто подло со стороны Х. Исмаила – ведь с нами он разыгрывал роль большого друга, представлялся человеком, считающим необходимым для Египта **опираться** на СССР.

Если Хафез Исмаил, действительно, заявлял Никсону, что основной причиной ближневосточного конфликта является столкновение еврейского общества с палестинским, то это отражает не только непонимание сущности конфликта, но и представляет собой подсказку американцам: этот конфликт, дескать, не касается прямо египтян, Египет может быть и в стороне. Впрочем, Хафез Исмаил всегда в беседах с совпослом отзывался пренебрежительно о палестинцах, равно как и о сирийцах.

С. 202. Если Хафез Исмаил вынес от встречи с Никсоном впечатление, что тот подлинно благожелательно расположен к Египту, то нам он тогда говорил неправду, заявляя о враждебности США к Египту.

С. 202. Хафез Исмаил и Садат не информировали нас об этих беседах с Киссинджером, даже когда Хафез Исмаил был в Москве! Как это назвать? Но невольные разоблачения Хейкалом Садата в предательском отношении к нам перестают быть новостью, чем больше просматриваешь книгу. Здесь более важно другое: Хейкал выбалтывает фактическую подоплеку всех событий в октябре 1973 г. и позже. Следует только вдуматься, что же сказал Никсон: американское правительство было бы готово оказать нажим на Израиль «если бы существовала и была видна “моральная основа” для его использования и это могло быть продемонстрировано американскому общественному мнению»!

И, конечно же, зная подозрительность Садата и всячески раздувая ее в отношении Советского Союза, Никсон не побоялся провокационно заявить Хафезу Исмаилу, что если Египет попытается ставить палки в колеса отношений США и СССР, то он «глубоко ошибется»!

С. 203. Хейкал здесь прав в определении целей американцев. Особенно в последнем: «Конечным результатом должен быть “мир по-американски”, гарантирующий американские интересы в этом районе».

С. 205. Слова Садата о том, что разрядка международной напряженности становится реальностью и «может быть нам (Египту. – *В.В.*) навязана до того, как мы сможем навязать ее себе», говорит о полном непонимании этим буржуазным националистическим деятелем разницы во внешней политике двух государств – капиталистического (США) и социалистического (СССР). Чего же боялся Садат? Он говорит: «Разрядка установит условия для решения проблемы Ближнего Востока вместо того, чтобы ближневосточная проблема сама установила условия для разрядки».

Хейкал – тоже националистический деятель – вообще-то часто солидаризируется с таким отсутствием различного подхода к внешней политике США и СССР. Поэтому он и приводит слова Садата.

Глава IV. «Война»

С. 207. Вряд ли надо характеризовать план операции «Бадр» как «отличный». Ведь он оказался явно ошибочным по своим конечным результатам. Он не предусматривал весьма существенного положения – действий в случае успеха, самого развития успеха. Поэтому, грубо говоря, как бы ни был хорош план форсирования канала, следует признать, что он был рассчитан, следовательно, на **неуспех**, на большие потери, т.е. на минимальные результаты. Так что это за «отличный» план?

С. 209. Автор весьма произвольно оперирует словами о том, какие инструкции, например, совпосол получил из Москвы. Отсюда и его частое вранье. В частности, и здесь искажение, причем сознательное, основанное на той версии, которую после военных действие выдвигал Садат.

6 октября из Москвы не было предложения о прекращении огня, был лишь вопрос к Садату, желание посоветоваться в связи с информацией совпосла в Сирии о мнении Асада относительно целесообразности выдвижения Советским Союзом в Совете безопасности ООН предложения о прекращении огня с оставлением войск на занимаемых позициях. Садату же было выгодно изображать дело так, будто бы Советский Союз с первого дня начала военных действий настаивал на прекращении огня.

С. 211. Распоряжение израильского командования уже 7 октября всем войскам на линии Барлева самим решать вопрос, что делать: сдаваться или уйти вглубь полуострова – звучит весьма странно. Ведь не прошло и половины суток(!) после начала военных действий, а израильское командование уже издает такой приказ! Странно и непонятно.

Все становится на свое место, если допустить, что израильтяне заранее знали о предстоящем форсировании канала, т.е. были участниками большой политической игры США, Египта и Израиля. Погибшие же израильские солдаты на линии Барлева (кстати, говорят, там их оказалось подозрительно мало) были обречены как «мученики».

С. 212. Автор правильно утверждает, что израильское командование заранее решило сконцентрировать все силы на севере, чтобы разбить Сирию. Почему могли так поступить израильтяне? Ведь для них, объективно говоря, главным противником должны были быть египетские вооруженные силы. Все дело, видимо, было в том, что израильтяне заранее знали, что египтяне не будут наступать на Синае. Так было на самом деле: египтяне не наступали, что позволило израильтянам нанести сильные удары сирийцам.

С. 212. Не Москва предложила связаться с Ираком и попросить прислать танки на сирийский фронт. Это была просьба сирийцев к нам, чтобы мы обратились к иракцам.

С. 212. Садат был против прекращения огня, потому что рушился основной план Садата – американцев: американцы к тому времени еще не имели никакого повода к вмешательству, оказанию «давления» на Израиль и т.д. Прекращение огня, хотя и дало бы арабам преимущества, но ничего не давало Садату в плане его игры вместе с американцами. Это было бы **поражением** Израиля, чего американцы не могли допустить. Убить определенное число израильских солдат во имя политических целей США – на это американцы были согласны, но не на поражение Израиля. Садат фактически помогал Израилю и США.

Как это парадоксально ни звучит, но прекращение огня, как показали дальнейшие события, было выгодно арабам, а Садат сопротивлялся этому! Отсюда и нелепые «советы» Садата Асаду.

С. 213. Автор, видимо, поддался этому простецкому объяснению бездействия египетских войск после относительно легкого форсирования канала: дескать, египтяне создали «оборонительную стену» на восточном берегу канала, о которую должны были разбиваться атаки израильтян. Какими наивными должны быть израильтяне при этих «планах».

С. 213. Ответ Асада воспроизводится Хейкалом опять-таки по версии Садата, а не на основе документа. Асад ничего не говорил о языке совпосла в Каире и не ссылался на отсутствие необходимости обращаться за помощью к Ираку.

Асад, действительно, отрицал свои высказывания, сделанные им в беседе с совпослом в Дамаске 4 и 6 октября относительно желательности по инициативе Советского Союза достижения прекращения огня (с оставлением войск на занимаемых позициях). Он не мог вести себя по-другому. Хафез Исмаил в беседе с совпослом объяснил поведение Асада так: действительно, Асад, видимо, считал необходимым прекращение огня после первых успехов арабов (ведь он видел или знал, что египтяне не будут помогать Сирии, на которую навалилась вся израильская армия. – *В.В.*). Однако после провокационного запроса Садата он должен был «спасти лицо» и, конечно, ответил, что не думает о прекращении огня. Это разъяснение ближайшего помощника Садата во время октябрьских событий было сделано, разумеется, в доверительном порядке.

С. 214. Лицемерное заявление Садата Хейкалу о том, что у Советского Союза, дескать, появилась возможность восстановить свой потерянный престиж на Ближнем Востоке. Садат постоянно настраивал Хейкала, как теперь видно из фактов, антисоветски. Перед нами же он в то время расстилался ковриком.

С. 215. Здесь Хейкал прав, говоря о настояниях сирийцев, о неоправданной (кроме как другими неизвестными Хейкалу соображениями Садата – видимо, сговором с американцами) «оперативной паузе» и т.д. Он правильно считает, что если бы египтяне заняли горные проходы Гидди и Митла, это означало бы освобождение всего Синая с неисчислимыми политическими последствиями. Это так, но это не входило в планы Садата, ибо означало: а) доказательство силы советского оружия и эффективности советской помощи; б) укрепление позиций Советского Союза; в) нарушение договоренности с американцами о создании им повода для влезания на Ближний Восток; г) ухудшение отношений с США.

С. 216. Садат не желал откликаться на просьбы сирийцев потому, что боялся не поражения, а успеха – тогда рушились бы все хитроумные политические планы налаживания отношений с США.

С. 216. Напрасно Хейкал пишет то, чего не знает, т.е. опять, видимо, со слов Садата. Советский воздушный мост работал как часы, зря Хейкал не упоминает, какое это имело громадное военное и моральное значение – каждые полчаса в воздухе над Каиром советский самолет с вооружением!

С. 217. Никакого расследования поведения советского посла в Дамаске Садат не требовал от совпосла в Каире. Это опять выдумка Садата.

С. 218. Разве неправильным было предупреждение? Однако Садат опять заносчиво говорил совпослу в Каире буквально следующее: «Я не хочу бегать по Синаю, как этого хочет Н.В. П[одгорный]. Я бы мог занять горные проходы хоть завтра, но это не входит в мои планы сейчас».

С. 218. Совпосол не ссылался ни на Л.И. Б[режнева], ни на А.Н. К[осыгина], а излагал Хейкалу свою озабоченность. Эти добавки Хейкал сделал явно для «красного словца».

С. 219. Совпосол не говорил о трудностях с «воздушным мостом». А что касается замечания Хейкала о том, что русские всегда думают на один ход вперед – это правильно. Показательно также, что Садат не хотел думать о политических шагах, он отсылал совпосла к Фавзи, которому сам, однако, ничего не поручал.

С. 220. Хейкал неточен: русские не говорили о том, что нужно наступать и занять проходы, как и вообще не давали никаких советов (потому что не могли, так как не знали настоящих планов Садата). А ответ военного министра явно невоенный: ведь наступление – лучший вид обороны, а пассивная оборона – гибельна.

С. 221. Ничего подобного не было – это опять версия Садата: он не хотел вступления Иордании в войну, так как это могло если не привести Израиль к поражению, то, во всяком случае, нарушить все планы. Израиль мог оказаться слишком сильно побитым,

и это не создало бы возможности для американцев появиться на сцене в качестве миротворцев.

С. 222. Садат никогда не делал такого «великодушного жеста»: предлагал якобы направить в Сирию советское оружие, предназначенное для Египта. Наоборот, он все время хныкал, когда для этого даже не было никаких оснований, утверждал, что Сирия получает излишнее оружие, а Египту его не дают и т.д. Говорил, что не имеет никакого значения падение Дамаска, у Сирии-де еще есть большая территория, она сможет в случае поражения вести партизанскую борьбу, надо обращать внимание лишь на Египет. Затем шли постоянные просьбы, напоминания – совершенно излишние – о поставках вооружения.

Здесь опять налицо пример дезинформации Садатом Хейкала.

С. 223. Каким контрастом это веселье во дворце Тахра было по сравнению с кровавой картиной на сирийском фронте! Египет и пальцем не пошевельнул, чтобы хоть как-то помочь сирийцам, которых Садат сам втянул в свою военную авантюру ради создания предлога для американцев, чтобы они могли войти на Ближний Восток! А Садата к помощи Сирии обязывали не только морально-политические соображения, но и формальный долг как главнокомандующего объединенными войсками. Сирийцы слишком поздно раскусили смысл игры Садата: ведь они, по свидетельству Хейкала, не менее полутора десятков раз обращались к Садату за помощью, в которой он неизменно отказывал.

С. 223. Автор вновь подчеркивает связи американской и египетской разведок для поддержания непосредственных контактов с Садатом!

С. 224. В послании Киссинджеру не было и упоминаниях о палестинцах. Хафез Исмаил вообще цинично, так же, как и Садат, относился к палестинцам и их проблеме. Это прорывалось часто в беседах с совпослом.

С. 226. Чепуху пишет Хейкал о поставке американцами танков Израилю самолетами, да еще прямо и в зону военных действий. Такие танки, которые использовались во время военных действий, по воздуху не поставляются. Пунктом же доставки американских военных грузов был Эль-Ариш на Синае – место, весьма далекое от района боевых действий. Здесь опять чувствуется «информация» со стороны Садата: об этом же Садат говорил

совпослу, требуя, чтобы Советский Союз начал поставлять Египту танки... воздушным путем. Ему было отвечено, что самые тяжелые военно-транспортные самолеты смогут поднять лишь один – два танка!

С. 227. Неточно: никакие действия египтян не заставляли Израиль перебрасывать с сирийского фронта свои части на Синай. Действия иракцев и даже иорданцев, пришедших на помощь Сирии, серьезно обеспокоили израильское командование, но не действия египтян — ведь израильтяне знали, что египтяне никуда не пойдут.

С. 228. Странное замечание автора о том, что египтяне даже предполагали до начала военных действий, что израильтяне будут форсировать канал и переправляться в Египет. Если египтяне были столь проницательны и даже точно знали место, где это произойдет (Деверсуар), то что им мешало позаботиться о том, чтобы прикрыть именно это место? Израильтяне, пишет автор, наметили свой прорыв на стык второй и третьей армий. Откуда вообще израильтяне могли знать, сколько будет у Египта армий и где они будут развернуты? Что же это за «отличный» план египтян, если, оказывается, израильтянам было известно расположение египетских армий еще с 1969 г., и оно в ходе боевых действие не изменялось?

С. 229. Какой смысл был Египту вообще вводить в дело так называемые «стратегические» резервы? Ведь настоящих боевых действий, которые требовали бы этого, не было. Почему между двумя армиями, выскочившими на Синай, был разрыв в 40 км? Это ведь элементарнейшая и грубейшая ошибка, если не больше.

С. 230. Хейкал так же, как и Садат, ссылается при объяснении отсутствия противодействия просочившимся в Египет израильским частям на... плохую связь с войсками, забывая, что они сами ставят себя в смешное положение этим с позволения сказать «объяснением» – ведь до места прорыва от Каира было немногим больше 100 км! На велосипеде – и то можно было бы доехать за несколько часов.

Далее, на **с. 230, 231, 232, 233, 234** Хейкал ведет неубедительное описание действий Садата, приведшее к вторжению израильтян. Правильно он делает лишь тогда, когда приводит обращения Асада к Садату. Политическое маневрирование Египта было в тот

период плохим, поскольку Садат не хотел быть вместе с Советским Союзом – ведь он вел свою политическую игру с США за нашей спиной.

С. 235. Это одно из самых поразительных мест в книге Хейкала – описание бездействия египтян при прорыве израильтян на западный берег! Оказывается, дело доходило даже до отмены из Каира совершено правильных действий отдельных командиров египтян, пытавшихся ликвидировать прорыв, что было весьма возможным и нетрудным делом. Нет никаких объяснений этому, кроме как предположить (что сейчас весьма часто делается) о сознательном пропуске Садатом израильских войск в Египет. В такой ситуации, действительно, создавался «моральный предлог» для американцев, чтобы они могли инсценировать оказание ими «давления» на Израиль!

С. 235. Автор мог бы и упомянуть о насыпном мосте израильтян через канал, они смогли засыпать Суэцкий канал без помех со стороны египтян и даже заасфальтировать эту дамбу!

С. 235. Какое поразительное искажение фактов! А.Н. К[осыгин] не привозил Садату никаких аэрофотоснимков. Садат не говорил о том, что мирная конференция должна включать «все 14 членов Совета Безопасности ООН, Генсека ООН, все заинтересованные стороны, включая палестинцев». Садат соглашался на конференцию, где были бы страны – участники конфликта (о палестинцах он и не заикался) плюс СССР и США. Но главное, что он требовал от СССР – «гарантий» выполнения Израилем решений ООН, в частности, резолюции С[овета] Б[езопасности] 242, не настаивая при этом на полном выводе войск Израиля.

А к королю Хусейну он обратился ранее не по своей инициативе, а после беседы с совпослом. Участие Иордании могло бы сильно ударить по Израилю, а это не входило в планы Садата, поэтому он и не хотел участия Иордании в боевых действиях.

С. 236. Позиция короля Хусейна, по-видимому, искажается автором в духе, выгодном Садату, видимо, здесь опять интерпретация Садата. Хусейн, наверно, видел или узнал позднее, что Садат ведет не серьезные боевые действия, а игру с участием американцев, в которой ему нет места.

С. 237. Было по-другому. Поскольку Садат готовился к прекращению огня и просил, чтобы такое предложение было внесено

совместно СССР и США, совпосол обратил внимание на то обстоятельство, что к этому надо подготовить египетское общественное мнение. Египетские газеты не могли не писать хорошо о позиции Советского Союза (хотя позднее выяснилось, что им были даны указания быть скромными в этом отношении). Могло получиться так, что в один прекрасный день египтяне узнали бы о том, что СССР присоединился к США в предложении о прекращении огня. Это могло бы бросить тень на позицию СССР – ведь египтянам ничего не говорилось о прорыве израильтян на западный берег канала!

Садат согласился с совпослом и сказал, что даст указание Хейкалу подготовить большую статью на этот счет (Садату и самому надо было как-то оправдаться). Хейкал, действительно, написал обширною статью со схемами, что, конечно, ошеломило египтян. Они увидели, что вместо побед, о которых им ранее только и говорили, Египет стоит сейчас на грани военной катастрофы. На этом фоне поведение Советского Союза выглядело уже логичным: Советский Союз, идя сейчас на прекращение огня, спасет Египет.

С. 238. Весьма характерно, что Хейкал совершенно пропускает исключительно важный с точки зрения исторической фактологии момент: а как же все-таки было организовано прекращение огня, с чего все это началось? Он привел высказывания Ахмеда Исмаила после прорыва израильтян о том, что нельзя, дескать, поворачивать ни одной части на ликвидацию прорыва, привел его слова, сказанные «наедине» Садату (интересно, как узнал о них автор?). Существо-то этого высказывания также двусмысленно: то ли это вежливая форма признания крупнейшей военной неудачи, то ли подсказка Садату – дескать, условия для вмешательства американцев подготовлены? Неизвестно, что. Что же сказал военный министр наедине Садату? «Он сказал, что сейчас он говорит для истории и как патриот, и если президент видит путь, открытый для прекращения огня на приемлемых условиях, то он поддержит такое решение»(!).

Далее Хейкал сразу переходит к изложению послания Садата Асаду, опуская очень важный момент – просьбу самого Садата, обращенную к Советскому Союзу, организовать как можно скорее прекращения огня.

В 1.30, т.е. ночью, 20 октября Садат попросил, чтобы к нему срочно во дворец Тахра прибыл совпосол. И примерно в 2 часа ночи он, заметно нервничая, попросил передать в Москву его срочную просьбу организовать немедленно прекращение огня с оставлением израильских войск на тех позициях, которые они заняли на западном берегу канала. Это была именно просьба Садата. Показательно, что нигде до сих пор никто из египтян, включая, разумеется, самого Садата, не упоминал о том, что прекращения огня попросил первым сам Садат.

С. 239. В послании Асаду Садата наряду с преувеличениями («В течение последних десяти дней я на египетском фронте сражался также и с США (!), поскольку они поставляли оружие [Израилю]. Говоря откровенно, я не могу сражаться с США или принять ответственность перед историей за уничтожение наших вооруженных сил во второй раз»), содержится и ряд грубых передержек. Из послания, например, следует, что Советский Союз якобы предложил гарантии СССР и США о выводе израильских войск, созыв мирной конференции под эгидой ООН. Гарантий мы не предлагали – их просил Садат.

Кстати, ответ Асада Садату был совершенно правильным, и вообще, как показали прошедшие события, Асад оказался более дальновидным и честным в отношении Советского Союза, чем Садат.

Глава V. «Атомная тревога».

С. 246. Когда СССР выступил за то, чтобы в мирной конференции помимо сторон конфликта участвовали лишь СССР и США, то здесь играли роль не опасения в отношении поведения КНР (если бы участниками конференции были все члены С[овета] Б[езопасности] ООН), а другое. Участие других империалистических государств, таких, как Англия и Франция, вело бы к тому, что в решающие, наиболее трудные моменты для защиты интересов арабов они, конечно, были бы не на стороне прогрессивного арабского движения. Поэтому в интересах арабов было бы ограничить участие Соединенными Штатами и Советским Союзом. Для националистов типа Хейкала и Садата, видимо, нет разницы во внешней политике СССР и капиталистических стран.

Автор также много выдумывает, описывая разговор советского руководства с Никсоном. В частности, совершенно не соответствует действительности его утверждение, будто СССР якобы вел переговоры с американцами о том, когда прекратить работу «воздушных мостов» – советского в Египет и американского в Израиль.

С. 248. Непорядочность Садата (мягко говоря) дошла до того, что в то время, как египтян все еще убивали только что полученным из США новеньким американским оружием, в то время, как Садат напыщенно говорил, что ведет сражение с самими США – в это время Садат за спиной СССР посылает приглашение Киссинджеру посетить Каир! Этот факт стал впервые известен из книги Хейкала. Садат требовал от СССР оружия, полной политической поддержки и визжал от нетерпения и страха, когда израильтяне, не считаясь с резолюцией С[овета] Б[езопасности] ООН о прекращении огня, продолжали вести наступление в Египте.

Любопытно, что и на этот раз Хейкал отмечает непрерывную связь, которую поддерживали во все время военных событий американская и египетская разведки.

С. 250. Поразительное невежество Хейкала и незнание им главных фактов истории, которую он взялся описывать! Он пишет, что самым большим недостатком резолюции С[овета] Б[езопасности] ООН 339 было отсутствие требования о возврате войск на позиции, которые они занимали 22 октября! Между тем эта резолюция в качестве единственного оперативного пункта содержала требование о возврате войск на позиции, которые они занимали 22 октября!! В этом и был весь смысл резолюции, причем единственный смысл. Она была очень важна и представляла собой большую победу Советского Союза. Возможно, именно поэтому Хейкал ее и исказил, а Садат решил вообще от нее отделаться, заключив позднее уродливое «соглашение из 6 пунктов» с Киссинджером, которое заменило эту отлично сформулированную и четкую резолюцию ничего не обязывающим обещанием израильтян о «разводе войск».

Выдумывает автор также и о разговоре совпосла с Садатом на темы о прекращении огня.

С. 251. Новое искажение Хейкалом действительных событий. На этот раз большого политического значения. Хейкал отрицает,

что египтяне просили СССР прислать свои войска. Да – просили, и просил это сам Садат. Поскольку израильтяне не соблюдали прекращения огня, рвались вперед, чтобы окружить третью египетскую армию и овладеть Суэцем, а Никсон уверял Садата и СССР, что, по американским данным, Израиль соблюдает прекращение огня, Садат обратился к СССР и США с просьбой прислать свои войска и/или наблюдателей, чтобы заставить силой Израиль прекратить наступление. Когда американцы отказались, Садат обратился к СССР через совпосла и просил СССР в односторонней порядке прислать свои войска. Именно изъявление готовности Советским Союзом удовлетворить просьбу Садата побудили американцев «для спасения лица» объявить «атомную тревогу», но к тому времени Израиль и США поняли, что шутить с СССР опасно, израильтяне остановились. Второй раз в истории современного Египта решительные действия СССР спасли Египет от полного разгрома.

С. 251 – 252. Чепуху пишет автор, будто бы можно получать аэрофотоснимки примерно каждый час. Он просто не знает технологии этого дела.

С. 253. Садат говорил Асаду неправду. В момент своего панического настроения Садат настойчиво просил 25 – 26 октября СССР прислать свои войска и/или наблюдателей, он просил нас силой остановить израильтян. Перед сирийцами же он хочет выглядеть по-другому.

С. 254 – 255. Автор пишет, что состояние боеготовности №3 в американских вооруженных силах былой введено по инициативе Киссинджера. Совпослу в Каире Киссинджер объяснял по-другому: «Не выдержали нервы у Никсона», – сказал он.

Непонимание Хейкалом сущности разрядки проскальзывает и здесь – в утверждении, что СССР был якобы склонен оказывать давление на своих друзей, т.е. арабов. Мы не оказывали давления на Египет, а спасали его от разгрома! Хейкалу можно было бы об этом и упомянуть.

С. 256. Верх авторской выдумки: оказывается, поставки вооружения по воздушным мостам (из СССР в Египет и Сирию, из США – в Израиль) были равными «тонна в тонну», как он пишет. Для придания весомости этой нелепой выдумке хотя бы указал, кто вел этот счет.

С. 258. Хейкалу не стыдно упоминать о громадном числе подбитых танков. Это он делает для преувеличения значения «сражения» – раз много потерь, значит, и драка была большая. Вовсе необязательно. Египтяне бросили много танков на поле боя, не пытались вытаскивать подбитые танки из-под огня и ремонтировать их, а ведь каждый танк стоил около 250 тыс. рублей!

Не стоит автору и впадать в патетику: «Когда израильтяне подошли – египтяне нанесли им сильный удар, когда они снова подошли – они вновь получили сильный удар». Как оказалось, били-то не израильтян, а египтян!

С. 260. В конце снова самое ценное признание Хейкала: египтяне еще 7 октября знали, что путь на перевалы свободен и их можно забирать. Но они не наступали. Почему?

* * *

Книга Хейкала, безусловно, интересна, но изобилует очень большим числом искажений и неточностей фактического порядка, которые обесценивают ее как исторический документ. Конечно, оценки автором событий и явлений во многом зависят от его мировоззрения. Но зависят они также от знания подлинных фактов.

Во времена Насера Хейкал имел свободный доступ к государственным документам и, тем не менее, многое перевирал в своих сочинениях по «идейным соображениям» (см., например, его книгу «Каирские документы»[1]).

Из последней книги Хейкала явно следует, что Садат практически не допускал Хейкала к документам. Поэтому отдельные факты и события, содержания посланий Хейкал описывает в изложении Садата, который постоянно настраивал Хейкала антисоветски, подсовывал ему свои версии событий. Хейкал, не стесняясь, не перепроверяя их, помещает их в книге, забывая, что имеет дело с вопросами, затрагивающими не одно государство (Египет), но и другие, в частности, Советский Союз. Недопустимость подобного вольного обращения с такого рода вопросами, которые иногда составляют государственную тайну, очевидна.

---

[1] *Heikal, Mohamed.* Nasser: The Cairo Documents. London, 1973. – *Прим. ред.*

И даже несмотря на антисоветскую тенденциозность освещения отдельных фактов, сквозь них все-таки пробивается правда о благородной роли и последовательной политике СССР в поддержке национально-освободительного движения против империалистических происков. Хейкал часто, видимо, того не желая, разоблачает предательскую роль президента Садата. Не случайно книга «Дорога к Рамадану» запрещена в Египте, были разрешены к напечатанию лишь те главы, в которых восхвалялось поведение Садата и принижалась роль Советского Союза.

Москва, август 1975 г.

Научное издание

Виноградов Владимир Михайлович

**Египет: От Насера к Октябрьской войне.
Из архива посла**

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Компьютерная верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 23.05.2012
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 11.
Тираж 300 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано «2x2 PRINT», г. Москва,
Б. Черкасский пер., д. 4, стр.1, тел.: (495) 661-26-77